
Центр изучения современной Японии
The Center for Contemporary Japanese Studies

Японский фонд
The Japan Foundation

ГЛОБАЛЬНЫЕ
ВЫЗОВЫ –
ЯПОНСКИЙ
ОТВЕТ

Global challenges –
Japanese response

МОСКВА
«АИРО–XXI»
2008

Руководитель проекта Э. В. Молодякова
Project leader E. V. Molodyakova

Редактор Н. П. Дмитриевская
Edited by N. P. Dmitrievsky

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI. 2008. – 308 с.

Коллективная монография, подготовленная российскими учеными-японоведами, показывает, что нового происходит в Японии и как страна вписывается в картину современного мира периода глобализации. Все главы монографии, разделенные на два смысловых блока, объединены общим подходом, который состоит в том, чтобы показать, как глобализация влияет на ситуацию в стране и обществе и какой ответ получает на свои вызовы. Новаторским в подходе авторов к раскрытию заданной темы является их стремление рассматривать ту или иную частную проблему в общем контексте. Просматривается также логическое развитие, но уже в другом аспекте темы, затронутой в предыдущих главах. В первом блоке рассмотрены тесно связанные между собой темы, которые позволяют посмотреть с различных сторон на значимые проблемы в духовном секторе жизни японского общества на этапе глобализации. Речь идет, прежде всего, о самоидентификации Японии, уточнения которой требуют вызовы глобализации; об истории трансформации национальной идеи, которая в настоящее время обретает понятие бренд «Япония»; об определении страной своего места в мире и моделировании современного имиджа. Во втором блоке показаны различные аспекты экономики Японии и проанализировано, как отдельные ее составляющие отвечают на вызовы глобализации. Такой подход позволяет не только выделять новые проблемы для дальнейших исследований, но и создать единое, «тканое» полотно жизни японского общества в эпоху глобализации.

Проект «Глобальные вызовы – японский ответ» выполнен в 2008 г. в рамках деятельности Центра по изучению современной Японии, созданного на базе заключенного в 1991 г. Соглашения между Академией наук СССР (ныне Российская академия наук) и Японским фондом (Япония) о поддержке и развитии японоведческих исследований в России.

The Project “Global challenges – Japanese response” was conceived and produced in 2008 by the Center for Contemporary Japanese Studies, established under the agreement, concluded in 1991 between the Academy of Sciences of the USSR (now the Russian Academy of Sciences) and the Japan Foundation (Japan) to promote the studies of Japan in Russia.

ISBN 978-5-91022-061-8

© Центр изучения современной Японии, 2008
The Center for Contemporary Japanese Studies, 2008
© «АИРО–XXI», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Introduction (перевод <i>А. Л. Гарибова</i>)	7
Предисловие (<i>Э. В. Молодякова</i>)	22
Глава первая. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи (<i>В. Э. Молодяков</i>)	41
Глава вторая. Между миром и собой: трансформация имиджа Японии в эпоху глобализации (<i>А. Е. Куланов</i>)	59
Глава третья. Япония уточняет свою идентичность перед вызовами глобализации: Восток встречается с Западом (<i>С. В. Чугров</i>)	77
Глава четвертая. Толерантность межконфессиональных отношений и восприятие ислама в Японии (<i>Э. В. Молодякова</i>)	94
Глава пятая. Япония – новый центр масс-культуры в контексте глобализации (<i>Е. Л. Катасонова</i>)	116
Глава шестая. Эйго: английский язык в современной Японии (<i>В. М. Алпатов</i>)	138
Глава седьмая. Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее (<i>И. Л. Тимонина</i>)	151
Глава восьмая. Японо-американские экономические отношения в контексте глобализации (<i>И. П. Лебедева</i>)	176
Глава девятая. Азиатские аспекты государственной политики Японии в сфере энергоснабжения (<i>Д. В. Стрельцов</i>)	203
Глава десятая. Высокотехнологичные инновации – ответ на вызовы XXI в. (<i>Ю. Д. Денисов</i>)	222
Глава одиннадцатая. Японское сельское хозяйство и деревня перед вызовами глобализации (<i>С. Б. Маркарьян</i>)	240
<hr/>	
Специально для проекта: <i>Симотомаи Нобуо</i> . Холодная война в Восточной Азии и проблема «северных территорий» (перевод <i>С. С. Чугрова</i>)	262

CONTENTS

Introduction (Molodyakova E. V.)	7
Chapter 1. Brand “Japan”: transformations of national idea. (<i>Molodyakov V. E.</i>)	41
Chapter 2. Between the world and itself: the transformation of Japan’s image in the era of globalization (<i>Kulanov A. E.</i>)	59
Chapter 3. Japan identifies itself under the challenges of globalization: The East meets the West (<i>Chugrov S. V.</i>)	77
Chapter 4. The tolerance in inter-confessional relations and the perception of Islam in Japan (<i>Molodyakova E. V.</i>)	94
Chapter 5. Japan – a new center of mass culture in the context of globalization (<i>Katasonova Y. L.</i>)	116
Chapter 6. Eigo: the English language in modern Japan (<i>Alpatov V. M.</i>)	138
Chapter 7. Japan in the global economy: the present and the future (<i>Timonina I. L.</i>)	151
Chapter 8. Japan–US economic relations in the context of globalization (<i>Lebedeva I. P.</i>)	176
Chapter 9. Asian aspects of Japan’s government policy in the sphere of energy supply (<i>Streltsov D. V.</i>)	203
Chapter 10. High technology innovations – the response to the challenges of 21st century (<i>Denisov Y. D.</i>)	222
Chapter 11. Japanese agriculture and village under globalization challenges (<i>Markarian S. B.</i>)	240
Specially for the project:	
<i>Shimotomai Nobuo</i> . Cold war in East Asia and the problem of the “northern territories” (Translated by <i>Chugrov S. S.</i>)	262

INTRODUCTION

The last decade of the 20th century and the first decade of the 21st century saw significant changes in the global system. These changes have influenced, actually, all the aspects of the life of international community. Generally, they are known as the process of globalization, which results in unprecedented interaction and interconnection of economic, social and cultural ties among various countries, rather free movement of goods, finances and people across the national borders, the creation of transnational corporations and international organizations. Certainly, all these developments to a certain extent affect the life of any society or region of the world. Every nation, connected by many visible and invisible threads with other nations, can’t always act as it thinks best, but has to consider the international community. Primarily, one should keep up with the latest achievements of scientific and technological progress in order not to lag behind the global development standards (that is particularly important for the developing countries).

In general, globalization set a number of new global challenges, which manifest themselves in economics, politics, cultural and social spheres. Mostly globalization affected economics. Some economic problems have acquired global nature and can’t be solved by a separate country and even by a group of countries. This is, for example, the movement of finance flows, as well as the instruments of control of economics, which were previously quite effective, but today they don’t work and are not completely controlled by the national governments. In politics not only bilateral and multilateral agreements are concluded, but international organizations, alliances and institutions are established. However, the actual politics remains in many respects within the framework of the national structures. Besides, one should take into consideration social, cultural and psychological peculiarities of every nation. Thus, every nation gives its own answer to the challenges of globalization.

As for Japan, it has its own problems in this respect. Being, actually, the only industrial country in Asia, Japan was affected by both the Asian crisis in the end of the 20th century and the inner structural crisis, which is char-

acteristic of all the developed nations. Japan initiated reforms in, practically, all the spheres of national life; thus, one can speak about the third stage of reforms in Japan in the late 1990s. Traditionally, three reformation periods are distinguished in the Japanese history; during these periods, known as the “three internationalizations”, Japan adopted the achievements of the West. Drastic changes took place in the national politics, economy, social structure, ideology and the way of life. Up to now Japan followed the scheme of “overtaking development”, using the existing development patterns of the industrial countries, advanced technologies and economic institutions, which proved to be effective. Today, as a developed nation, Japan should offer the world its own – and the best – development pattern. To this end it should use the latent forces of the nation. Since neither the Japanese paternalist system with the leading role of the state, nor the borrowing of the American version of capitalism, correspond to the current dynamic business culture under the rapid development of high technologies, it is essential to work up the new socioeconomic concept. Japan’s third internationalization coincides with the current globalization process. At the same time, even under globalization, Japan, as usual, retains its right to take “sovereign” decision: what Western experience should be adopted and used by the nation.

The authors of the project intended, first of all, to show the new developments in Japan and its place in the world during the period of globalization. Twelve chapters of the study, divided in two blocks, have the common approach: to show, how globalization affects Japan and how the nation meets the new challenges. The authors’ aim was to study separate problems in the general context; that is proved by the references of the authors to the each others’ works (for example, in chapters 1 and 2). A subject examined from various angles (chapters 7 and 8, which consider the significance of innovations). In chapters 7, 8, 9 and 10 the authors, while studying various problems, touch the issue of the mutual importance and attraction of Japan and the East Asia region in various areas. Such approach makes it possible not only to reveal new problems for further research, but to create a unified picture of the life of Japanese society under globalization.

The first block of chapters studies the interconnected subjects, related to the important problems of the national spiritual life at this stage of globalization. First of all, it is a matter of Japanese self-identification, which must be verified in order to meet the new challenges; of the transformation of the national idea, which is currently turning into the notion “brand Japan”; of the Japan’s position in the world and its modern image. Other significant, but little-studied aspects of the Japanese society’s life, examined in the first

block of chapters, are inherent confessional tolerance, and, in particular, the spread of Islam in the country; linguistic globalization and the role of the English language (which tends to become lingua franca in the 21st century) in the life of the Japanese today. Perhaps, for the first time the question is put: if modern Japan can claim the role of the global center of mass culture.

The second block of chapters studies various aspects of the Japanese economy. It examines, how separate elements of national economy meet the challenges of globalization. In particular, the following subjects are considered: Japan’s place in the world economy; the changes in Japan-US relations in the context of globalization; the situation in the agriculture, which is currently under heavy pressure of external factors; the national policy in energy conservation; Japan’s achievements in high-technology innovations. All these issues are examined in detail in the respective chapters of the study.

Prof. Shimotomai Nobuo (Hosei University, Tokyo) is the specially invited author of the project. He wrote the article about the problem of the “Northern Territories” in the Russian-Japanese relations in the context of the period of “cold war” in East Asia.

Japan is one of the leading industrial democracies, and it enjoys full rights as a member of the Western community. At the same time, it is a part of the Asian world. Naturally, in such situation the Japanese think about their national originality, their distinctive culture, i.e., it is a matter of national self-awareness and self-identification. It implies not just belonging to a certain civilization entity, but defining the place of the nation in the system of international relations. Under the new conditions of globalization Japan seeks to verify its identity; this is the subject of Chapter 1, written by S. V. Chugrov. Such verification is necessary because of the fact, that the Japanese belong to the West as well as to the East. Japan is a symbiosis of the Western political and the Eastern Confucian and Buddhist identity; this situation results from the Japanese adaptive world perception, deeply rooted in the national religion. The Japanese identity has two aspects: external (institutional) – Western, and internal (spiritual) – Far Eastern. One should take into consideration, that globalization shifts the accents in defining the identity. Most Japanese traditionally associate themselves with the national cultural and civilization entity; however, globalization leads, primarily, to the close interaction and interpenetration of various civilizations. The inclusion of a number of Asian nations in the world community is realized, in particular, by their participation in economic and political processes, which is stimulated by their self-awareness and national culture. However, another way is possible, when the global culture is accepted, and it merges with the national cultural tradition – that was the case with Japan. This process was named “glocalization”, i.e., the synthesis of local cultures

and the achievements of the global multi-cultural civilization, which is currently being formed. In other words, the process of mutual enrichment of various cultures is under way. Japan is a typical example of successful globalization. That's how the nation answers to the challenges of globalization, which, undoubtedly, endangers the national cultural and civilization originality.

Chapter 2 examines the position of the national idea within the framework of official ideology in the modern Japan under globalization. According to the author – E. V. Molodyakov, the Japanese elite doesn't reject the need of the national idea, which in the past proved to be the powerful mobilization factor. The defeat in the World War II became a political, ideological and spiritual collapse for Japan. Patriotism and the national pride were outlawed, national traditions were declared “reactionary” and consigned to oblivion. When the national sovereignty was restored completely, such virtues as labour and diligence, high mobilization potential were moved to the foreground. Japan sought to compensate the complex of the bankrupt military and political leader by the “moral leadership” in the struggle for peace and against the nuclear arms. After the Japanese had rehabilitated themselves in their own opinion, they rehabilitated themselves in the opinion of the outside world by achievements and success in economy, management and social area. The whole post-war history of Japan – the reconstruction period, the period of rapid economic growth, the period of the speculative “bubble economy” – was guided by economically oriented and economically meaningful national idea.

After achieving economic success, Japan intended to become the “cultural superpower”. In the 1960s – 1970s various theories, nicknamed “cultural nationalism”, began to spread as the reaction to the lack of acknowledgement of the modern Japanese culture. These theories, based on the concept of the unique nature of the Japanese civilization and culture, didn't become official ideology, but they occupied the empty place in the spiritual life and influenced the Japanese consciousness. The crisis in Japan since the early 1990s directly affected the national idea. In politics Japan remains the US satellite. In economic sphere it retains the second place, but today it is evident to everybody, that its economic model is not perfect. Also, Japan hasn't become the great cultural power of today. So, it puts forward “Brand Japan” as a national idea. Japanese image makers realized, that “Japan – is a brand with good reputation”, and this brand “is in demand” up to now. They plan to sell under this brand the national cuisine, tourism and mass culture (*manga* and *anime*). The last direction is considered to be especially promising, since mass culture has the low threshold of perception and, hence, the wide sphere for promotion abroad. The oversimplified culture of *anime* doesn't demand special efforts for its perception and can

please even the people with undeveloped aesthetic taste and intellect. In the future they plan to stimulate interest – through *anime* – to the more complicated forms of the Japanese culture.

Chapter 3 (author – A. E. Kulanov) describes, how Japan tries to combine the longing for globalization and the display of its uniqueness. Lately Japan's political and intellectual elite is anxious about creating the positive image of their country, looking for the new ideals, which conforms with the quest for the national idea.

Entering the 21st century, the Japanese realized with disappointment, that Europe, the United States and China – parts of the world, that are of the utmost interest for Japan – haven't yet changed their opinion about the Japanese and Japan radically. Until quite recently Japan could afford itself to ignore this situation, since in the field of image making it was concentrated on reversing the image (which was formed during the industrial boom) of the nation as an “economic giant on the dwarf-like legs”, which can move only at the command of the United States. However, although lately China headed the list of rapidly growing economic giants, Japan failed to restore its political image. Tokyo tried to dispel apprehensions of its neighbours, anxious about its economic power, concentrating on such problems as climate changes and human rights. Japan ranks second – after the US – contributor to of the UN, paying about 20% of its budget. However, actually, all the Japanese efforts were futile.

The developments of the last three years showed, that Tokyo is shifting its foreign policy; it frankly acknowledged, that it has the army and is creating intelligence service; it began to participate in military operations with the evident purpose of taking part in combat operations; and, at the same time, it makes efforts to create positive image of Japan. For the present, Tokyo hasn't made a choice yet between the exceptional and globalization mode of presenting itself to the world. Although Japan is not in a position to lead the globalization process, it seeks to actively participate in it. Thus Japan has to fight at various globalization fronts and to explain every time to the parties concerned the new image of Japan and its new role in the world.

Hence, odd – at first sight – trends take place in the process of forming the Japan's image at the West by the Japanese image makers. The Japanese political idea, seeking compromise between its own globalization concepts, Western expectations and Eastern realities, finds a solution in forming quite abstract and non-ambitious version – creating a new image not of Japan, but of a Japanese. To put it more accurately, it is the image of a “Cool Japanese” – the version, which would be convenient for everybody in accordance with globalization standards. The path to this solution was rather long and thorny; it was an example of a unique process – how the national

idea was transformed into the strategy of image making. It was based on several starting-points: the necessity to change the image of Japan in the world; the possibility to preserve the national uniqueness; and, as an obligatory condition, the fixed idea of the Japanese diplomacy – the promotion of the Japanese identity around the world. All these also explain rather intricate combination of the main directions of Japanese cultural diplomacy – the government policy in forming the image of Japan abroad through the activity of government and non-government organizations.

The religious pluralism in Japan can play an important part in promoting its positive image in the world. Religious tolerance is characteristic of the Japanese. This problem is studied in Chapter 4 (the author – E. V. Molo-dyakova). It is known, that during the human history religion directly influenced and participated in various political, economic, social and cultural processes. It ranks high in the life of any civilization and culture. Today we see a stable trend towards new influence of religious factors on all the aspects of life in various regions of the world. In particular, religion is returning to politics. Islam – the youngest among the world religions – takes the most active position in the modern world. This religion has become a real force, which participate in many significant political developments in various regions of the world. Thus, Islam can't be ignored.

In Japan coexistence of religions has a very long history. Japanese religious consciousness is based on the national faith Shinto, which is a combination of various beliefs, cults, rites and ethical norms. Buddhism, which came to Japan in the 5th century in the context of continental culture, was not perceived as an absolutely alien element because it didn't require the rejection of the national faith. Two religions divided the cycle of the human life: the birth and the life are within the Shinto canons, and the funerals are performed according to the Buddhist rites. Buddhism took root in Japan without traditional religious wars, and the result was the formation of Shinto-Buddhist syncretism. At the same period Taoism (or Daoism) and the moral and ethical teaching Confucianism spread in Japan. Later Christianity blended with this religious mosaic. The so-called new religions, which appeared in the 20th century, included many old religious beliefs and views, and added new doctrines. That was the religious situation in Japan in the second part of the 20th century, when Islam began to spread gradually in the country.

Chapter 5 examines the new trends in the Japanese mass culture. The author – E. L. Katasonova – posits a question, if Japan can become the new center of such culture during globalization period. There are some prerequisites for such possibility. In particular, today the authors of the Japanese cultural diplomacy realize that the much desired cultural leadership might be achieved not by promoting the uniqueness of the national culture (which

is rather difficult for perception abroad), but mainly through mass culture, which is likely to become one of the basic elements of globalization in the cultural sphere. Mass culture to a considerable extent relegates both elite and traditional culture to the background. At the same time, mass culture adapts them to the mass consciousness and turns them into the mass consumer product.

One can say, that Japan is gradually turning into the so-called “specialized” center of cultural globalization with a wide range of cultural industry's products: from *manga* comic strips to modern music. However, the most demanded items of Japanese cultural export are animated cartoons, fashion and national cuisine. And Japan seeks to create its brand on this basis.

Currently Japan displays evident intention to involve the Asian nations in the sphere of promotion of its mass culture. Everything seems to indicate that Japan is ready to become a regional center of cultural globalization, which blends effectively the possibilities of modern technologies with the creative content of products in various areas – from *manga* and *anime* to TV serials and music.

Suffice it to say, that in some Asian countries the Japanese cultural product amounts to 60% of the market. Thus, mass culture wins the new audience, primarily, among the young people. Japan seeks to become a kind of a bridge between Western and Asian cultures, as well as to adapt the product of Western mass culture to the objective demand of the Asian market.

At the same time, the contrary process is under way; precisely, the Japanese cultural projects (*manga* and *anime*, in particular) have become a significant item of cultural export to the West. The national Japanese product is in demand on the local foreign markets, and, actually, it is becoming a global product.

Japan is an example of successful glocalization, that is, the synthesis of national and global cultures; at the same time, despite the surface changes, the traditional national cultural core is preserved. Today Japan is ready to produce competitive mass cultural products.

Chapter 6 (the author – M. V. Alpatov) examines the role and place of the English language in the life of the Japanese, especially in connection with the fact, that English tends to become *lingua franca*. According to the author, the problem of globalization in the language sphere relates to the usage of the English language in many countries and its influence on other languages. In Japan after the Meiji Restoration the English language immediately acquired the greatest significance among the foreign languages. At that time some Japanese men of culture regarded the knowledge of the Western languages as an integral part of Europeization. Up to the beginning

of the 20th century the teaching process in a number of universities was partially or even completely in foreign languages. Despite these developments, the real bilingual situation didn't form in Japan, and the knowledge of foreign languages was limited to the narrow layer of intellectuals. According to the Japanese cultural tradition, the borrowed knowledge in English was adopted and included in the context of the national culture. The new notions were expressed not in foreign languages, but in Japanese, or by literal translation, or by the loan-words, which since then were defined by the word "*gairaigo*", which means "the words, which came from outside". *Gairaigo* live by their own life, which doesn't relate to the knowledge of a foreign language.

Naturally, most *gairaigo* came from the English language, and in the post-war period mainly from American English, which is connected to a considerable extent with the Americanization of mostly all the sides of life of the Japanese society. The knowledge of English is a matter of prestige in Japan, but it doesn't mean that ordinary Japanese speak English well. Among 152 countries Japan ranks 149 as for the knowledge of English. The author studies this situation and comes to a conclusion, that the main cause is the lack of motivation of learning English, as well as substantial cultural barriers between Japan and, primarily, the USA. Japan was always open for the elements of other cultures, however, it was closed for personal contacts. What is more, for most Japanese contact with the foreigners is not a matter of topical interest, so native language is quite enough for everyday life. However, the government is anxious about such situation in Japan under globalization, and it tries to encourage the learning of the English language.

Chapter 7 opens the second block of chapters of the study (author – I. L. Timonina). It examines Japan's current position in global economy and its prospects. Even today some results of globalization are visible, in particular, the formation of a new global economic system, in which the significance of separate countries and regions are being changed, including the formal world economic leaders.

Under such circumstances the struggle for maintaining and strengthening positions in global economy, for exploiting the advantages of the current developments, for the right to participate in forming the new economic order is of particular importance for the world powers. Japan has found itself in quite a difficult situation: it has to meet the challenges of the new century, while solving the remaining problems of the period of "overcoming" development and not yet achieving secure stability after the depression of the 1990s.

Despite the decrease of its share in global economy in the 1990s – the early 2000s, Japan retained its place in the group of world economic leaders.

At the same time, one can presume, that current Japanese economic success is based on the former achievements. In the beginning of the 21st century Japan faced with the necessity elaborate a new pattern of economic development, which would enable the nation to create a base for stable economic growth under globalization, to raise its competitive capacity in the world market, to retain and strengthen its position of one of the global economic leaders.

The content of Japan's long-term economic strategy proves, that both the Japanese government and business community realize the major, complicated problems, which must be solved in order to achieve further economic growth under globalization.

The development of innovations has become the priority line of the comprehensive economic strategy for raising the national competitiveness. The concept of creating a "virtual cycle" of innovations and demand is put forward. According to this concept, Japan should become the world innovation center and offer new products and technologies in the world market, i. e., to create a "virtual cycle" in the global scale, and primarily, on the basis of cooperation with the Asian countries. It is important, that the new economic strategy regards the problem of Japan's stable economic growth in the unity of internal and external development factors. It is not just a matter of surviving in the globalization world, but of deriving maximum advantage from the new situation. According to the authors of the new economic strategy, Japan should turn into active subject of globalization process, opening its market and even "widening" its boundaries on the basis of carrying out the strategy of "co-development" in East Asia. Japan regards itself as a pivot, connecting the global markets and the economic system of Asia.

In Chapter 8 Y. D. Denisov examines the high technology innovations as a response to the challenges of the 21st century. For Japan the ageing of population is among the most serious challenges. It hinders attaining Japan's primary national objectives. Scientific, technological and organizational innovations are regarded as the basic of development resources. Four main directions would demand the most directed efforts. First – the development of more efficient instruments of labour and labour-saving technologies. Second – the development of equipment and technologies for efficient use of additional human resources. Third – connected with the problem of "ageing society" – to ensure active longevity of the population. Four – to exert additional efforts in the sphere of science and technology in order to facilitate everyday life for the aged, i. e., to mollify the problems of old age.

Since 1970s the Japanese leadership has been pursuing a policy of comprehensive improvement of the nation's vital activity on the basis of the latest scientific and technological achievements. During this period the re-

search of the vital processes and biological functions, compatibility of industrial and living systems, of interrelation of a human being and biosphere, of the development of human mental abilities, has been intensified.

Also, new directions in the development of Japanese robotics, in particular, the advanced models of robots, including “anthropoid” constructions, have been formed. The ultimate goal is to create the robotized infrastructure of everyday life.

The fundamental law on science, technique and technologies (adopted on November 15, 1995) is the most important official document, summarizing the basic organizing principles of scientific and technological activities in Japan. It reflects, actually, all the factors, which are the basis of the current research process. The law states, that the government and society should pay special attention to scientific and technological progress and its results.

In 2001 the national strategy of innovation development was formed in Japan. The fundamental research becomes the top priority of national development. Two large-scale areas were named. The first includes four major sections – the science about life; informatics and telecommunications; nanotechnologies and materials; ecology. The second consists of the following sections – the energy sector and resources; industrial technologies; industrial and social infrastructure; the Earth and the Space.

The realities of life proved that there are some unresolved problems, which impede the innovation development in Japan. In particular, these are problems of intellectual property, especially, registration of the intellectual property rights, including the priorities of Japan’s innovation policy. Much attention is also paid to the acceleration of industrial introduction of the scientific research results. This resulted in passing the laws on industrial introduction of the universities’ technologies; on special measures production revival and improvement of industrial technologies.

The ultimate goal of the current Japanese efforts is to form the more creative model of innovation development, which would make it possible for the nation, at least, to retain strong position among the world leaders in the innovation area.

According to the projections, made by the experts of Japan’s National Institute of Scientific and Technological Policy, the Japanese might achieve much success in creating new materials on the basis of nanotechnologies, as well as in using such technologies in other branches of industry, in bio-engineering and environment protection. Japan would hold strong position in highly efficient computer systems, in optoelectronics and photonics, in communication technologies. Japanese energy-saving technologies, waste recycling systems, robotics, and other scientific and engineering achievements will remain in high demand.

Thus, the progress of high technology innovations (and otherwise it is impossible today to hold a position of a world leader) is the convincing Japanese answer to the challenges of the new century.

Under the current process of globalization the Japan-US relations are of particular importance. It is not just a matter of their economic power; the point is that the two nations are play the most active part in international trade; they are the largest world investors and principal creditors; they are the leaders of the global scientific and technological progress, the major donors of international organizations, etc. Globalization not only contributed to the consolidation and expansion of all forms of the Japan–US economic cooperation, but resulted in considerable shifts in its structure. However, currently trade remains the main form of bilateral economic relations, although in the 1990s and especially in the current decade significant changes have occurred in this sphere. These issues are studied in Chapter 9 – the author I. P. Lebedeva.

Today the United States remain Japan’s chief trading partner. However, if the USA are the largest market for the Japanese export, since 2003 China is the largest exporter of goods to Japan (21% of Japan’s import, while for the USA this figure amounts to 12%). In general, during the period 1990s–2000s American position as Japan’s trading partner appreciably weakened, both in import and export.

All these developments reflect significant changes in the system of Japan’s foreign economic ties during globalization. Primarily, a powerful Japanese production base is currently being formed in East Asia, accompanied by rapid growth of trade between Japan and this region. At the same time, a considerable part of products, produced by Japanese enterprises in the region, are exported to the third countries, first of all, to the United States. In other words, the USA remain a significant market for Japan, but direct export is increasingly replaced by the export from the Japanese foreign branches.

Japan’s import volume from the USA is much less than Japan’s export to this country. The US deficit of trade with Japan is astonishing. In 1991–2006 it was about \$50–80 billion. At the same time, disbalance in machine building trade is the main source of such deficit (in the middle of this decade it amounted to \$70–80 billion). Despite the evident weakening of the USA position in Japan’s import, the supply of a number of products is of great importance for Japan. These are, first of all, foodstuffs, aircrafts, high-powered computers, nuclear reactors, sophisticated medical equipment, medicines.

In the era of globalization the flow of capital, especially in the form of direct investment, are becoming more and more important in economic relations. Japanese investment in the USA began to grow rapidly rise in the

second half of 1980s, when the increase in the exchange rate of yen made it evident, that it would be reasonable to replace export by developing production abroad. As for the USA, they began to actively invest in the Japanese economy since the late 1990s, because by that time the reforms in Japan of the government regulation of financial system made the Japanese economy more attractive for business.

Till quite recently direct investment of American companies in Japan were rather moderate in the whole complex of Japan–US economic relations, but there are reasons to believe, that in future they will considerably increase. First, the business of American companies in Japan is rather profitable. And the level of profit in Japan is higher than in other developed countries. Second, Japan overcame depression and entered the period of stable growth. This made it much more attractive for foreign investments and increased its competitive advantage. Third, due to the latest efforts of the Japanese government and local authorities the conditions of the work of foreign companies in Japan has improved materially.

Apart from direct investment, Japan and the USA are connected by intensive flows of portfolio (indirect) investment. By the end of 2006 the aggregate amount of such investment of Japan in the USA amounted to 93 trillion 678 billion yen, i.e., 33,6% of the total amount of the Japanese foreign portfolio investment. At the same period, the aggregate amount of portfolio investment of the USA in Japan amounted to 68 trillion 320 billion yen or 32,6% of the total amount of the American portfolio investment. These figures prove not just the significance of both sides from each other as the sources of investment in economic development, but also the high degree of mutual trust of business communities of both countries.

Bilateral trade in technologies also saw significant changes. Currently, the United States are the main source of Japan's technologies import and the main buyer of the Japanese technologies. However, the balance of bilateral trade in technologies is in favour of Japan. Thus, under the influence of globalization the structure of Japan-US economic relations is changing. The significance of trade ties is somehow decreasing, while the importance of direct and portfolio investment is increasing. These changes contribute, to a certain extent, to smoothing over the acute problem of large disbalance in bilateral trade, because the outflow of capital from the USA is counterbalanced by the inflow of direct and portfolio investment.

Today the condition of bilateral economic ties is as significant, as before; various disbalances might seriously deteriorate relations between nations; however, in the globalization era major transnational corporations are taking the place of the national states as the main subjects of international economic relations. Japanese companies might gain the upper hand of the American companies in bilateral economic relations, but they are not as

strong as their American competitors at the global level. Japan's companies take strong positions in world industrial export; however, as for the service trade and the amount of direct foreign investment they fall behind the American firms both in absolute and relative indexes. At the same time, Japan has powerful inner reserves to strengthen its position and to answer the challenges of globalization. And it can also use external reserves (first of all, in the form of foreign direct investment). Time will show, how Japan will use these potential.

Feeling itself rather vulnerable as for the environment changes and the supply of energy resources, Tokyo pays special attention to the so-called "resource diplomacy", aimed at the long-term supply of energy. This subject, which is of paramount importance for Japan, is examined in Chapter 10, written by V. D. Streltsov.

Analysis of the Japanese achievements makes it possible to come to a conclusion, that Japan takes strong position as an "incubator of ideas" in energy conservation. Japan's high prestige allows to regard it as a "great energy power". Japanese experience in solving its own energy problems has become a kind of a "guiding star" for the countries, which don't have their own energy resources, primarily, the East Asia nations, that have entered the stage of intensive industrial development. For Japan itself, which is a traditional "technology donor" of this nations, the task to intensify assistance in the area of energy conservation is of particular importance today, when the international prices for oil and gas rise swiftly.

Japan believes, that the policy of energy conservation makes it possible for the developing countries to reduce energy consumption and, thus, to secure high level of energy security. This, in the long run, meets the interests of Japan itself, since it would find itself in more stable and secure environment in conditions of predictable demand for energy resources. Besides, energy conservation is an important part of environment protection and prevention of global warming, which are inseparable from economic development.

The significance of international aspects of the energy conservation policy is quite evident from the basic programmatic documents, adopted by the Japanese government during the 2000s. For example, "The Basic Plan" envisages, in particular, the moves for developing and promoting energy conservation technologies in the Asian countries, where energy consumption is ineffective, while overall consumption is large. Official Development Assistance is the most important instrument of Japan's cooperation with Asian nations in the area of energy conservation.

Projects, aimed at reducing greenhouse gas emission, are also very important in Japan's efforts to promote energy conservation. Japan's peculiar approach to cooperation with Asian nations in energy conservation consists

in its close connection with Kyoto Protocol on reducing emission of greenhouse gas. According to Japan's position, energy conservation affords additional opportunities for stable growth of developing countries, as well as contributes to preventing the global climate changes.

Japan cooperates with Asian nations in the sphere of energy conservation within the framework of bilateral and multilateral agreements, concluded at the government level. The content of every agreement depends on the special features of industrial and energy structure of a partner-country, its readiness to accept Japan's technological assistance. Political factors are also taken into consideration (the significance of a certain country for Japan's foreign policy, the level and nature of bilateral relations, etc.). As for the multilateral cooperation in energy sphere in general, and in energy conservation in particular, there are three major international structures, where the Japanese "energy diplomacy" is most active. These are: Conference of energy ministers of five countries – the USA, China, Japan, India and South Korea; East Asia Summit; Asia-Pacific Partnership on Clean Development and Climate. For example, at the Second East Asia Summit (January, 2007, Cebu, Philippines) declaration of the East Asia nations on energy security was drafted and passed– with the active participation of Japan. The "Center of Asian Cooperation in Energy Conservation" was established in 2007; it should become the main information and methodical institution of the region. The Programs of international cooperation are expected to be financed by the so-called yen credits, as well as credits of Japan's Bank of international cooperation.

In Chapter 11 S. B. Markaryan defines the global challenges, affecting the Japanese agriculture as a branch of national economy, as well as a way of life of rural areas. These challenges are related to economic, ecological, social and cultural problems. The interests of liberal and state-controlled economy, of large industrial companies and rather ineffective farming collide there. There is also an acute question of import of comparatively cheap agricultural products – that is the demand of Japan's foreign trade partners in WTO – which can result in destruction of the Japanese farming.

Japanese agriculture, although being quite a modern brunch of economy, is noncompetitive in the foreign market. Japan is solving this problem in two directions: First, at home, in order to raise agricultural effectiveness, it is radically changing its agricultural policy, rejecting administrative control and going over to the development of the market relations. Second, on the foreign market, Tokyo continues, as far as possible, to conduct protectionist policy, defending the concept of multi-functional agriculture, stressing the need of different approach to the countries, importing foodstuffs, and countries, exporting foodstuffs.

Japan seeks to take active part in environment protection, in preventing the climate changes. The nation adheres to the "Concept of stable development of agriculture", which was adopted in 1992 in Rio de Janeiro at the UN Conference on Environment and Development. A matter of special attention is that satisfying the needs of society, that would not harm the future generations. Thus, agricultural production should be in harmony with nature, i.e., it should be ecologically balanced.

One of the ways of putting the concept of stable development into practice is the production of ecologically harmless foodstuffs. Another important direction is the development and promotion of ecologically-oriented technologies, for example, the use of renewable sources of energy, in order to reduce the usage of oil and, thus, the expenses of production and emissions into atmosphere. Following the global trend, Japan begins to produce biological fuel and to reduce the emission of carbon dioxide.

Globalization affects Japanese village in the social and cultural sphere, since, to a considerable extent, it is a place where the national traditions and the national identity, the material and spiritual values are preserved. Despite great changes due to the urbanization and technical shifts in industry and everyday life, village preserves a lot of the former social life and traditions. Government and local authorities support various movements for the revival of rural areas and adopt the appropriate programs.

Japan under globalization seeks, as far as possible, to take into account its known national interests, including efforts to preserve its national identity. Realizing its low competitiveness of agricultural sector, Japan tries to postpone the adoption of international organizations' decisions, harmful for the national agriculture, and to withstand the pressure of its foreign trade partners.

In article Professor of the Hosei University Shimotomai Nobuo thoroughly examines the development of Russo-Japanese relations, concerning the issue of concluding the peace treaty, the history of the so-called problem of "northern territories" during the "cold war". The author studies the policy of the Russian and Japanese sides, analyze various contemporary records, which were made available due to the opening of many – previously secret – archives funds.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последнее десятилетие XX в. и первое десятилетие XXI в. ознаменованы глубокими изменениями в глобальном устройстве, которые охватывают буквально все аспекты жизни мирового сообщества. В совокупности они получили название процесса глобализации, которая несет с собой невиданное ранее взаимодействие и переплетение экономических, социальных, культурных связей различных стран, достаточно свободное перетекание через государственные границы товаров, финансов, людей, создание транснациональных корпораций и международных организаций. Все это в той или иной степени, несомненно, оказывает влияние на жизнедеятельность любого общества или отдельного региона. Каждая страна, связанная множеством видимых и невидимых нитей с другими странами, уже не всегда может поступать только по своему усмотрению, и вынуждена считаться с международным сообществом. Прежде всего, необходимо постоянно соответствовать последним достижениям научно-технического прогресса, чтобы не отстать от уровня мирового развития, что особенно актуально для развитых стран.

В целом можно сказать, что глобализация поставила мир перед целым рядом вызовов нового типа, которые проявляются в экономике, политике, культурной и социальной сферах. В наибольшей степени глобализация затронула экономику. Некоторые экономические проблемы приобретают глобальный характер и уже не могут быть решены в рамках одной или даже нескольких стран. Например, перетекание финансовых потоков, и, как правило, уже неподконтрольные национальным правительствам ранее эффективные механизмы контроля и регулирования экономики перестают работать. В политической сфере заключаются не только двусторонние и многосторонние соглашения, но и создаются международные организации, союзы и институты. Однако реальная политика во многом еще связана и находится в рамках национальных структур. Особенно явно эти рамки характерны для социопсихологических и культурных особенностей каждой нации. В

этих условиях каждая нация дает свой ответ на вызовы глобализации, темпы которой набирают скорость.

Япония столкнулась с особой природой вызовов, на которые она должна дать ответы. Являясь все еще фактически единственной промышленно развитой азиатской страной, она пережила наряду со специфическими проблемами кризиса в Азии конца XX в. и структурный кризис, свойственный всем развитым странам. Япония начала коренное реформирование практически всех сфер жизни общества, и в этой связи можно говорить о новой, третьей волне реформ, которая «накрыла» Японию в конце 90-х годов. Как известно, в истории Японии выделяют три периода интенсивного реформирования, усвоения завоеваний Запада, которые называются «тремя интернационализациями». Именно в эти периоды происходили знаменательные изменения в политических, экономических и социальных структурах, идеологии и всего образа жизни, проверялись на прочность японские традиционные системы. До настоящего времени Япония следовала модели «догоняющего развития», когда имеются уже готовые схемы развития других промышленно развитых стран, продвинутые технологии, когда можно заимствовать доказавшие свою эффективность экономические институты. Теперь, как высокоразвитая страна, Япония сама должна предложить миру лучшую модель развития, для чего необходимо задействовать все не востребованные ранее, находящиеся в латентном состоянии силы. Нужна новая социально-экономическая концепция, поскольку ни японская патерналистская система при руководящей роли государства, ни безусловное заимствование американской разновидности капитализма уже не соответствуют динамичной предпринимательской культуре в условиях бурного развития высоких технологий. Третья интернационализация совпадает с современным процессом глобализации. При этом, как всегда, Япония даже в условиях глобализации сохраняет свое право на «суверенное» решение: что из опыта Запада подходит для нее и что стоит использовать.

Авторы данного проекта, прежде всего, постарались показать, что нового происходит в стране и как она вписывается в новую картину современного мира периода глобализации. Одиннадцать глав монографии, разделенные на два смысловых блока, объединены общим подходом, который состоит в том, чтобы показать, как глобализация влияет на ситуацию в стране и обществе и какой ответ получает на свои вызовы. Новаторским в подходе авторов к раскрытию заданной темы является их стремление рассматривать ту или иную частную проблему в общем контексте, о чем свидетельствуют отсылки авторов к работам друг друга в формате данной монографии, например, во второй и третьей главах. Просматривается также логическое развитие,

но уже в другом аспекте темы, затронутой в третьей главе, в частности, в седьмой и восьмой главах говорится о значении инноваций. В седьмой, восьмой, девятой и десятой главах при рассмотрении различных проблем авторы обращаются к теме взаимного значения и притяжения Японии и региона Восточной Азии в различных сферах. Такой подход позволяет не только выделять новые проблемы для дальнейших исследований, но и создать единое, «тканое» полотно жизни японского общества в эпоху глобализации.

В первом блоке рассмотрены тесно связанные между собой темы, которые позволяют посмотреть с различных сторон на значимые проблемы в духовном секторе жизни японского общества на этапе глобализации. Речь идет, прежде всего, о самоидентификации Японии, уточнения которой требуют вызовы глобализации; об истории трансформации национальной идеи, которая в настоящее время обретает понятие бренд «Япония»; об определении страной своего места в мире и моделировании современного имиджа. Здесь же рассматриваются такие значимые, и пока малоизученные проблемы жизни общества, как толерантность межконфессиональных отношений в стране, которая традиционно была присуща японскому обществу, и на этом фоне показано проникновение ислама в страну; глобализация в языковой сфере, а именно рассмотрено какое место в жизни современных японцев занимает английский язык, который претендует стать *lingua franca* в XXI в. Пожалуй, впервые ставится вопрос о том, может ли современная Япония претендовать на место глобального центра массовой культуры.

Во втором блоке показаны различные аспекты экономики Японии и проанализировано, как отдельные ее составляющие отвечают на вызовы глобализации. В частности, обозначено место Японии в глобальной экономике; рассмотрены серьезные подвижки в японо-американских отношениях в контексте глобализации; проанализировано положение в сельском хозяйстве страны, которое испытывает серьезное давление со стороны внешних факторов именно в настоящее время. Не обойдены вниманием такие важнейшие проблемы современности как политика страны в сфере энергосбережения и успехи страны в области высокотехнологичных инноваций, которые тоже дают свои ответы на вызовы XXI в. Обо всем этом подробно говорится в соответствующих главах монографии. В предисловии дается лишь общее представление об их содержании.

Специально приглашенным гостем данного проекта профессором университета Хосэй (Токио) Симотомаи Нобуо написана статья, в которой говорится о проблеме «северных территорий» в японо-российских отношениях в контексте периода «холодной войны» в Восточной Азии.

* * *

Япония является одной из ведущих индустриальных демократий и полноправным членом западного сообщества, оставаясь при этом частью азиатского мира. В такой ситуации вполне естественно японцы задумываются о том, какова их национальная самобытность, что они представляют собой как культурная общность, т.е. речь идет о «самооценке», самоидентификации нации. Не только отнесение себя к определенной цивилизационной общности, но и видение своего места в системе межгосударственных отношений входят в понятие самоидентификации. В новых условиях глобализации Япония стремится уточнить свою идентичность, о чем и говорит в первой главе, открывающей первый блок, С. В. Чугров. Необходимость такого уточнения вызвана тем, что японцы принадлежат как Западу, так и Востоку. Япония представляет собой симбиоз западной политической и восточной конфуцианско-буддийской идентичности, чему способствовало адаптивное мировосприятие японцев, уходящее корнями в национальную религию. В Японии сложилась двуединая идентичность: внешняя (институциональная) – западная и внутренняя (духовная) – дальневосточная. При этом глобализация сдвигает акценты в определении идентичности. Большинство японцев традиционно ассоциируют себя с культурно-цивилизационной общностью, но глобализация ведет, прежде всего, к более тесному взаимодействию и переплетению разных цивилизаций. Включение в глобальное сообщество, в частности, ряда азиатских стран происходит путем их участия в экономических и политических процессах, что стимулируется собственным самосознанием и собственной культурой, но может происходить и так, что принимается глобальная культура, происходит ее соединение с национальными культурными традициями, как это было в Японии. Этот процесс получил название «глокализация», т.е. синтез модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации. Другими словами, идет процесс взаимообогащения культур. Япония как раз представляет собой типичный пример успешной глокализации. Таким образом страна отвечает на вызовы глобализации, которая, несомненно, грозит обезличить национальное культурно-цивилизационное своеобразие.

Во второй главе рассматривается положение национальной идеи в официальной идеологии современной глобализирующейся и глобализируемой Японии. По мнению автора главы В. Э. Молодякова, японская элита не отрицает необходимости национальной идеи, которая в прошлом зарекомендовала себя как мощный мобилизующий фактор.

Но важно то, в чем именно эта идея должна заключаться, и как она корреспондирует с реалиями и догмами нынешнего витка глобализации. Поражение во второй мировой войне стало для Японии политическим, идейным и духовным крахом. Послевоенное «перевоспитание» деформировало национальное сознание японцев. Патриотизм и национальная гордость оказались вне закона, национальные традиции были преданы забвению как «реакционные». С обретением полного суверенитета на первый план выдвинулись такие добродетели, как труд и прилежание, высокий мобилизационный потенциал, направленный на восстановление. Комплекс несостоявшегося лидера в военно-политической области предлагалось компенсировать «моральным лидерством» в борьбе за мир и против ядерного оружия. После реабилитации в собственных глазах японцы для ощущения полноценной национальной самоидентификации реабилитировали себя в глазах окружающего мира путем успехов в экономике, менеджменте и социальной сфере. Вся послевоенная история Японии (восстановительный период, период высоких темпов экономического роста, период спекулятивной «экономики мыльного пузыря») прошла под знаком экономически ориентированной или экономически насыщенной национальной идеи.

Достигнув экономических успехов, Япония захотела стать «культурной сверхдержавой», поскольку не могла поменять свой политический статус. Реакцией на недостаток признания современной японской культуры в 60–70-е годы стали распространяться различные теории, называемые «культурным национализмом». Основанные на тезисе об уникальности японской цивилизации и культуры, эти теории не стали государственной идеологией, но заняли в национальной идее пустовавшую духовную нишу и повлияли на сознание японцев. Кризис, переживаемый Японией с начала 90-х годов, прямо отразился на национальной идее. В политике она остается сателлитом США. В экономике она удерживает второе место, но не безупречность ее экономической модели ныне очевидна для всех. Великой культурной державой современности Япония не стала. И она выдвигает в качестве национальной идеи – бренд «Япония». Японские имиджмейкеры осознали, что «Япония» – бренд с хорошей репутацией и до сих пор «продаваемый». Продавать под ним предполагается национальную кухню, туризм и масс-культуру в виде *манга* и *анимэ*. Последнее направление объявлено особенно перспективным, поскольку масс-культура имеет низкий порог восприятия и, предполагается, широкое поле для развития на чужой почве. Упрощенная культура *анимэ* не требует специальной подготовки для восприятия и способна понравиться даже людям с не-

развитым эстетическим вкусом и интеллектом. В дальнейшем имеется в виду привитие через *анимэ* интереса к более сложным формам японской культуры.

В третьей главе, написанной А. Е. Кулановым, рассказывается о том, как Япония пытается совместить тягу к глобализации с позиционированием своей уникальности. В последнее время политическая и интеллектуальная элиты Японии озабочены созданием позитивного имиджа страны, поисками новых идеалов, что идет вполне в соответствии с поисками национальной идеи.

Вступая в XXI век японцы с разочарованием осознали, что Европа, США, Китай (наиболее интересующая Японию часть мира) все еще не изменили в корне мнения о них и их стране. До недавнего времени Япония могла позволить себе не обращать на это внимания, так как в направлении имиджевого строительства была сосредоточена на преодолении возникшего в период индустриального бума имиджа страны, как «экономического животного», на развенчании образа «экономического гиганта на карликовых политических ногах», которые к тому же передвигались лишь по команде США. Но, если в последнее время место экспансионистски развивающегося экономического гиганта занял Китай, то восстановить свой политический имидж Японии все равно не удастся. Токио пытался успокоить соседей, озабоченных ростом его экономической мощи, сосредоточивая усилия на таких проблемах, как изменение климата или соблюдение прав человека. Япония стала главным, после США, спонсором ООН, внося около 20% бюджета этой международной организации. Япония очень долго готова была платить везде и за все. Но едва ли не все усилия оказались потрачены впустую.

События трех последних лет показывают, что сегодня Токио круто меняет курс своей внешней политики, открыто признавая у себя существование армии, создавая разведку, начиная активно участвовать в военных операциях с явным вектором в сторону принятия участия в боевых действиях, и, одновременно, предпринимая усилия по созданию положительного образа Японии. Токио пока не может сделать выбор между уникальным и глобализационным путем своей самопрезентации в мире. Учитывая сильное желание хотя бы участвовать в процессе глобализации не на последних ролях, если уж нет возможности его возглавить, Японии приходится бросаться то на один участок глобализационного фронта, то на другой, каждый раз объясняя заинтересованным странам новый образ Японии и роль в мире.

Отсюда и проистекают странные, на первый взгляд, тенденции в формировании японскими специалистами имиджа своей страны на

Западе. Вынужденная искать компромисса между собственными глобализационными идеями, чаяниями Запада и реалиями Востока японская политическая мысль находит выход в создании максимально обезличенного и неамбициозного варианта – в формировании нового имиджа не Японии, но Японца, точнее говоря, в образе «Классного японца» (Cool Japanese), т. е. того варианта, который в соответствии с требованиями глобализации и изложенными выше условиями восприятия устроил бы всех и сразу. Поиски этого выхода были долгими и мучительными, и стали примером уникального процесса трансформации национальной идеи в стратегию имиджмейкинга. Они основывались не только на констатации необходимости изменения современного восприятия Японии в мире, но и изучали возможности сохранения японской национальной уникальности и, как обязательное условие, *idée fixe* всей японской дипломатии – распространение и пропаганду этой идентичности во всем мире. Этим объясняется и весьма запутанное сочетание основных направлений развития японской культурной дипломатии – законодательно закрепленной политики государства в области создания имиджа Японии за рубежом с помощью государственных и негосударственных учреждений.

Немаловажную роль в создании и закреплении положительного образа Японии в мире может сыграть плюрализм религиозной жизни в стране, которой свойственна удивительно широкая панорама религиозной жизни и толерантность населения. Эта проблема рассматривается в четвертой главе, автором которой является Э. В. Молодякова. Как известно, на протяжении всей истории человечества религия являлась непосредственным участником различных политических, экономических, социальных и культурных процессов. Она не может исчезнуть, поскольку занимает важное место в жизни любой цивилизации и культуры. Как раз в настоящее время нельзя не отметить стабильную тенденцию к усилению влияния религиозных факторов на все стороны жизни обществ в различных регионах мира. В частности, наблюдается тенденция возвращения религии в мир политики, происходит своего рода «религизация» политики. В современном мире наиболее активную позицию на глобальной арене занимает ислам – самая молодая из мировых религий. Она стала реальной силой, которая участвует в значительном числе ключевых политических событий во многих регионах мира и с которой нельзя не считаться.

В Японии сосуществование религий уходит в глубокую древность. В основе религиозного сознания японцев лежит национальная религия синто, которая представляла собой мозаику разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм. Пришедший в V в. в контексте континентальной культуры буддизм не был воспринят как абсолютно

чуждый элемент, поскольку, вовлекая людей в свою орбиту, не требовал отказа от прежних верований. Две религии поделили между собой жизненный цикл человека: рождение и жизнь идут по синтоистским канонам, а похороны – по буддийским. Буддизм укрепился в стране без классических религиозных войн и привел к формированию синто-буддийского синкретизма. Одновременно в стране получили распространение даосизм и морально-этическое учение конфуцианство. Позже в эту картину вписалось христианство. Возникшие в основном в XX в. так называемые новые религии инкорпорировали многие прежние религиозные воззрения и верования и добавили к ним вновь созданные доктрины. Вот в такую религиозную ситуацию в Японии во второй половине XX в. постепенно начинает «вписываться» ислам.

Пятая глава посвящена новым тенденциям, которые обозначились в японской массовой культуре, и в связи с этим ее автор Е. Л. Катасонова вполне справедливо задается вопросом, может ли Япония стать новым центром такой культуры в эпоху глобализации. Определенные предпосылки для этого существуют. В частности, у творцов японской культурной дипломатии появляется осознание того, что путь к желаемому лидерству лежит не через пропаганду исключительности своей культуры, трудной и малодоступной для широкого понимания, а, главным образом, через массовую культуру, которая, похоже, становится главной составляющей глобализационных процессов в этой сфере. Масс-культура в значительной степени отодвигает на второй план и элитарную, и народную, и традиционную культуры. Но при этом она включает их в систему культурной циркуляции, адаптируя к массовому сознанию и превращая в продукты массового потребления.

Можно говорить о том, что намечается тенденция к превращению Японии в так называемый «специализированный» центр культурной глобализации, который ориентируется на широкий спектр продуктов культурной индустрии: от *манга* (комиксов) до современной музыки. Однако наиболее востребованными статьями культурного экспорта стали японские мультфильмы, мода и национальная кухня. И, как уже говорилось во второй главе данного издания, Япония стремится на этой базе создать свой бренд.

В настоящее время страна вполне откровенно демонстрирует намерение вовлечь азиатские государства в сферу распространения своей массовой культуры. И, судя по всему, Япония сегодня готова играть и роль регионального центра культурной глобализации, успешно сочетающего возможности новейших технологий с креативным содержанием продукции во всех областях – от *манга* и *анимэ* до телевизионных сериалов и музыки.

Достаточно сказать, что японская культурная продукция занимает в ряде государств региона до 60% рынка, а в некоторых его сегментах эта цифра еще выше. Таким образом, идет процесс активного завоевания массовой культурой новой аудитории, прежде всего, молодежной. Японии стремится стать своего рода мостом между западной и азиатской культурами, а также адаптировать продукт западной массовой культуры к объективным требованиям азиатского рынка.

Одновременно идет встречный процесс, а именно создаваемые в Японии культурные проекты, в частности в сфере *анимэ* и *манга*, становятся серьезным фактором культурного экспорта на Запад, занимая там все большее место в индустрии развлечений. Национальный японский продукт успешно адаптируется для местных рынков и становится, по сути, глобальным продуктом. Теперь он воспринимается не через призму страны-производителя, а как универсальный продукт.

Япония являет собой удачный пример глокализации, когда, как уже упоминалось, происходит синтез национальной культуры с глобальной культурой и при внешних изменениях все же сохраняется свое ценностно-смысловое ядро. Одновременно в настоящее время Япония уже сама готова давать конкурентоспособные продукты в сфере массовой культуры.

Малоисследованной проблеме места английского языка в жизни японцев, особенно в связи с тем, что этот язык претендует стать *lingua franca*, посвящена шестая глава, подготовленная М. В. Алпатовым. По мнению автора, проблема глобализации в языковой сфере связана с использованием английского языка в разных странах и его влияния на другие языки. В Японии же эти две составляющие никогда не шли параллельно друг другу. После реставрации Мэйдзи английский язык сразу же приобрел наибольшее значение среди иностранных языков. В то время для некоторых деятелей японской культуры европеизация казалась неотделимой от овладения западными языками. В ряде университетов преподавание вплоть до начала XX в. частично или даже полностью шло на иностранных языках. Несмотря на это в Японии не только не сложилось массовое двуязычие, но и само знание иностранных языков стало уделом узкой прослойки интеллектуалов. В соответствии с японской культурной традицией произошло усвоение заимствованных знаний в области английского языка и включение их в контекст национальной культуры. Новые понятия выражались не на иностранных языках, а на родном японском языке, или через создание кальки в дословном переводе, либо через заимствование, которое с тех времен обозначается словом «*гайрайго*», что означает «слова, пришедшие извне». *Гайрайго* живут своей особой жизнью, не связанной с владением иностранного языка.

Основная масса *гайрайго*, естественно, пришла из английского языка, а в послевоенный период в основном из американского варианта этого языка, что в немалой степени связано с американизацией почти всех сторон жизни японского общества. Английский язык очень престижен в стране, но это вовсе не означает хорошее владение им населения. По уровню владения этим языком Япония среди 152 стран занимает четвертое место от конца. Автор подробно рассматривает причины такого положения дел и приходит к выводу, что главное – это отсутствие мотивации изучения английского языка, а также существенные культурные барьеры между Японией и, прежде всего, США. Япония всегда была открыта для восприятия различных элементов других культур, но при этом она была закрыта для межличностных контактов. Более того, для большинства японцев проблема общения с иностранцами совсем не актуальна, а потому им достаточно своего родного языка. Однако руководство страны обеспокоено таким положением дел в глобализирующейся Японии, и старается стимулировать и расширять владение английским языком.

Второй блок монографии открывает седьмая глава, автор которой И. Л. Тимонина обозначила место Японии в глобальной экономике, обрисовав ее современное положение и перспективы на будущее. Вероятно, уже сейчас можно наблюдать некоторые результаты глобализационных процессов, в частности, формирование новой глобальной экономической системы, в которой существенно меняются роли отдельных стран, групп стран и регионов, становятся не столь очевидными роли мировых экономических лидеров.

В этих условиях борьба за сохранение и упрочение своих позиций в мировой экономике, за возможность в наибольшей мере использовать все преимущества современной ситуации и за право участвовать в формировании нового экономического порядка приобретает для стран-лидеров особенное значение. Возможно, в наиболее сложном положении оказалась Япония, которая вынуждена принимать вызовы нового века, еще не совсем отказавшись от наследия периода «догоняющего» развития и не вполне достигнув стабильности после длительной депрессии 90-х годов.

Несмотря на снижение количественных показателей участия в мировой экономике в период 1990-х – начала 2000-х годов, в целом, Япония сохранила свое место в группе мировых экономических лидеров. В то же время создается впечатление, что это происходит во многом за счет потенциала, созданного ранее. В начале нового столетия Япония оказалась перед необходимостью определения контуров новой модели экономического развития, которая позволила бы стране

создать базу устойчивого экономического роста в условиях глобализации, повысить свою международную конкурентоспособность, сохранить и упрочить позиции в мировой экономике в качестве одного из мировых лидеров.

Содержание новой комплексной долгосрочной экономической стратегии Японии свидетельствует, что и правительство, и деловые круги осознают глубину и масштабность задач, которые необходимо решить для выхода страны на новый виток экономического роста в условиях развития процессов глобализации.

Стержневым направлением комплексной стратегии стало развитие инноваций как основы повышения национальной конкурентоспособности. Выдвигается концепция создания «виртуального цикла» инноваций и спроса, предполагающая, что в перспективе Япония должна стать мировым инновационным центром и в качестве такового предлагать новые товары и технологии на мировой рынок, т. е. создавать «виртуальный цикл» в глобальном масштабе и, в первую очередь, на основе сотрудничества с азиатскими странами. Важным моментом новой экономической стратегии стало то, что проблемы устойчивого роста японской экономики рассматриваются в ней не просто с учетом, а в единстве внутренних и внешних аспектов развития. Речь идет не просто о выживании в глобализирующемся мире и приспособлении к нему, а об извлечении из новой ситуации максимума выгод. Япония, как представляется авторам стратегии, должна превратиться в активного субъекта глобализационного процесса, открывая свой рынок и даже в определенном смысле «расширяя» его границы на основе реализации стратегии «соразвития» в Восточной Азии. Япония видит себя в качестве «стержня», соединяющего глобальные рынки и экономическую систему Азии.

В развитие затронутой в седьмой главе проблемы внедрения инноваций как основы повышения национальной конкурентоспособности Ю. Д. Денисов в восьмой главе оценивает высокотехнологичные инновации как ответ на вызовы XXI в. В наши дни среди наиболее серьезных вызовов, требующих незамедлительной адекватной реакции, особое место занимает старение японского общества. Это порождает серьезные препятствия на пути достижения Японией ее приоритетных общенациональных целей. Главным средством их преодоления считаются научно-технические и организационные инновации. Предполагается активизировать усилия на следующих четырех направлениях. Первое из них – обеспечение экономики более производительными средствами труда и дальнейшее совершенствование трудосберегающих технологий. Второе направление – создание техники и технологий,

которые бы позволяли эффективно задействовать дополнительные трудовые ресурсы. Третье направление, на котором следует искать решение проблем «стареющего общества», – это обеспечить активное долголетие в масштабах всего населения, т. е. отодвинуть возрастной рубеж наступления старости. И, наконец, четвертое направление, на котором требуются приложить дополнительные усилия в сфере науки и техники, – это создание в помощь долгожителям различных средств, способных в какой-то степени смягчить проблемы старости.

Начиная с 70-х годов, в стране проводится политика, направленная на всестороннее оздоровление жизнедеятельности общества на основе новейших научных достижений. В этот период активизировались исследования по выяснению механизма жизненных процессов и биологических функций, установлению объективной взаимосвязи между человеком и биосферой, развитию исследований в области умственной деятельности человека, обеспечению совместимости между промышленными и живыми системами и др.

Также были сформированы новые направления в развитии японской робототехники, в частности, стали разрабатываться особо «продвинутые» типы роботов, т. е. «человекообразных» конструкций, в которых воспроизводится схема человеческого тела и на основе новейшей электроники реализуются их «очувствление» и некоторые интеллектуальные функции. Конечная цель заключается в создании роботизированной инфраструктуры повседневной жизни.

Базовый закон о науке, технике и технологиях, принятый 15 ноября 1995 г., является важнейшим официальным документом, в котором сконцентрированы организационные принципы научно-технической деятельности Японии. В нем отражены практически все факторы, на которых основывается современный научно-исследовательский процесс, и указано, что они должны быть в центре внимания государственных структур и общества в целом. В то же время в законе подчеркнута необходимость существенно повысить общественный интерес к науке и ее результатам.

В 2001 г. в Японии была сформирована национальная стратегия в области инновационного развития. В ее основе – придание ранга базового национального приоритета фундаментальным исследованиям и выделение двух крупномасштабных приоритетных областей. Первая из них включает в себя четыре раздела: науки о жизни, информатику и телекоммуникации, нанотехнологии и материалы, экологию. Вторая область, преимущественно прикладной ориентации, представлена такими разделами, как энергетика и ресурсы, промышленные технологии, производственная и социальная инфраструктура, Земля и космос.

Жизненные реалии наглядно показали японцам, что серьезным тормозом инновационного развития являются нерешенные проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью, причем, предметом особых забот стало оформление прав на интеллектуальную собственность, относящуюся к национальным приоритетам инновационной политики Японии. Большое внимание было также уделено ускорению внедрения результатов исследований и разработок в промышленность. Этому способствовало введение в действие законов о трансфере технологий из университетов в промышленность, о специальных мерах по оживлению промышленности и о совершенствовании промышленных технологий.

Конечная цель, на достижение которой в Японии в настоящее время направляются основные усилия, состоит в том, чтобы сформировать существенно улучшенную в качественном плане, а именно, более креативную модель инновационного развития, которая смогла бы обеспечить стране, как минимум, сохранение прочных позиций среди мировых лидеров в области инноваций.

Из прогнозных оценок, выполненных экспертами японского Национального института научно-технической политики, следует, что японцы смогут добиться особенно значительных успехов при создании новых материалов на основе нанотехнологий, при реализации ряда биологических процессов на наноуровне, а также в нанотехнологиях для производственных и экологических целей. Весьма прочные позиции Япония будет занимать и в таких областях, как высокопроизводительные компьютерные системы, средства хранения и отображения информации, оптоэлектроника и фотоника, беспроводная техника связи. По-прежнему будут высоко котироваться японские энергосберегающие технологии, системы переработки отходов, не загрязняющие окружающую среду, робототехника и многие научные и инженерные достижения.

Таким образом, прогресс в области высокотехнологичных инноваций, с которыми все более тесно связывается образ современных мировых лидеров, безусловно, становится серьезным и убедительным ответом Японии на вызовы нового столетия.

В набирающих все большую силу процессах глобализации мировой экономики Япония и США играют особую роль. Это связано не только с масштабами экономической мощи этих стран, но и с тем, что они являются одними из наиболее активных участников международной торговли, крупнейшими инвесторами и кредиторами мира, лидерами мирового научно-технического прогресса, основными донорами международных организаций и т. д. Глобализация не только способствовала расширению и углублению всех форм японо-американских экономических отношений, но и привела к заметным сдвигам в их

внутренней структуре. Однако и сейчас основной их формой остается торговля, хотя в 90-е годы и, особенно, в текущем десятилетии в этой области произошли знаменательные перемены. Этим проблемам посвящена девятая глава, автором которой является И. П. Лебедева.

США пока остаются крупнейшим торговым партнером Японии. Однако, если для японского экспорта США по-прежнему являются крупнейшим рынком, то в качестве поставщика товаров в Японию они еще в 2003 г. уступили лидерство Китаю, и сейчас на них приходится порядка 12% японского импорта (на Китай – 21%). В целом же в период 1990-х – начале 2000-х годов позиции США в качестве торгового партнера Японии – не только по импорту, но и по экспорту – заметно ослабли.

За снижением доли США в японском экспорте и импорте стоят огромные изменения, происходящие в системе внешнеэкономических связей Японии под влиянием глобализации. Прежде всего, это формирование мощной производственной базы японской промышленности в Восточной Азии, сопровождающееся бурным ростом торговли Японии с этим регионом. При этом значительная часть продукции, выпускаемая созданными здесь японскими предприятиями, экспортируется в третьи страны, в первую очередь США. Иными словами, США по-прежнему являются крайне важным рынком для Японии, но прямой экспорт все больше заменяется поставками с зарубежных филиалов.

Объемы японского импорта из США существенно уступают объемам ее экспорта в эту страну. Размеры дефицита США в торговле с Японией не могут не поражать. В 1991–2006 гг. они колебались в пределах 50–80 млрд. долл. При этом главный источник дефицита – дисбаланс в торговле продукцией машиностроения, в середине текущего десятилетия составлявший порядка 70–80 млрд. долл. Несмотря на заметное ослабление позиций США в японском импорте поставки целого ряда товаров по-прежнему имеют чрезвычайное значение для Японии. Прежде всего, – это продовольствие, самолеты, сверхмощные компьютеры, ядерные реакторы, сверхсложная медицинская техника, лекарства.

В эпоху глобализации все большую роль в экономических отношениях приобретают потоки капиталов, прежде всего в форме прямых инвестиций. Японские инвестиции в США стали быстро нарастать со второй половины 80-х годов, когда в результате резкого роста курса иены стала очевидной целесообразность замены экспорта организацией производства за рубежом. Что же касается США, то они начали активно вкладывать деньги в японскую экономику с конца 90-х годов, поскольку к этому времени в результате проведения ряда реформ (прежде всего реформы государственного регулирования финансовой

системы) привлекательность предпринимательской деятельности в Японии заметно возросла.

Прямые инвестиции американских компаний в Японии занимали до последнего времени довольно скромное место в общем комплексе японо-американских экономических отношений, но есть основания полагать, что в дальнейшем они будут прирастать довольно высокими темпами. Во-первых, доходность предпринимательской деятельности американских компаний в Японии весьма высока. При этом во многих отраслях уровень прибыли оказывается гораздо выше, чем в других развитых странах. Во-вторых, преодолев многолетнюю депрессию, Япония вошла в полосу устойчивого роста, что существенно повысило ее привлекательность как объекта инвестирования и усилило целый ряд ее конкурентных преимуществ. В-третьих, благодаря усилиям, предпринятым в последние годы и центральным правительством, и местными органами власти, условия деятельности иностранных фирм в Японии существенно улучшились.

Помимо прямых инвестиций Японию и США связывают интенсивные потоки портфельных инвестиций. На конец 2006 г. накопленная сумма таких инвестиций Японии в США составила 93,678 трлн. иен, или 33,6% от общей суммы ее зарубежных портфельных инвестиций. На тот же период накопленные портфельные инвестиции США в Японии составили 68,320 трлн. иен, или 32,6% от общей суммы американских портфельных инвестиций. Эти цифры говорят не только о значимости сторон друг для друга, в качестве источника средств инвестирования в экономическое развитие, но и о высокой степени доверия деловых сообществ обеих стран друг к другу.

В области взаимной торговли технологией также произошли заметные перемены. США и сейчас остаются для Японии и главным источником поступления иностранной технологии и главным покупателем японских технологий, однако баланс поступлений и платежей в двусторонней торговле технологией теперь складывается в пользу Японии.

Таким образом, под влиянием глобализации в структуре японо-американских экономических отношений происходят заметные изменения. Значение торговых связей несколько снижается, а роль прямых и портфельных инвестиций, напротив, возрастает. Эти изменения способствуют некоторому сглаживанию остроты проблемы огромного дисбаланса во взаимной торговле, поскольку на макроуровне, т.е. на уровне межстрановых расчетов, отток средств из США из-за торгового дефицита компенсируется их притоком в форме прямых и портфельных инвестиций.

Состояние двусторонних экономических связей по-прежнему сохраняет свое значение, наличие в них дисбалансов и перекосов может существенно осложнять межгосударственные отношения, но в эпоху глобализации главными субъектами международных экономических отношений становятся уже не государства, а крупные транснациональные корпорации. Если в двусторонних японо-американских экономических связях наблюдается явный перевес на стороне японских компаний, то в противоборстве на глобальном уровне они пока уступают своим американским конкурентам. Японские компании удерживают сильные позиции в мировом промышленном экспорте, но что касается торговли услугами и объемов прямых зарубежных инвестиций, то не только по абсолютным, но и по относительным показателям (т.е. по отношению к размерам ВВП) они пока проигрывают американским фирмам. Однако для укрепления позиций, для ответа на вызовы глобализации Япония имеет мощные внутренние резервы, к которым она может добавить и внешние (прежде всего, в форме иностранных прямых инвестиций). Насколько успешно она воспользуется этими возможностями – покажет время.

Высокая степень уязвимости в отношении изменений внешней среды, чреватых сбоями в поставках энергоносителей, заставляет Токио уделять традиционно повышенное внимание так называемой ресурсной дипломатии, направленной на долгосрочное обеспечение стабильных поставок энергии. Этой важнейшей для экономики страны теме посвящена десятая глава, написанная Д. В. Стрельцовым.

Анализ достигнутого Японией позволяет сделать вывод о том, что страна заняла прочную позицию «инкубатора технологий» в сфере энергосбережения. Высокий авторитет Японии дает повод говорить о ней как о «великой энергетической державе», опыт которой в решении собственной энергетической проблемы стал своего рода «путеводной звездой» для стран, лишенных собственной базы энергетических ресурсов, и в первую очередь государств восточноазиатского региона, вступивших на стадию интенсивного индустриального развития. Для самой же Японии, традиционно занимающей нишу «технологического донора» этих стран, задача активизации помощи в сфере энергосбережения приобрела особую актуальность на рубеже двух тысячелетий в условиях лавинообразного повышения мировых цен на углеводородное сырье.

Япония исходит из того, что политика энергосбережения позволяет развивающимся странам сократить потребление энергии и обеспечить высокий уровень энергетической безопасности, что в конечном счете отвечает интересам и самой Японии, внешние условия существования которой оказываются более стабильными в условиях предсказуемого

спроса на энергоносители. Немаловажно и то, что энергосбережение является важной частью задач сохранения окружающей среды и предотвращения мирового потепления, решение которых в нынешних условиях неотделимо от целей экономического развития.

Повышение значимости международных аспектов политики энергосбережения отражают основные программные документы, принятые японским правительством в сфере энергосбережения в первом десятилетии XXI в. Например, в «Основном плане», в частности, предусматриваются шаги по развитию и распространению технологий энергосбережения в тех странах Азии, которые имеют низкую эффективность энергопотребления при больших его объемах. Важнейшим инструментом международного сотрудничества Японии с азиатскими странами в сфере энергосбережения является официальная помощь развитию (ОПР).

Особое место среди международных усилий Японии в сфере энергосбережения занимают проекты, предпринимаемые в рамках усилий по сокращению эмиссии парниковых газов. Особенностью подхода Токио к сфере сотрудничества с азиатскими странами в сфере энергосбережения является достаточно тесная увязка предпринимаемых в этой области шагов с принятыми Японией по Киотскому протоколу обязательствами по сокращению эмиссии парниковых газов. По мнению Японии, помощь в сфере энергосбережения создает дополнительные возможности устойчивого развития этих стран, а также способствует решению задачи борьбы с глобальными изменениями климата.

Сотрудничество с азиатскими странами в сфере энергосбережения проводится Японией в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, заключаемых на межправительственном уровне. Формат каждого соглашения подбирается в соответствии с особенностями промышленной и энергетической структуры страны-партнера, ее готовности принять японскую технологическую помощь, а также учитываются политические факторы (значимость той или иной страны во внешней политике Японии, уровень и характер двусторонних отношений и т.д.). Что касается многосторонних форматов сотрудничества в энергетической области в целом и в области энергосбережения в частности, то выделить следует три наиболее крупных международных структуры, в рамках которых наблюдается наибольшая активность японской энергетической дипломатии: Пятистороннее совещание министров энергетики с участием США, Китая, Японии, Индии и Южной Кореи; Восточноазиатский саммит; Азиатско-тихоокеанское партнерство в интересах чистого развития и сохранения климата (APP, Asia-Pacific Partnership on Clean Development and Climate). Например, на втором Восточноазиатском саммите, который состоялся в

филиппинском городе Себу в середине января 2007 г., с активным участием Японии была разработана и принята декларация стран Восточной Азии по энергетической безопасности. В 2007 г. был создан «Центр азиатского сотрудничества по вопросам энергосбережения», который призван стать по своему профилю головным информационным и методическим учреждением региона. Для финансового обеспечения программ международного сотрудничества было предложено активно использовать так называемые иеновые кредиты, а также кредиты по линии Японского банка международного сотрудничества.

В одиннадцатой главе С. Б. Маркарян обозначает глобальные вызовы, которые затрагивают японское сельское хозяйство, как отрасль народного хозяйства, и в целом жизнь сельских районов. Эти вызовы связаны с экономическими, экологическими, а также социокультурными проблемами. В этом секторе сталкиваются интересы либеральной и регулируемой экономики, крупных промышленных компаний и сравнительно неэффективного сельского хозяйства. Еще более остро стоит вопрос о ввозе относительно дешевой сельскохозяйственной продукции, чего требуют японские внешнеторговые партнеры по ВТО и что может грозить разорению японского фермерства.

Японское сельское хозяйство, хотя и представляет собой вполне современную отрасль экономики, по ряду причин неконкурентоспособно на внешнем рынке. Япония решает эту проблему по двум направлениям. Внутри страны для повышения эффективности производства она радикально меняет аграрную политику, переходя от методов административного регулирования к развитию рыночных отношений. На внешнем рынке Япония продолжает по мере возможности протекционистскую политику, защищая свой аграрный сектор высокими пошлинами, отстаивая концепцию многофункциональности сельского хозяйства, необходимость различного подхода к странам-импортерам и странам-экспортерам продовольствия.

Япония стремится активно участвовать в сохранении окружающей среды, в снижении возможностей потепления климата на планете. Страна придерживается «Концепции об устойчивом развитии сельского хозяйства», принятой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по окружающей среде и развитию. Особое внимание обращается на то, чтобы удовлетворение текущих потребностей общества не нанесло ущерб жизни будущих поколений. Речь идет о ведении сельского хозяйства с учетом поддержания гармонии с природой, т. е. экологически сбалансированного производства.

Одним из путей реализации «концепции устойчивого развития» является производство экологически чистых продуктов. Другое важное направление – разработка и распространение экологически ориен-

тированных технологий. Это, – например, использование возобновляемых источников энергии с целью сократить потребление нефтепродуктов, снизить соответственно издержки производства и выбросы в атмосферу продуктов их переработки. Следуя общемировой тенденции, Япония начинает постепенно включаться в переработку биомассы, производство биотоплива и сокращение выбросов углекислого газа в атмосферу.

Глобализация захватывает японскую деревню в значительной мере в социальнокультурной сфере, поскольку именно здесь в большей степени поддерживаются национальные традиции. Именно деревня является хранительницей культурной традиции народа, его идентичности, материальных и духовных ценностей. Несмотря на огромные изменения, связанные с процессами урбанизации и техническим оснащением не только производства, но и быта, деревня продолжает сохранять многие черты прежней социальной жизни и традиций. Государство и власти на местах поддерживают различные движения за возрождение сельских районов и принимают программы, направленные на их выживание.

В условиях глобализации Япония старается, по мере возможности, учитывать свои национальные интересы, в том числе прилагать усилия для сохранения своей идентичности. Принимая во внимание низкий уровень конкурентоспособности сельского хозяйства, она всеми силами добивается отсрочки принятия в международных организациях негативных для этой отрасли решений до того, как сможет в какой-то мере противостоять натиску своих внешнеторговых партнеров.

В статье, написанной профессором Университета Хосэй Симотомай Нобуо специально для проекта, очень тщательно, на основе большого количества источников и литературы прослежены перипетии японо-советских отношений, касающихся проблемы заключения мирного договора, показана история возникновения так называемой проблемы северных территорий в условиях «холодной войны». Автор очень аккуратно и объективно прослеживает политику обеих сторон по этим тесно связанным между собой проблемам, тщательно анализируя все доступные архивные материалы, которых в последнее время становится все больше и больше в связи с рассекречиванием многих фондов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БРЕНД «ЯПОНИЯ»: ПРЕВРАЩЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Национальная идея и вызов глобализации: диагноз Николая Трубецкого

Что такое «национальная идея» или «идея нации»? В конце XIX в. русский философ Владимир Соловьев афористически ответил на этот вопрос: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Сегодня религиозно окрашенную национальную идею, официально признанную на государственном уровне, можно найти разве в некоторых странах исламского мира, хотя банкноты США до сих пор украшены девизом «В Бога мы веруем». Тотальная секуляризация европейско-американской цивилизации и тех, кто следовал ее примеру, на протяжении XIX–XX вв. привела к неизбежной секуляризации национальной идеи этих стран, к отходу религиозного компонента на второй план. Однако полностью исчезнуть он не может, как не может исчезнуть религия, занимающая важное место в жизни любой цивилизации и культуры.

Второй, гораздо более серьезной, нежели секуляризация, угрозой национальной идее стала глобализация, идеология «плавильного котла» и «единого мира». «Объединение и упорядочение ойкумены»¹ – обитаемой части Земли – под контролем одного или нескольких силовых центров облегчают управление ею, но неизбежно ведут к стандартизации и обезличению существующих форм политической, экономической, социальной и культурной жизни. Вот как описывает и трактует глобализацию В. Б. Рамзес: «Самым наглядным, т. е. внешним, ее проявлением служит свободное перемещение через национальные границы капитала, товаров, информации и людей, резко ускорившееся с начала 80-х годов. Естественно, ускорение это возникло не на пустом месте. За ним стоит специфический подход к экономическим, полити-

¹ Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. СПб., 1994, с. 119.

ческим, социальным и культурным страновым проблемам с планетарной точки зрения, подход, предполагающий, к примеру, возможности преодоления хозяйственных кризисов, охраны окружающей биосферы, разрешения межгосударственных конфликтов, обеспечения безопасности, утверждения прав человека не на сугубо локальном или национальном, а на глобальном уровне, опираясь на представления о мире как о едином и неделимом целом»². С его точки зрения, – это объективный процесс, ведущий к общей пользе и благоденствию.

Глобализация давно стала предметом ожесточенных споров. Чаше всего вопрос сводится к тому, принимать или не принимать нынешний образец «единого мира», т. е. *Rex Americana*. Однако человечество не впервые сталкивается с вызовом глобализации. Более того, в идущем ныне процессе нет ничего принципиально нового. По существу, он был точно описан еще в начале 20-х годов XX в. русским мыслителем Николаем Трубецким.

В своей статье «Европа и человечество» (1920 г.), анализируя европеизацию неевропейских (по терминологии автора, «неромано-германских») стран, Трубецкой выделил типы «шовиниста» и «космополита», позиции которых, казалось бы, должны противоречить друг другу. «Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать и господствовать над другими народами, которые должны подчиняться ему, приняв его веру, язык и культуру, и слиться с ним. Все, что стоит на пути к этому конечному торжеству великого народа, должно быть сметено силой.

Космополит, – продолжает Трубецкой свой анализ, – отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться к ней и, войдя в семью цивилизованных народов, идти вместе с ними по одному пути мирового прогресса. Цивилизация есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями...

Шовинизм и космополитизм как будто резко отличаются друг от друга. В первом господство постулируется для культуры одной этнографически-антропологической особи, во втором – для культуры сверхэтнографического человечества. Однако посмотрим, какое содержание вкладывают европейские космополиты в термины “цивили-

² Рамзес В. Б. Глобализация стучится в дверь. – Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу). М., 2000, с. 21.

зация” и “цивилизованное человечество”? Под “цивилизацией” они понимают ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы... Та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист. Разница только в степени, а не в принципе»³.

Об этом же Трубецкой писал в статье «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (1925 г.). «Затаенной мечтой всякого европейца является полное обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеобразных и обособленных национальных обликов и культур, кроме одной, европейской, которая сама, в сущности, тоже является национальной, но желает прослыть общечеловеческой. Осуществление этой мечты, насаждение во всем мире “общечеловеческой” культуры превратит все народы мира в европейцев второго и третьего сорта. А это поставит европейцев в господствующее положение над всем миром»⁴.

Сегодня Трубецкого назвали бы «антиглобалистом». Действительно, он акцентирует внимание на отрицательных сторонах описываемого явления, но мы приводим его наблюдения лишь потому, что многое в них применимо к Японии: «Одним из самых тяжелых последствий европеизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела⁵ европеизированного народа... Такой народ, с европейской точки зрения, всегда может рассматриваться как “отсталый”. Но и сам он принужден смотреть на себя совершенно так же. Приняв европейскую культуру, он вместе с ней воспринимает и европейские мерила оценки культуры. Он не может не замечать своей малой культурной продуктивности, того, что его культурный экспорт развит очень слабо. Сравнивая самого себя с природными романо-германцами, европеизированный народ приходит к сознанию их превосходства над собою, и это сознание вместе с постоянными сетованиями о своей косности и отсталости постепенно приводит к тому, что народ перестает уважать самого себя»⁶.

Трубецкой не был знаком с современной ему японской историографией, философской и общественно-политической мыслью. Однако любому, изучавшему эти проблемы, не может не броситься в глаза

³ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995, с. 57–59.

⁴ Там же, с. 257.

⁵ Точный аналог японского термина *кокутай* – дословно «тело государства» (принятый перевод «государственный организм»). Хотя Трубецкой вряд ли знал его...

⁶ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык, с. 93–94.

точность его формулировок: «Изучая свою историю, этот народ оценивает ее тоже с точки зрения природного европейца: в этой истории все, что противоречит европейской культуре, представляется злом, показателем косности и отсталости; наивысшим моментом этой истории признается тот, в который совершился решительный поворот к Европе; в дальнейшем же ходе истории все, что бралось из Европы, считается прогрессом, а всякое отклонение от европейских норм – реакцией. Постепенно народ приучается презирать все свое, самобытное, национальное»⁷. «Отсчет ведется от западноевропейской цивилизации, – развил его мысль много лет спустя Л. Н. Гумилев, – и степень совершенства иных культур определяется похожестью на европейцев»⁸.

В результате второй мировой войны Pax Americana окончательно принял эстафету силового центра глобализации у Pax Britannica. В 1945 г. он победил Японию и включил ее в себя как зависимую территорию, которая со временем смогла подняться до статуса младшего партнера метрополии. С размыванием национальных и государственных границ силового центра – одна из главных особенностей послевоенного этапа глобализации – японская правящая элита органично вошла в его состав. Так что сейчас Япония в равной степени является и субъектом, и объектом глобализации.

Положение национальной идеи в официальной или, по крайней мере, в доминирующей идеологии современной, глобализирующейся и глобализируемой Японии, весьма своеобразно. Она там, безусловно, присутствует, что дает повод европейским и американским (а ранее – еще и советским) пропагандистам периодически бить тревогу относительно того, что «японский национализм поднимает голову». Представители японской элиты, включая видных деятелей вечно правящей Либерально-демократической партии, порой позволяют себе такие высказывания, которые в Европе или США прощаются лишь безнадежным «ультраправым» маргиналам. Безусловный факт высокой гомогенности населения Японских островов и куда более спорный тезис об уникальности и даже непостижимости японской культуры для иностранцев настолько прочно вошли в сознание японцев, что «отменить» их директивным путем едва ли удастся.

Японская элита даже сегодня не отрицает необходимости национальной идеи, которая в прошлом зарекомендовала себя как мощный мобилизующий фактор. Вопрос в том, в чем именно эта идея должна заключаться и как она корреспондирует с реалиями и догмами нынешнего витка глобализации. Однако для этого необходимо обратиться к

⁷ Там же, с. 94.

⁸ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993, с. 36.

прошлому японской национальной идеи, без знания которого нельзя понять ее настоящее и предсказать ее будущее.

«Цивилизация и просвещение» «восьми углов»: комплекс несостоявшегося лидера

«Открытие Японии» европейцами и американцами в середине XIX в., ставшая ответом на этот вызов консервативная революция *Мэйдзи исин* (1868 г.) и последовавшие за ней преобразования положили конец духовной автаркии периода «закрытия страны» и ощущению национальной самодостаточности, но не национальной гордости. Раньше японцы могли ощущать свое превосходство в том, что, по утверждению влиятельного философа первой половины XIX в. Хирата Ацутанэ, «различия между Японией и другими странами “носят физический характер”, поскольку “все страны” в отличие от (созданной божествами Идзанами и Идзанаги. – В. М.) Японии появились в процессе “сгущения морской пены”, причем произошло это гораздо позднее образования Японских островов»⁹. Теперь им предстояло показать миру, что они не хуже других в том, чего пока не знают и не умеют. Овладение «европейской наукой» было для японского государства и общества вопросом выживания. Одновременно это стало вопросом жизни и смерти для японского национального самосознания и национальной идеи.

Большинство японцев эпохи Мэйдзи (1868–1912) даже в запале ученичества не перестало ощущать себя японцами, в чем яростно упрекали своих вестернизовавшихся сограждан пассаеистически настроенные идеологи радикального национализма, видя корень зла в европейских прическах и костюмах. Однако в японской идеологии последней трети XIX в., избравшей своим лозунгом девиз «цивилизация и просвещение», доминировали европейские и американские теории позитивистской и утилитаристской ориентации, ориентация считалась тогда наиболее «прогрессивной». Лишь к концу века маятник качнулся в сторону нового подъема национального сознания. Япония, успешно овладев материальными плодами и благами западной цивилизации, почувствовала себя равноправным цивилизованным государством, не только могущим, но и должным «цивиловать» другие страны, прежде всего азиатские. Элита Кореи в 90-е годы XIX в. отвергла услуги японских «цивилизаторов и просветителей», чтобы в следующем десятилетии оказаться под их колониальным владычеством. В борьбе с США и европейскими державами за право «просветить» Китай Япония добилась лишь частичных успехов. В Индии ее достижения, особенно

⁹ Михайлова Ю. Д. Мотоори Норианага. Жизнь и творчество. М., 1988, с. 96.

военная победа над Россией в 1905 г., несомненно, повлияли на национально-освободительное движение, но британское владычество жестко ограничивало возможность любого прямого воздействия такого рода.

Миссия Японии как лидера и «светоча» Азии была сформулирована в книге известного мыслителя Окакура Какудзо «Пробуждение Японии» (1904 г.), написанной по-английски, т. е. для зарубежной аудитории. В первом варианте она многозначительно называлась «Пробуждение Азии», но он увидел свет только в 1938 г., когда доминирующей идеологией вместо «цивилизации и просвещения» стали «восемь углов под одной крышей»¹⁰. Это означало, что «восемь углов» или сторон света, т. е. весь мир, должны быть собраны под «крышей» Японии, в чем и заключается ее сакральная миссия. Рационалистическая и позитивистская национальная идея периода «демократии Тайсё» (1912–1926) постепенно сменилась иррациональной и мистической, в которой, помимо «восьми углов», доминирующую роль играла концепция «государственного организма» (*кокутай*). О ней уже многократно писалось, поэтому напомним лишь основные положения. Разработанная «школой Мито» в первой половине XIX в. под воздействием консервативно-революционной «школы Национальных наук», концепция *кокутай* на рубеже XIX–XX вв. стала одной из основ официальной идеологии наряду с прусской «органической теорией государства» – учением о *государстве* как едином целом, как организме высшего порядка, рождающемся, живущем и умирающем по своим законам.

Кокутай – специфически японская национально-государственная общность, объединяющая мир божеств *ками* и императора (первосвященника Синто и сакрального вождя), японский народ (потомков богини Аматэрасу) и Японские острова (творение божеств), мир живой природы¹¹. Концепция *кокутай* отказывала другим государствам в праве на «органичность», видя в них лишь «механизмы». Видный политик и идеолог Хиранума Киитиро в 1941 г. заявил: «Японское государственное устройство не имеет аналогов в мире... В других странах династии основывались людьми. Именно людьми поставлены у власти короли, императоры и президенты в других странах, и лишь в Японии престол унаследован от божественных предков. Поэтому правление императорского дома – это продолжение деяний божественных предков. Династии, созданные людьми, могут погибнуть, но трон, основанный богами, неподвластен воле людей»¹².

¹⁰ Молодяков В. Э. Между Японией и миром: «буферы» и «информаторы». – Япония, открытая миру. М., 2007, с. 67–73.

¹¹ Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999, гл. 2–4.

¹² Цит. по: Ballou Robert O. Shinto, the Unconquered Enemy: Japan's Doctrine of Racial Superiority and World Conquest. N.Y., 1945, p. 73.

Национальную идею 30-х годов XX в. определяло то, что популярный в те годы историк Хираидзуми Киёси назвал «возвращением к подлинно японской Японии»¹³. Идеолог национализма генерал Араки Садао писал в программной статье «Миссия Японии в эру Сёва»: «Прежде чем приступить к рассмотрению той или иной проблемы в наше тяжелое время, необходимо твердо осознать: “Я – японец”. Рассматривать проблемы без самосознания, – значит, мерить без меры»¹⁴. Важным компонентом национальной идеи оставалось мессианство. «Мир еще раз сможет увидеть, что свет приходит с Востока»¹⁵, – заявил в 1934 г. дипломат Сиратори Тосио в статье «Новое пробуждение Японии», заглавие которой прямо отсылало к книге Окакура, тем более что статья Сиратори тоже была адресована иностранным читателям. Эти настроения достигли апогея в начале войны на Тихом океане, но именно она нанесла Японии тяжелейший удар, едва не оказавшийся смертельным. Военное поражение обернулось для Страны восходящего солнца политическим, идейным и духовным крахом. Прежние идеалы рухнули. Надо было начинать с нуля.

Послевоенное «перевоспитание» Японии оккупационными властями было не столь абсолютным, как в Германии, но серьезно деформировало национальное сознание японцев. Им был привит не только «комплекс вины» за развязывание войны, но и сознание того, что ответственность за войну и военные преступления (многие из которых оказались преувеличенными) несет весь народ и что японская агрессия является закономерным итогом всей истории страны. Патриотизм и национальная гордость оказались вне закона, национальные традиции были преданы забвению как «реакционные», а «иностранные» (для кого – американское, для кого – советское) превратилось в синоним «прогрессивного». Стало стыдно «быть японцем», не говоря уже о том, чтобы подавать кому-то пример.

«Страна максимально приближенная к раю»: фактор «очищенного риса»

Окончание американской оккупации в 1952 г. принесло определенное освобождение национальному самосознанию. На первый план выдвинулись такие традиционные добродетели, как труд и прилежание, высокий мобилизационный потенциал, направленный на мирное восстановление. Чувства стыда и вины за прошлое отчасти компенсиро-

¹³ Хираидзуми Киёси. Бусидо-но фуккацу (Возрождение бусидо). Токио, 1934, с. 6.

¹⁴ Кайкося. 1932, № 4. Имеющийся русский перевод (Танин О., Йоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933, с. 251–262) весьма неточен.

¹⁵ Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Геополитические комментарии. М., 2008, с. 43.

ровались атомными бомбардировками Хиросима и Нагасаки и отказом от войны, закрепленным в девятой статье конституции 1947 г. Япония приобрела дополнительный образ жертвы, хотя бы отчасти смягчающий образ агрессора. Комплекс несостоявшегося лидера в военно-политической области предлагалось компенсировать «моральным лидерством» в борьбе за мир и против ядерного оружия.

После реабилитации в собственных глазах (для части общества она прошла быстро, для некоторых, похоже, не закончилась до сих пор) японцам для обретения полноценной национальной самоидентификации предстояло реабилитировать себя в глазах окружающих. Это было сделано через впечатляющие и признанные всем миром успехи в экономике, менеджменте и социальной сфере. Заставить японцев много и интенсивно работать, с учетом как национального характера, так и конкретных условий послевоенных десятилетий, было несложно. Национальной идеей на какое-то время стал «трудоголизм», а экономическая деятельность была признана «благородной» еще в период Мэйдзи, когда самураи, ранее считавшие ниже своего достоинства брать деньги в руки, оказались в первых рядах предпринимателей и финансистов. Получение прибыли считалось в старой Японии делом недостойным, поэтому в новых условиях жизненно необходимыми стали философия и этика предпринимательства, которые соединили бы его с традиционными ценностями. Выход был найден в виде концепции служения императору и народу через свою профессию, что хотя бы отчасти уравнивало государственного служащего и бизнесмена, политика и военного. Моральный престиж военной службы оставался выше, чем престиж бизнеса, но последний получил оправдание в глазах общества, бесспорное с традиционалистской точки зрения. Некоторые даже отождествляли предпринимателя с благородным воином, а внешнеэкономическую деятельность уважительно именовали «войной в мирное время». Этика бизнеса совместилась с этикой *бусидо*, каким бы противостественным это ни казалось иностранцам¹⁶.

Это не просто историческая справка. Вся послевоенная история Японии – восстановительный период, период высоких темпов экономического роста, период спекулятивной «экономики мыльного пузыря» – прошла под знаком экономически ориентированной или экономически насыщенной национальной идеи. Отрицать ее наличие неверно. Как только схлынула волна послевоенного «мазохизма», японцы решили доказать всему миру, что, проиграв на поле брани, они будут удачливее в «войне в мирное время». Без апеллирования к национальной

¹⁶ Marshall Byron. Capitalism and Nationalism in Prewar Japan. The Ideology of the Business Elite, 1868–1941. Stanford, 1967, p. 30–50.

гордости едва ли было возможно в такой мере задействовать мобилизационный потенциал нации. В то же время сосредоточение усилий Японии исключительно в сфере экономики устраивало победителей – и США, и СССР. Более того, именно победители – одни прямо, другие косвенно – «прописали» японской послевоенной элите такой курс.

Наконец, это соответствовало устремлениям большинства японцев, без чего они вряд ли добились бы таких успехов даже с учетом их управляемости и способности к слаженным действиям. Об этом откровенно написал известный экономист, аналитик и пиарщик Сакаия Таити: «Идеалы, к которым стремились японцы в период своей бедности, действительно осуществились». Опыт первых послевоенных лет, когда, по словам Сакаия, родившегося в 1935 г., «несбыточной мечтой было вдоволь наесться очищенного риса»¹⁷, вкупе с целенаправленной корректировкой «японского духа» послевоенной элитой сыграл ведущую роль в создании сначала индустриального общества, затем общества потребления.

В обоих случаях национальная идея определялась сугубо материальными факторами, потому что образ Японии как «успешной» страны, могущей служить примером для подражания, связывался только с ее экономическими достижениями. Роль Японии в мировой политике остается, как минимум, второстепенной ввиду ее исключительного подчинения США. Пока в экономике все обстояло гладко, возражений против такой подчиненности не было. Экономическое преуспевание и вызванное им удовлетворение потребности в «очищенном рисе» избавляли страну от политических амбиций. «Если считать, что идеалом современного государства, – писал в 1991 г. Т. Сакаия, – является достижение богатства, равенства, мира, безопасности, то сегодняшняя Япония – страна, почти полностью достигшая этого идеала, ближе всех подошедшая к раю»¹⁸. Ирония судьбы в том, что он писал это накануне краха «экономики мыльного пузыря».

Однако дух дышит не в экономике. Наевшись «очищенного риса», Япония захотела стать «культурной сверхдержавой», коль скоро менять политический статус ей не позволялось. Своеобразной реакцией на недостаток признания современной японской культуры (классическая культура в рекомендациях уже не нуждалась) стали распространявшиеся в 60–70-е годы теории *нихондзинрон*, «учения о японцах», называемые также «культурным национализмом». Все они основаны на тезисе об уникальности японской цивилизации и культуры, но проявляется эта уникальность в разных сферах и, соответственно, по-

¹⁷ Сакаия Т. Что такое Япония? М., 1992, с. 36, 41.

¹⁸ Там же, с. 34.

разному мотивируется. В рамках *нихондзинрон* появились известные теории «рисовой цивилизации», «группизма», «вертикального общества», «крови японцев» и «мозга японцев». Разумеется, тезис об уникальности японцев и их цивилизации возник не впервые: в начале XIX в. его проповедовала «школа национальных наук», а в предвоенные годы официальная пропаганда. Ссылаться на вторую было нельзя из-за «политической некорректности», зато наследие первой, понимаемое в культурно-исторической, а не в социально-политической перспективе, пережило в эти годы очередное возрождение.

Идеологи *нихондзинрон* предложили соотечественникам считать себя «рисовой цивилизацией». Рисосеяние требует слаженных усилий большого числа людей, из чего выводился японский «группизм» в противоположность индивидуалистическим цивилизациям Европы, основанным на охоте и собирательстве. Новое рождение пережили теории о «семейном» характере японской цивилизации и ее институтов. Но рис выращивали не только в Японии, поэтому для доказательного объяснения ее уникальности в ход пошли теории «крови японцев»: понять Японию и японцев, их цивилизацию и культуру может только тот, кто родился японцем. Иными словами, этнические японцы, родившиеся и выросшие в США, могут в полной мере понять «японскую душу», а этнические корейцы и китайцы, живущие в Японии на протяжении столетий, не могут. Это вошло в противоречие с поощряемой сверху тенденцией к несению своей культуры в мир: если, скажем, традиционное японское искусство не только уникально, но и непостижимо, может ли оно претендовать на значимое место в общемировом культурном пантеоне?

Теории *нихондзинрон* не стали государственной идеологией, но, будучи подхвачены «образованным сословием», заняли в национальной идее пустовавшую духовную нишу и повлияли на сознание японцев 70–80-х годов не меньше, чем пропаганда *кокутай* в 30–40-е годы. Теории пришлось по вкусу не только интеллектуальной элите, но также бизнесменам и работникам образования, прежде всего школьного. Осторожное, но настойчивое разъяснение уникальности японской цивилизации и культуры рассматривалось как важный фактор морального, гражданского воспитания. «Научные» аспекты *нихондзинрон* были призваны оправдать использование этих теорий в образовании и придать им больший вес. «Элита мобилизует разные части населения, давая им идею национальной самоидентификации; педагоги играют основную роль в восприятии и распространении идей национальной самобытности, сформулированных интеллектуалами»¹⁹.

¹⁹ *Yoshino Kosaku*. Cultural Nationalism in Contemporary Japan. A Sociological Enquiry. London-New York, 1992, p. 141. Эта книга остается одним из лучших аналитических исследований *нихондзинрон*.

Большинство этих теорий имело наукообразный характер и пропагандировалось учеными, хотя серьезной критики не выдерживало. Пришлось признать, что это – не эмпирическая реальность, а лишь «образы, созданные для усиления самоидентификации»²⁰, т. е. новый вариант национальной идеи.

Рассматривая теории *нихондзинрон* в контексте эволюции национальной идеи, надо отметить следующее. В послевоенные годы в отношении японцев – как элиты, так и масс – к собственной истории и национальным традициям отчетливо прослеживается двойной стандарт: один для «внутреннего употребления», другой – для внешнего мира. В первом представлен весь спектр крайностей, второй по преимуществу ограничивается «золотой серединой». Среди японских авторов, переводимых на иностранные языки (особенно в самой Японии), лишь изредка попадаются выразители националистических или «мазохистских» тенденций, поскольку они нарушают представление о царящей в обществе гармонии, над созданием которого немало потрудились элита. Теории *нихондзинрон*, популярные в самой Японии, не получили распространения за границей, да японцы как будто и не стремились к этому. С одной стороны, им было положено шарахаться от призрака «возрождающегося национализма», с другой – подобные утверждения могли подлить масла в огонь японофобских настроений, особенно в США и АТР, вызванных успехами японской экономики и внешней торговли. Можно сказать, что японцы предпочитали гордиться собой у себя дома.

Самобытность японской цивилизации и значение ее общего вклада в мировую культуру не вызывают споров. В то же время акцентирование внимания на исключительности «мозга японцев» (и даже «носа японцев» – была и такая книга) могут вызвать только недоумение, неприязнь и насмешки. Японцы, особенно молодое поколение, все чаще видят себя «гражданами мира» и не считают свою цивилизацию непостижимой для иностранцев. Другое дело, что культура современной Японии отчетливо демонстрирует свою вторичность на мировом уровне: Икэда Дайсаку – явно не Хайдеггер, Одзава Сэйдзи – не Караян, Мураками Харуки – не Сэлинджер.

«Низкий порог восприятия»: арьергардные бои имиджмейкинга²¹

Кризис, переживаемый Японией с начала 90-х годов, прямо отразился на национальной идее. В политике страна остается саттелитом

²⁰ *Ibid.*, p. 12.

²¹ Раздел написан на основании личного опыта автора и информации от японских и иностранных респондентов, пожелавших сохранить анонимность.

США. В экономике она удерживает второе место, но небезупречность ее экономической модели ныне очевидна для всех. «Менеджмент японского образца», который, по словам Сакаия, «и есть японская культура, достойная распространения во всем мире», оказался применим только в Японии, да и то с большими оговорками²². Теории уникальности японской цивилизации забылись вместе с крахом «экономики мыльного пузыря», надо полагать, не случайно. Перестроить доведенное до совершенства общество потребления в свою противоположность – интеллектуальное общество – не удалось и, очевидно, не удастся. Великой культурной державой современности Страна восходящего солнца не стала, несмотря на усиленный пиар: всего две Нобелевских премии по литературе за весь XX век. Но потенциал Японии велик, как велики амбиции ее элиты. Что же она выдвигает в качестве новой национальной идеи? Что понесет она миру в XXI век?

Ответ японской элиты удивил многих: «Бренд “Япония”». Серьезность, с какой это было сделано на самом высоком уровне, при непосредственном участии премьер-министров Коидзуми и Абэ, показывает, что перед нами – новый вариант национальной идеи с претензией на ее глобальное распространение. Японцы и так открыто говорят о себе как об «обществе брендов», т. е. об обществе, где главной социальной ценностью является обладание «брендовыми» вещами. Раскрутка своей страны как бренда будет по вкусу не любому правительству, но может оказаться перспективной на частном уровне, будучи адресованной не элитам, а массам. Японские имиджмейкеры осознали, что «Япония» – бренд с хорошей репутацией и до сих пор «продаваемый». Но что будет «продаваться» под ним? Второй ответ был не менее удивительным: национальная кухня, туризм и масскультура в виде *манга* и *анимэ*.

24 ноября 2004 г. газета «Майнити» сообщила о формировании Штаба стратегии интеллектуальной собственности кабинета министров, который обнародовал план создания бренда «Япония» для экспорта изделий японской моды и блюд национальной кухни. Ближайшей задачей объявлена разработка эффективной экспортной торговой марки. Над этим готовы трудиться ведущие дизайнеры, модельеры и кулинары. Помимо академических экспертов, в состав рабочей группы штаба вошли: Кояма Хирохиса, владелец ресторана национальной кухни «Аояги»; Микуни Киёми, шеф-повар и владелец гостиницы «Hotel de Mikuni»; Ота Нобуюки, руководитель салона моды «Иссэй Миякэ»; художник-модельер Хара Юмико; дизайнер Минагава Акира.

²² Одним из первых это показал Дж. Тэйлор: *Taylor Jared. Shadows of Rising Sun. N.Y., 1983.*

Правительство также рассматривает план учреждения особого приза премьер-министра «Лучшему повару Японии».

С модой все более-менее понятно: лучших японских модельеров, в основном работающих за рубежом, знает весь мир, но в целом у Японии нет никаких шансов сравняться с Францией, Италией или США. Другое дело – японская кухня, проникшая едва ли не во все страны мира и уже породившая такие продукты глобализации, как «роллы по-калифорнийски с огурцами». Штаб планирует вывести ее на третье место в мире по популярности – после французской и китайской, хотя популярность японских ресторанов во многих странах падает из-за высоких цен и однообразия ассортимента, особенно в жесткой конкуренции с более дешевой и более разнообразной китайской кухней. Создатели штаба не скрывают свои экономические расчеты: рост популярности японской кухни за рубежом даст толчок росту экспорта сельскохозяйственных продуктов и рыбы. Но дело здесь не только в экономике.

Японцы гордятся своей «культурой еды», ненавязчиво подчеркивая ее уникальность и отводя телепередачам по этой тематике лучшее экранное время. Изучение японских путеводителей и телепрограмм о других странах наводит на мысль о том, что японцы воспринимают окружающий мир если не исключительно, то преимущественно через желудочно-кишечный тракт. Нисколько не умаляя достоинств японской кухни, особенно если ее блюда готовят специально обученные и сертифицированные повара, по проверенным технологиям и из продуктов исключительно первой свежести (таковы основные требования штаба в данной области), рискнем заметить, что не во всех странах доминирует «пищевкусовое» восприятие действительности. Похоже, главные имиджмейкеры Японии до сих пор не наелись «очищенного риса» и у них нет других идеальных образов.

Превращение Страны восходящего солнца в мировую туристическую державу под лозунгом «Добро пожаловать в Японию!» («Yokoso Japan!») также сопряжено с немалыми трудностями, несмотря на то, что в рекламном ролике этой кампании снялся лично премьер, обладавший харизмой, Коидзуми. Потенциал у Японии в этом отношении огромный и, так сказать, на любой вкус: множество памятников истории и культуры, великолепные и разнообразные природные ландшафты, хорошая экология, развитая инфраструктура и сфера обслуживания, высокая степень безопасности. Однако уже в новом тысячелетии баланс сектора японской экономики, связанного с туристическим бизнесом, остается отрицательным. Посол Австрии, которая занимает

девятое место в списке наиболее популярных у туристов стран, в Токио Петер Мозер заметил по этому поводу: «Необходимо четкое представление об экономической роли туризма»²³. Что останавливает? Что мешает?

Во-первых, Япония – безусловно «дорогая» страна, причем не только в крупных городах или курортных зонах. Поэтому внутренний туризм здесь до сих пор развит гораздо больше, чем прием иностранцев. В Японию едут в основном состоятельные люди, за исключением делегаций из КНР и Республики Корея. Их привозят сюда на льготных условиях, вероятно, в качестве «моральной компенсации» за прошлое. При этом приезжих удивляет несоответствие, по их представлениям, высоких цен и качества жизни японцев.

Во-вторых, у Японии нет имиджа «туристической» страны, места бездумного отдыха и развлечений, вроде Турции, Египта и Таиланда, или выгодного шоппинга, как в некоторых западноевропейских странах. Большинству иностранцев, никогда не бывавших в Японии, она до сих пор представляется либо экзотически-живописной, либо супертехнологичной страной. Прилетев в Токио, одни изумлены отсутствием старинных храмов, другие – отсутствием роботов на каждом шагу. И очень мало кто из туристов приезжает сюда во второй раз, если только не возникают специфические интересы.

В-третьих, централизованная туристическая индустрия Японии, центром которой остается «Japan Travel Bureau» (JTB), не готова удовлетворить растущие потребности приезжих иностранцев: шаблонные программы, отсутствие индивидуального подхода, общеизвестные трудности японцев с иностранными языками, особенно на разговорном уровне. При этом JTB – волей-неволей один из главнейших официальных имиджмейкеров Японии – проводит «зачистку» малого туристического бизнеса и старается по возможности не допускать в него иностранцев, особенно в качестве гидов. Видимо, для того чтобы определенный в верхах «образ Японии» дошел до потребителя без искажений. К этому же следует отнести не изжитые до конца проявления бытовой ксенофобии, как активной, так и пассивной, особенно в провинции. Это вынуждены признавать и сами японцы.

Видимо, не зря Хори Тэйитиро, пиарщик и специалист в области индустрии туризма, в статье «От “Сделано в Японии” к “Добро пожаловать в Японию!”» (2002 г.), в заглавии которой отражает и смену бренда, и смену национальной идеи, заклинает соотечественников: «Мы все еще отгораживаемся от иностранцев. Такое впечатление, что никто не желает говорить с ними. Поэтому, прежде всего, мы должны

²³ www.inopressa.ru. 27.04.2004.

изменить наше мышление, чтобы научиться общаться с другими, полюбить это общение и лучше узнать остальной мир»²⁴.

Деятельность Японии в сфере приема иностранных туристов хорошо показывает плюсы и минусы ее государственного имиджмейкинга в целом. К плюсам можно отнести заинтересованное внимание правительства и других государственных структур, тщательную выработку концепции и планов работы, стремление охватить максимально большее число потенциальных потребителей и привлечь все возможные средства пропаганды и информации – от Интернета до гидов-волонтеров. Минусами являются шаблонность и известная примитивность моделируемого образа, неумение и/или нежелание учитывать интересы и запросы целевой аудитории, ограниченность представлений об окружающем мире.

В силу дороговизны, с одной стороны, и экзотичности – с другой, Япония во многом сохраняет имидж «эксклюзивной» страны, доступной – во всех смыслах слова – не всем. С экономической точки зрения это, вероятно, не очень хорошо – особенно в восприятии японцев, привыкших к стандартизированному массовому производству и к такому же стандартизированному массовому потреблению. Попытки нести «в массы» японскую кухню, моду и жемчужины туризма пока не слишком удачны, в том числе, по мнению тех, кто этим непосредственно занимается²⁵. Но есть сфера деятельности, где японцы уверенно «берут массой» и добились успеха в мировом масштабе.

Это *манга* и *анимэ* – слова, уже не нуждающиеся в переводе. Огромная популярность в мире, включая США и страны Азии, не слишком дружелюбно настроенные к японскому «экспорту», превратила их в бизнес мирового масштаба, тем более что реальных конкурентов у Японии пока нет (мультипликация «диснеевского» типа – другое явление). Мы не беремся оценивать художественные достоинства или недостатки конкретных произведений этих жанров, однако премии на престижных международных кинофестивалях, которых были удостоены полнометражные мультипликационные фильмы Миядзаки Хаяо «Унесенные призраками» (Берлин, 2002; «Оскар», 2003) и «Бродячий замок Хоула» (Венеция, 2004) говорят сами за себя. Но это – лишь вершина айсберга, подводная часть которого лучше видна посетителям нижних этажей книжных магазинов и многочисленных «манга-кафе».

²⁴ Цит. по: Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007, с. 471–472.

²⁵ Среди многочисленных публикаций по данной теме, имеющих в основном журналистский или откровенно рекламный характер, заслуживает внимания диссертация на соискание ученой степени: Fukuda Osamu. Is Japan Able to Become an Attractive Country? Nation Branding in Tourism. Oxford Brookes University. September, 2003. – www.thequeens.jp.

В популярности *манга*, исконного легкого жанра японской литературы, и созданных по его мотивам *анимэ* нет ничего удивительного и тем более предосудительного. Это – отличный отдых для школьников, замученных домашними заданиями и коллективной активностью, для студентов, которые еще не перестали быть школьниками, для клерков, утомленных бумажной рутинной и выпивкой с клиентами или партнерами. *Манга* и *анимэ* апеллируют к нехитрому набору эмоций, а не к интеллекту, хотя в эту форму перелагаются, т. е. адаптируются, даже классические произведения. Однако мировая популярность высветила в *манга* и *анимэ* то, чему в Японии не придавали особого значения. «Японцев все чаще стали обвинять в перенасыщенности их лент насилием, порнографией, апокалипсическими настроениями, глобальными катаклизмами, а иногда и в полном уходе в космические и виртуальные миры. Реки крови, обилие откровенных сексуальных сцен, вызывающие формы не по-японски пышнотелых красавиц и бесконечные роботы – вот, пожалуй, тот набор тем, который подвергается сегодня самой острой критике за рубежом»²⁶.

На первый взгляд, может вызвать удивление сам факт подобной критики. Никому не придет в голову критиковать «Пентхаус» или «Хастлер» за помещение там «откровенных» фотографий – достаточно ограничить или вовсе запретить их продажу. Все дело в том, что мировое распространение *манга* и *анимэ* стало в Японии государственным делом (порно-*анимэ*, известные как *хэнтай*, тянутся за ними следом уже без государственной поддержки). В рамках стратегии создания положительного имиджа страны за рубежом (все тот же проект «Бренд “Япония”») МИД Японии учредил и в мае 2007 г. Международный *манга*-приз, который уже окрестили «Нобелевской премией по *манга*». Главным покровителем и пропагандистом этого искусства выступает Асо Таро, министр иностранных дел в 2005–2007 гг. и влиятельный деятель ЛДП, прочитывающий, по его собственным словам, от 10 до 20 выпусков комиксов в неделю. Нетрудно догадаться, что именно он был инициатором Международного *манга*-приза, озвучив эту идею в серии публичных выступлений 2006 г.²⁷ Кроме того, объявлено, что в 2008 г. в Киото состоится *манга*-саммит, на котором Асо, надо полагать, будет в числе почетных гостей.

Разумеется, международная популяризация *манга* и *анимэ* и включение их в состав бренда «Япония» как перспективных компонентов

²⁶ Катасонова Е. Л. Японская комикс-культура: на пути к покорению мира. – Япония, открытая миру. М., с. 296.

²⁷ См.: сайт МИДа Японии: www.mofa.go.jp и официальный сайт Асо: www.chikuhou.or.jp

объясняются не симпатиями тех или иных государственных мужей. За этим стоит коллективная мудрость политиков, бюрократов и имиджмейкеров. Создание в 2004 г. Совета по содействию культурной дипломатии во главе с профессором Аоки Тамоцу было продиктовано стремлением улучшить имидж Японии в мире. Руководители Совета после обращения к американским консультантам решили сосредоточиться на глобализации японской культуры. Для этого они разработали концепцию активизации культурной дипломатии, опирающуюся на три основных положения, из которых к нашей теме непосредственно относится первое из них. Это – популяризация современной японской культуры, прежде всего *анимэ*, как имеющей низкий порог восприятия и, следовательно, широкое поле для развития на чужой почве. Упрощенная культура *анимэ* не требует специальной подготовки для восприятия и способна понравиться даже людям с неразвитым эстетическим вкусом и интеллектом. В дальнейшем имеется в виду привитие через *анимэ* интереса к более сложным формам японской культуры²⁸.

Какие выводы можно сделать на основании сказанного? Во-первых, *манга* и *анимэ* признаются уделом реципиентов с «низким порогом восприятия». Во-вторых, продвижение «бренда “Япония”» будет ориентировано на них. В-третьих, предполагается, что их порог восприятия повысится, и со временем они перейдут к чайной церемонии, дзэн-буддизму, романам Кавабата и Мураками, которые для них пока сложноваты. В-четвертых, эти реципиенты – *манга*- и *анимэ*-фаны, известные под собирательным названием *отаку*, – станут проводниками японской культуры в своих странах, что следует из второго положения новой концепции культурной дипломатии: предоставление возможности посещения Японии творческим личностям, прежде всего молодежи, для ознакомления с ее культурой с перспективой переноса ее влияния на родину адептов²⁹.

Разумеется, в настоящей работе мы не беремся учить японских пиарщиков, тем более идеологов, что и как им следует делать. У них есть четкое видение положения, в котором находится их страна, и мнение о том, что надлежит делать. Остается констатировать, что нынешняя национальная идея Японии и ее современная культура далеко ушли от прежних образцов – в стремлении соответствовать меняю-

²⁸ Aoki Tamotsu, Kondo Seiichi, Wang Min. Cultural Exchange: A National Priority. – Japan Echo, Vol. 32. 2005, December, № 6.

²⁹ Третье положение: развитие духа гармонии (*ва*) и уважения (*кёсэй*) к остальной части мира с целью предотвращения столкновения цивилизаций – к нашей теме отношения не имеет и вообще не отличается конкретностью.

щимся реалиям и, если так можно выразиться, задрав *хакама* бежать за глобализацией. Но все же стоит помнить и о предупреждении Трубецкого, сделанном в 1921 г. в статье «Об истинном и ложном национализме»:

«Культура должна быть для каждого народа другая. В своей национальной культуре каждый народ должен ярко выявить всю свою индивидуальность, причем так, чтобы все элементы этой культуры гармонировали друг с другом, будучи окрашены в один общий национальный тон. Отличия разных национальных культур друг от друга должны быть тем сильнее, чем сильнее различия национальных психологий их носителей, отдельных народов. У народов, близких друг к другу по своему национальному характеру, и культуры будут сходные. Но общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна... При пестром многообразии национальных характеров и психических типов такая “общечеловеческая культура” свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особы. И в том, и в другом случае эта «общечеловеческая» культура не отвечала бы требованиям, поставленным всякой подлинной культуре. Истинного счастья она никому не дала бы»³⁰.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕЖДУ МИРОМ И СОБОЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМИДЖА ЯПОНИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В японской «туристической Мекке» Никко есть известный на всю страну Парк мира (Tobu World Square). Самые известные здания и сооружения планеты воспроизведены в нем в малом масштабе с японской точностью и скрупулезностью и сгруппированы по странам и континентам. Есть в этом парке и «Микрояпония» – копии Токийского вокзала, храма Ицукусима и других популярных у туристов мест этой страны. Логично было бы предположить, что миниатюрная Япония расположена в секторе Азии. Но это – европейская логика. Об ее отличии от японской логики недвусмысленно свидетельствует установленный указатель: «Азия – налево; Япония – направо».

О своеобразном позиционировании Японии на мировой имиджевой арене написано в последние годы немало. В основном эти книги и статьи посвящены истории вопроса, а также констатации и анализу действий современных японских имиджмейкеров по продвижению позитивного имиджа Японии в мире¹. Однако интересно было бы задуматься и о том, насколько сегодня плодотворны в этом смысле попытки совместить тягу к глобализации с позиционированием японской уникальности и какие таблички «а-ля Парк мира» расставляет Япония по планете, моделируя свой новый образ. События последних лет говорят о том, что как раз сейчас в среде японской политической и интеллектуальной элиты возникают новые идеи, обсуждаются подчас экзотические способы модерации позитивного имиджа страны, создаются перспективные идеалы. И хотя восприятие этих идеалов внут-

¹ В качестве свежих примеров можно привести: Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны, М., 2007; Стрельцов Д., Сильницкий А. Политика Японии в области бренда. – «Корпоративная имиджелогия», 2008, №1, с. 20–25; Михайлова Ю. Д. Представления россиян о Японии и российско-японских отношениях по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге и Владивостоке. – Япония 2007. Ежегодник. М., с. 171–187; а также первую главу в настоящем издании.

³⁰ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык, с. 120.

ри самой страны не менее важно, для нас особый интерес представляет восприятие Японии ее ближайшими соседями – Китаем и Кореей, а также США, для которых Страна солнечного корня является сегодня одним из основных культурных реципиентов, и, естественно, Россией, где в последнее время наблюдаются любопытные процессы качественного изменения имиджа Японии.

Вступая в XXI век, японцы с разочарованием осознали, что Европа, Америка, Китай – наиболее интересующая Японию часть мира – практически не изменили мнения о них и их стране не только за послевоенные годы, но, по большому счету, и за все XX столетие. Слово «экспансия» оставалось ключевым в лексиконе внешнеполитического имиджа Японии за последние 100 лет на важнейших для нее территориях. Если раньше скептицизм в отношении имиджа Японии зиждился на опасении нашествия гастарбайтеров или боязни японского милитаризма, а затем и экономической экспансии, то сейчас он имеет в основном инерционный характер. Инерцию такого рода остановить крайне сложно, особенно если принять во внимание усиливающиеся в Японии попытки оставить воспоминания о второй мировой войне в прошлом, мумифицировать ее восприятие в массовом сознании по логике: последствия обсуждены, а виновные осуждены, поэтому нет смысла возвращаться к пройденному.

Имеющая перспективы внутри страны, такая политика за рубежом не находит понимания не только у стран, пострадавших от японского военного вторжения, но даже среди ее бывших союзников, нанося удар в первую очередь по имиджу Японии. Не так давно бывший немецкий канцлер Гельмут Шмидт, выступая с лекциями в Токио, с арийской прямотой заявил: «У японского народа, к сожалению, в мире не слишком много настоящих друзей... (курс. наш. – А. К.) Это связано с двойственным отношением японской общественности к признанию завоеваний, началу войны на Тихом океане и преступлениям прошлого»². Японские журналисты постарались не упоминать о шокирующей лекции германского политика или, по крайней мере, не цитировать его. Их молчание никак не влияет на позицию американских и европейских журналистов. Последние с удивлением отмечают, что спустя более чем 60 лет после окончания второй мировой войны Япония является одной из немногих развитых стран мира, которая имеет территориальные споры с рядом сопредельных государств. Кроме того, Япония не желает принять ту норму ответственности за события прошлого, которая удовлетворила бы страны Азии, Европы и, отчасти, Америки. Причем, если в отношениях со странами Азии такое пове-

² Newsweek. 26.10.2005.

дение, внешним выражением которого является посещение высшими японскими чиновниками святилища Ясукуни, вызывает прямое политическое обострение, то для многих других государств оно имеет исключительно имиджевое значение. И без того живучее представление о неискренности, хитрости и коварстве японцев получает все новую и новую подпитку.

До недавнего времени Япония могла позволить себе не обращать на это внимания, так как была сосредоточена на преодолении возникшего в период индустриального бума имиджа страны как «экономического животного», на развенчании образа «экономического гиганта на карликовых политических ногах». Но, если в последнее время место экономического гиганта занял Китай, то восстановить свой политический имидж Японии все равно никак не удастся. Попытки войти в состав постоянных членов Совета безопасности ООН, поддержанные огромными финансовыми вливаниями в страны Тихоокеанского региона, пока безуспешны, несмотря на обещанную помощь Соединенных Штатов. В последние годы ситуация усугубилась: экономическое могущество Токио не просто поставлено под вопрос, но уже успешно оспаривается Пекином, который при этом продолжает упрекать Японию за военные преступления, стремясь указать ей место во втором эшелоне стран Азии. Не отстает и Сеул. Бывший премьер-министр Южной Кореи Ли Хэ Чхан так сформулировал позицию этих стран в отношении Японии: «Мы не просим у японского правительства денег. У нас их достаточно. Правительство Кореи хочет от Японии правды, искренности и стремления способствовать развитию здоровых отношений между двумя странами»³.

Подобная перегруппировка сил ставит под угрозу всю послевоенную японскую концепцию «мягкой силы» – основу «культурной дипломатии»⁴, на которую возлагались огромные надежды в послевоенный период. Около полувека Токио пытался успокоить соседей, озабоченных ростом его экономической мощи, сосредоточивая усилия на таких проблемах, как изменение климата или соблюдение прав человека. Япония стала главным, после США, спонсором ООН. Ее взнос в бюджет этой международной организации достигает почти 20%. Япония очень долго готова была платить везде и за все, воздерживаясь от упоминания о существовании у нее вооруженных сил и сглаживая воспоминание о себе как о глобальном кошельке с помощью разнообразных культурных инициатив. Но едва ли не все усилия оказались потрачены впустую.

³ Там же.

⁴ Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии. – Япония 2007. Ежегодник. М., 2007, с.116–130.

События трех последних лет показывают, что сегодня Токио вновь круто меняет курс своей внешней политики. Япония открыто признает существование у себя вооруженных сил. Она создает разведку, начинает активно участвовать в военных операциях с явным намерением в дальнейшем принимать участие в боевых действиях, одновременно прилагает усилия к тому, чтобы создать положительный образ Японии. Комплексы PR-мероприятий, предусмотренные новыми программами культурной дипломатии, довольно разнообразны, хотя некоторые из них уже шокировали мировое сообщество исключительно японским взглядом на проблему. Так, начавшаяся в 2007 г. кампания пропаганды истинно японской кухни во всем мире захлебнулась практически сразу. Мир так и не понял, почему он должен есть так, как едят японцы. Например, Лиссабон не требует, чтобы исконно японское блюдо *тэмпура* готовили по португальским рецептам, и Улан-Батор далек от мысли навязывания японской кухне исконно монгольских рецептов приготовления «Чингис-хана»⁵. Европейцы, китайцы и корейцы хотели бы получать от японской стороны не кулинарные рецепты и не бессмысленные угрозы ввести лицензирование японских ресторанов, а новые возможности для неформального общения, хотя больше всего этого должна хотеть сама Япония. В целом Токио и сам не против этого направления моделирования своего имиджа в мире, но, по всей вероятности, пока не может сделать выбор между уникальным и глобализационным путем своей самопрезентации в мире. Страстное желание хотя бы поучаствовать в процессе глобализации не на последних ролях, если нет возможности его возглавить, бросает Японию то на один участок глобализационного фронта, то на другой, каждый раз по-разному объясняя заинтересованным странам новый образ Японии и ее роль в мире.

Приоритетным направлением такого разъяснения в Азии по-прежнему является Китай, отношения с которым Токио надеется поднять до уровня «стратегического диалога», делая упор на экономическое сотрудничество и важную роль Японии как азиатской державы. Единственный камень преткновения на этом пути – плохой имидж Японии в Китае, образ страны-агрессора, ведущей, по мнению КНР, двуличную политику (с одной стороны, уверения в бесконечной дружбе, с другой – почитание военных преступников и стремление увеличить

⁵ Попытки ввести лицензирование японских ресторанов вне Японии продолжаются: в начале 2008 г. в Токио была учреждена Ассоциация зарубежных национальных ресторанов, ставшая перед собой задачу путем разъяснительной и лицензионной работы «внедрять правильное представление об особенностях японской кулинарии как важного элемента национальной культуры».

свой военно-политический вес. Здесь японцы вынуждены прикладывать большие усилия для разъяснения уникальности своей культуры, включая одиозный для материковой Азии синто. Прагматичные китайцы благосклонно принимают эти усилия, не забывая констатировать: «Паломничество японских руководителей в храм Ясукуни одновременно наносит ущерб имиджу Японии в мире и ведет к изоляции японской дипломатии в Азии»⁶. Каждый очередной поступательный виток «стратегического партнерства» Токио и Пекина неизбежно наталкивается на запланированное препятствие имиджевого характера, снова и снова заставляющее японцев унижительно кланяться, просить прощения за злодеяния прошлого и доказывать, что Япония – тоже азиатская держава, близко к сердцу принимающая проблемы и чаяния своих соседей на материке. Характерным примером таких взаимоотношений является обращение Токио к китайским властям в январе 2008 г. с просьбой хотя бы немного смягчить антияпонский тон экспозиции, посвященной очередной годовщине «нанкинской резни», чтобы окончательно не испортить имидж Японии.

Благодаря общей направленности внешней политики страны на союз с США и противостояние КНДР несколько лучше выглядит восприятие Японии в Республике Корея, и развитие экономических отношений обеих стран подстегивается этой общностью взглядов. Но и здесь устойчивый имидж страны-агрессора не дает японцам покоя: эксцессы, подобные акциям в пользу признания корейских женщин жертвами японского военного насилия, возникают снова и снова. Более того, катализированные в Китае процессы «пинания японцев» за преступления прошлого, находят отклик среди корейцев во всех странах. Так все в том же январе 2008 г. корейцы, проживающие в России, потребовали от Токио извинений и предоставления компенсаций за то, что около 15 тыс. их предков были насильно вывезены в 30-е годы прошлого века на Южный Сахалин для принудительных работ и оказания сексуальных услуг.

Интересно, что пути решения имиджевой проблемы, особенно острой в отношениях с Китаем, Япония также наиболее успешно апробирует на своем ближайшем соседе – Южной Корее. Именно отсюда началась экспансия современной японской массовой культуры в мир. Здесь Япония на практике проверяет возможность поглощения своих новых культурных продуктов неазиатцами с тем, чтобы в дальнейшем предложить их всему миру. Ярчайший пример – пропаганда *манга* и *аниме* – сугубо японских видов комиксов и мультипликации. Успешно завоевав корейский рынок и инициировав на нем мощную волну под-

⁶ Жэньминь жибао. 29.01.2007.

ражания путем продажи лицензий и обучения мастеров⁷, Токио начинает продвижение этих продуктов из Сеула дальше на запад. Задача только одна, и она сформулирована руководителем основного имиджевого инструмента Японии – президентом Японского фонда Огура Кадзуо: «Не извлечение каких-то специфических выгод или интересов, а улучшение национального имиджа страны!»⁸ Официальное отрицание экономической составляющей, до сих пор никогда не звучавшее из уст японских чиновников крайне важно: страна уже оказалась в положении, когда важнейшим из направлений ее внешней политики стало создание своего позитивного имиджа.

Но если с Китаем, Кореей, другими азиатскими странами, пострадавшими от Японии в годы второй мировой войны и теперь требующих психологических контрибуций – особо бережного отношения к себе со стороны бывшего агрессора, положение более-менее ясно, то в аналогичном аспекте отношений с Европой и США все оказалось несколько более запутанным. Во второй половине XIX в., на первом этапе установления культурных отношений с этими регионами Япония еще позиционировала себя как уникальную азиатскую страну⁹. Однако уже к началу XX в. японцы страстно захотели это положение изменить. Оставив в силе данную концепцию лишь для азиатских стран, где с ее помощью японские имиджмейкеры объясняли причины и свою роль в войне с Россией, они предпочитали преподносить себя остальному миру как «азиатских европейцев»¹⁰. Лозунгом тех времен стало высказывание одного из японских «пиарщиков»: «Под нашей желтой кожей бьется белое сердце!». Сегодня, по прошествии более чем ста лет с начала имиджевой операции «Белое сердце» можно констатировать, что кое-каких успехов на этом пути японцам достичь удалось, но по сравнению с затраченными усилиями результаты крайне малы, чтобы не сказать ничтожны. Даже сам этот лозунг оказался подвержен критическому взгляду европейцев и американцев. Он превратился в отчасти скептическое, отчасти насмешливое выражение «Японцы как бананы – желтые снаружи, белые внутри», применимое лишь к тем поколениям японцев, которые родились в странах Америки или Европы, т. е. к гражданам этих стран японского или полуяпонского (смешаного) происхождения. «Натуральные», если так можно выразиться, японцы по-прежнему остаются «коварными азиатами»

⁷ Абсолютно таким же образом Япония способствовала развитию корейской электронной промышленности. С этой точки зрения *аниме* и СВЧ-печь – близнецы-братья.

⁸ Sharing Japan's Cultural Products as «International Assets». – Japan Echo. Vol.31, 2004, №6, December, p.27.

⁹ Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны, М. 2007, с. 22–35.

¹⁰ Там же, с. 67–96.

для американцев, «экономическими животными», в лучшем случае «инопланетянами» – для европейцев.

При этом американские японцы в отличие от американских китайцев не являются в массе своей хранителями национальной культуры, японского духа, носителями японского языка. Они быстро ассимилируются на Западе. Заметно их стремление сделать это как можно быстрее, чтобы не отличаться от остальных американцев, не акцентируя внимания на своем происхождении и национальных особенностях своей бывшей родины. Это стремление побыстрее избавиться от собственной уникальности вполне объяснимо и интернациональными настроениями страны переселенцев и непростой историей самих японцев в Америке, особенно в США, где им приходилось жить в японских гетто, подвергаться действию различных дискриминационных законов, а в период второй мировой войны стать олицетворением «образа врага на своей территории». В то же время это стремление не идет на пользу имиджу японцев, выставляя их в несколько униженном виде.

Наследием же войны, комплексом победителя, к тому же победителя белого – сильного, крупного, технически развитого и политически совершенного (американская демократия покончила с тоталитарным милитаристским режимом) можно объяснить и нынешнее пренебрежительное отношение американцев к японцам. Послевоенная история сотрудничества также не способствовала созданию в США того имиджа Японии, который бы последнюю устраивал. В самом деле, сначала США помогли экономическому возрождению этой страны, затем взяли ее под свою политическую и военную опеку, а она, нарастив в это время индустриальные мускулы, дождалась момента мирового экономического кризиса и внезапно ударила своими дешевыми тогда еще автомобилями и электроникой по своему же покровителю. Сегодня Токио, выступая важнейшим союзником и младшим партнером Вашингтона на Дальнем Востоке, проводит странную, по мнению западных стран, политику наращивания экономического веса, нежелания участвовать в военных конфликтах, стараясь откупиться от них экономической помощью, и одновременно не оставляет попыток превратиться в полноценную политическую державу, заняв постоянное место в Совете Безопасности ООН.

Десятилетиями острое культурной дипломатии Японии было направлено на создание положительного имиджа в США и Западной Европе в области культуры. Результатом этого стало лишь сдержанно-нейтральное отношение к Японии как к стране и откровенно унижительное – к самим японцам. Учитывая, что именно кино и телевидение являются сегодня основными инструментами моделирования политического имиджа, становится понятно, почему у японских политиков,

политологов и имиджмейкеров все большую озабоченность вызывает то, как они выглядят в глазах не только своих соседей, но и важнейших партнеров в области мировой политики. Образ японца в современном западном мире сформирован не Японским фондом, а Голливудом и французским кино. Это образ малорослого, богатого азиата, беспрестанно щелкающего затвором фотоаппарата, хихикающего по любому поводу и обладающего сомнительными сексуальными наклонностями. Даже японские политики высокого ранга («министр обороны») во французском фильме «Такси-2» или «японские премьеры» в американских блокбастерах) обладают все тем же комедийным набором качеств, выводящих зрителя на уровень ассоциаций «японец-клоун».

Фильмы о самураях и боевых искусствах ничего принципиального нового в этот образ не внесли, так как действующие там японцы четко делятся на две категории. Это – старые наставники (они же главари якудза, бизнесмены и т. д.) – мудрые, но тщедушные и, как правило, погибающие в ходе фильма, или молодые японцы (обычно самураи или гангстеры), несущие стереотипные черты героев, вырванных из жизненного контекста. В западной массовой культуре японец может стать лишь героем эпизодическим или второго плана. Такой редкий пример наделения японца всеми возможными положительными с точки зрения американца качествами, как герой Ватанабэ Кэна в фильме «Последний самурай», все равно соответствует указанным критериям. Даже внешне глава самурайского клана, прототипом которого стал коренастый и толстенький Сайго Такамори, разительно отличается от остальных японцев в этом фильме. Он обладает вполне американской атлетической фигурой, свободно говорит по-английски (как, впрочем, и кинематографический император Мэйдзи, которого больше всего интересуют подробности войн с индейцами) и вообще выглядит вполне благообразным – почти американским – другом для главного героя, которого играет Том Круз. Строго говоря, само название фильма «Последний самурай» не дает возможности западному зрителю четко понять, к кому оно относится. То ли это действительно японский самурай, то ли это герой-американец, который за несколько месяцев познает боевые японские искусства, постигает японскую философию и психологию, овладевает японским языком, незаметно опровергая тем самым привычный тезис о недоступности для европейского ума этих дисциплин.

Необходимо заметить, что при обсуждении проблемы своего негативного образа японцы уже не могут вырваться из порочного круга внутренней подчиненности настроениям «большого брата». Это объясняется и полной политической зависимостью Японии от США и неизбежностью следования законам политической имиджологии, в соот-

ветствии с которыми моделирование имиджа государства не может быть однонаправленным при наличии ранее сформированных установок и ожиданий общества. Будучи продуктом коммуникации, политический имидж определяется не только носителем политического образа, в данном случае Японии, но и его реципиентами, которыми в настоящих обстоятельствах выступают западные страны. Он становится результатом интересубъективного взаимодействия, совпадения на уровне массового сознания ожиданий аудитории и самопрезентации субъекта политического имиджа¹¹.

Проще говоря, Япония уже не может построить свой новый образ «с чистого листа», так как в Европе и Америке существует ее старый имидж и вполне определенные ожидания в отношении образа Японии. К тому же для стран с развитыми демократическими системами характерно ожидание совпадения в базовых ценностях с теми государствами, которые пытаются позиционировать себя как «равные среди равных». К таким базовым ценностям относятся: свобода, подразумевающая индивидуализм и отсутствие внешнего принуждения; равенство, включая высокую общественную терпимость; большое значение религии; высокий общественный вес частной собственности, включая категории работы как личной ценности. Несложно заметить, что Япония (как, кстати говоря, и Россия) относится к числу стран, лишь частично разделяющих эти базовые ценности, а потому не может сегодня восприниматься Западом как равная среди равных, даже если ей самой очень этого хочется.

Отсюда и проистекают странные, на первый взгляд, тенденции в формировании японскими специалистами имиджа своей страны на Западе. Вынужденная искать компромисс между собственными глобализационными идеями, чаяниями Запада и реалиями Востока японская политическая мысль находит выход в создании максимально обезличенного и неамбициозного варианта – нового имиджа не Японии, но Японца, точнее говоря, в образе «Классного японца» – Cool Japanese, т. е. того варианта, который в соответствии с требованиями глобализации и изложенными выше условиями восприятия устроил бы всех и сразу¹².

Необходимо заметить, что поиски этого выхода были долгими и мучительными. Они стали примером уникального процесса трансформации национальной идеи в стратегию имиджмейкинга¹³. Они ос-

¹¹ Политическая имиджология. М., 2006, с. 178–190.

¹² Toward Successful Cultural Diplomacy. – Japan Echo. Vol.32, 2005, №6, December, p.31–35.

¹³ Подробнее об этом см. главу первую в настоящем издании.

новывались не только на констатации необходимости изменить современное восприятие Японии в мире. В стране изучали возможности сохранения японской национальной уникальности и, как обязательное условие, *idea fix* всей японской дипломатии – распространение и пропаганду этой идентичности во всем мире. Этим объясняется и весьма запутанное сочетание основных направлений развития японской культурной дипломатии – законодательно закрепленной политики государства в области создания имиджа Японии за рубежом с помощью государственных и негосударственных институтов. Один из таких институтов – Совет по содействию культурной дипломатии, руководимый профессором Аоки Тамоцу и тесно сотрудничающий с МИДом Японии и Японским фондом – формулирует эти направления следующим образом.

1. Популяризация *анимэ* как отправной точки для понимания японской культуры.

2. Концепция творческого обмена, приема иностранных деятелей искусств в Японии (не снабженная подробными разъяснениями эта концепция крайне расплывчата и непонятна. – *А.К.*)

3. Отношение к миру с позиции гармонии (*ва*) и сосуществования (*кёсэй*) (заявлена как «особенно важная и безотлагательная», но так же, как и предыдущая, не разъяснена детально. – *А.К.*)

В «Целях японской культурной дипломатии» тот же совет сформулировал более подробные «Три основных принципа деятельности по развитию культурной дипломатии».

1. Создание образа «Классного японца» через кросскультурные коммуникации:

а) помощь в расширении процесса изучения японского языка за рубежом;

б) содействие в популяризации японской массовой и бытовой культуры, включая культуру еды и моду;

в) использование дипломатических миссий для популяризации японской культуры;

г) совершенствование процесса взаимодействия правительственных, неправительственных органов и СМИ в распространении информации о Японии;

д) использование официальных международных правительственных программ для активного представления за рубежом японской кухни и культуры.

2. Восприятие других культур для развития собственного культурного потенциала:

а) использование опыта США и Великобритании для увеличения числа иностранных студентов в Японии;

б) привлечение к процессу культурных обменов иностранных художников и спортсменов;

в) развитие индивидуальных обменов;

г) интенсификация интеллектуальных и академических обменов.

3. Содействие культурному обмену:

а) развитие диалога между японской и другими цивилизациями;

б) предложение Японией фундаментальных принципов международного сотрудничества;

в) развитие спортивных обменов и обменов в области японских воинских искусств¹⁴.

Пожалуй, любому здравомыслящему человеку, ознакомившемуся с изложенными выше принципами, станет понятно, что Япония оказалась сегодня в весьма запутанном и щекотливом положении. Стремясь всеми силами не только включиться в процесс глобализации, но и возглавить его, она упирается в проблему создания нового глобализационного имиджа, учитывающего региональные различия в отношении к Японии и негативное наследие прошлого. Даже вполне мирный стержневой образ современной Японии, основанный на ее экономической мощи выступает в процессе моделирования ее имиджа не союзником, а противником.

Политическая зависимость от США и устойчивые стереотипы восприятия в Америке и Европе не дают возможности создания в корне нового образа, способного удовлетворить растущие политические амбиции. Вызванные этим противоречия пока что сводят суть моделирования принципиально нового имиджа к причудливому сочетанию расплывчатых формулировок, которые намекают на уникальность Японии, с попытками сделать образ японца более привлекательным. Стремясь преодолеть внутренние проблемы, связанные с завышенной индустриализацией массового сознания, Япония пытается найти пути интенсификации интеллектуальных и культурных обменов, но в то же время для простоты понимания своего образа предлагает «на вынос» все менее интеллектуальные модели восприятия.

Возможно, как это бывало уже не раз, Япония справится с поставленной задачей и найдет удовлетворяющее всех решение. Однако пока этого не произошло, для нас особенно интересно посмотреть на то, как сегодня ведет себя Япония в отношении создания своего нового имиджа в России.

Как известно, Россия и Япония – две страны, отношения между которыми в силу географических, исторических, культурных и полити-

¹⁴ Toward Successful Cultural Diplomacy. – Japan Echo. Vol.32, 2005, №6, December. p. 35–42.

ческих причин характеризуются неизбежностью установления устойчивого и позитивного взаимодействия для дальнейшего мирового развития, и чрезвычайно высоким уровнем нерешенных проблем в достижении этой цели. История развития российско-японских отношений омрачена многочисленными военными конфликтами, в большинстве которых видимая победа оставалась за Россией, но при этом почти всегда мировое общественное мнение оказывалось на стороне Японии. При этом решение остающихся межгосударственных проблем, прежде всего территориальной, в немалой степени исключено также из-за негативно настроенного по отношению к России общественного мнения.

Одновременно в самой России Японии удалось добиться небывалого успеха в создании позитивного имиджа своей страны исключительно малыми средствами. В результате почти трехсотлетних имиджевых войн между Россией и Японией оказалось, что мы обладаем наибольшей площадью территории, на которую когда-либо претендовала Страна солнечного корня, но при этом вся наша повседневная жизнь проникнута Японией до самых корней. Мы покупаем телевизоры японского производства, ездим на японских автомобилях в японские рестораны, читаем японскую литературу, интересуемся японской модой, наши дети смотрят японские мультфильмы. Даже некогда популярное пиво «Клинское. Самурай» разливали на пивном заводе, расположенном на улице Героев Хасана. Этот феномен, получивший название «японский бум», безусловно, достоин хотя бы краткого рассмотрения.

Словари трактуют это понятие как «шумиха, сенсация, ажиотаж вокруг какого-то события или явления». Понятно, что при такой трактовке бум не может быть долгим, и это важно. Что же касается научного инструментария, с помощью которого можно охарактеризовать и оценить увлечение россиян Японией, то, отсутствовавший еще три-четыре года назад, сегодня он практически полностью разработан. Исследования на данную тему проводятся социологическими центрами и отдельными учеными регулярно, и даже эта регулярность может помочь разобраться во всплесках и спадах того самого бума.

Начать, вероятно, следует с четкого понимания того, что представляет собой имидж Японии в России. Имидж – это целенаправленно формируемый в массовом сознании эмоционально окрашенный образ, имеющий характер стереотипа. Важно заметить, что само это определение раскрывает отличие имиджа от образа, разница между которыми до сих пор разъяснялась довольно длинно и путано. Оно указывает на важную особенность имиджа – наличие стереотипов – простых и устойчивых в массовом сознании шаблонов, легко возникающих и четко

ассоциируемых с теми или иными понятиями. В нашем случае это – японец – самурай или бизнесмен; японка – гейша или автомобиль с правым рулем, Япония – Страна восходящего солнца или Страна экономического чуда и т. д.

Для специалистов не является откровением и то, что популярность Японии в России, рост позитивной составляющей ее имиджа – дело минувших лет, завершившееся в 2003–2004 гг. Фестивалем японской культуры в Российской Федерации. Именно в тот период (1999–2004 гг.) и наблюдался у нас тот самый «японский бум», т. е. сенсационная шумиха, шумиха вокруг популярности японской культуры. Однако, как мы знаем, бум не может быть долгим, многолетним и, по нашему убеждению, он благополучно закончился не только в Москве, но и в регионах России, которые он застиг чуть позже, чем столицу. Чтобы убедиться в этом стоит внимательно оглядеться вокруг и обратиться к несложному анализу.

Существующий сегодня в нашей стране имидж Японии характеризуется набором большого числа многослойных и противоречивых компонентов и формируется одновременно, как извне – страной-модератором, так и изнутри – народом-потребителем.

Внешняя составляющая имиджа Японии в России в общем и целом характеризуется сегодня вполне позитивно. Можно сказать, что современный образ Японии экзогенного происхождения достаточно прост и понятен. Он имеет различные проявления и устойчивые символы – стереотипы, и «готов к потреблению» самыми разными слоями российского населения. В целом, этот идеализированный внешний компонент имиджа Японии практически полностью заменил в сознании широких масс россиян реальные знания об этой стране, что можно считать несомненным успехом японской культурной дипломатии.

В то же время имидж Японии в России довольно сильно стратифицирован в зависимости от географического и социального положения исследуемых аудиторий, их статуса в разрезе «город-деревня», а также возрастного ценза. Эту особенность практически не учитывают при оценке размаха и «заряженности» японского бума ни в Москве, ни в Токио. По крайней мере нам об этом неизвестно. Характерно, что последний раз подробное социологическое исследование, раскрывающее субъективные характеристики отношения россиян к Японии с учетом указанной стратификации проводилось в 2001 г. – как раз тогда, когда и поднимался тот самый бум. С тех пор, заказчиков подобных масштабных исследований не находилось. Ни Россия, ни Япония не считали необходимым заниматься этим вопросом, что само по себе говорит о сомнительности его «сенсационности». Зато была проведена масса менее широких, но значительно более глубоких и детальных

исследований различных компонентов и источников имиджа Японии в России¹⁵.

С некоторыми поправками даже данные исследования шестилетней давности вполне приемлемы и сегодня: наиболее позитивен образ Японии среди жителей больших городов европейской части России моложе 40 лет, имеющих, как минимум, среднее образование, относительно высокий уровень доходов. С учетом данного и дальнейших исследований можно сказать, что по-прежнему наименьшие симпатии к Японии испытывают жители Дальнего Востока (около 60% из них не готовы относиться с дружескими чувствами к ближайшему соседу), а также горожане старше 40 лет с невысоким уровнем доходов. Значительной части населения (около 30% россиян, большинство из которых – сельские жители центральной и западной России) Япония попросту безразлична (этот фактор, судя по всему, не учитывается совсем). При этом всем категориям населения свойственна потенциальная готовность к изменению существующего имиджа Японии (вплоть до полярной смены знака) в зависимости от смещения акцентов в формировании взглядов на эту страну на внутригосударственном уровне¹⁶.

Современность также дает любопытный материал для наблюдения за изменением политической «заряженности» респондентов. Так, если в 2001 г. большинство любителей Японии были сторонниками политики президента Путина, то теперь они никак не могут назвать себя японофилами. Их отношение к Японии изменилось автоматически – с изменением внешней политики, самоощущения России на мировой арене и, главное, с ростом уровня жизни. Мифологизация начинает уступать место более холодному, трезвому и расчетливому подходу. Существенно более жесткая позиция РФ в вопросе о мирном договоре перевела приверженцев Путина из стана япономанов в лагерь великодержавников, оставив в их любви к Японии лишь гастрономические воспоминания.

По данным ВЦИОМ за август 2007 г., с дружеским чувством Японии вспоминали лишь 38% населения России. Это разительно отличается от данных 2001 г., когда Японию любили около 70% россиян. Совершенно очевидно, что для все большей части населения нашей страны «вопрос о дальневосточном соседе» вообще становится откры-

¹⁵ Один из лучших примеров – это статья Михайловой Ю. Д. Представления россиян о Японии и российско-японских отношениях по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге и Владивостоке. – Япония 2007. Ежегодник, с. 171–187.

¹⁶ Исторический анализ такой изменчивости см.: Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны.

венно маргинальным – Россия остывает к Японии, начиная воспринимать ее как обычную, «нормальную» страну.

Здесь необходимо отметить, что в силу исторических обстоятельств и особенностей российского менталитета, на приватном, можно даже сказать, на подсознательном уровне более ста лет существует иной – значительно менее положительный образ Японии. Он имеет эндогенное происхождение, сформирован в результате длительной военной конфронтации, отражает общеевропейское расовое неприятие «желтых» «белыми», усиленное растущим великодержавным, православным российским национализмом, и, потенциально, может иметь религиозную подпитку. В случае необходимости все эти установки могут легко «оживляться» модераторами и использоваться в «военно-имиджевых» интересах.

Таким образом, в России сегодня одновременно существуют два образа Японии, впервые возникшие более ста лет назад: «Живописная Япония» и «Желтая опасность». Они оба являются первичными и стержневыми, что отличает имидж Японии в нашей стране от других подобных схем, имеющих чаще всего упрощенное строение с одним стержневым образом. Однако этим дело не ограничивается: в соответствии с общим вектором развития Японии во второй половине XX в. существует и, по мере развития торгово-экономических отношений, усиливается еще один ее стержневой имидж – экономический (или брендовый): «Made in Japan». Он имеет глобальный характер и в случае с Россией не обладает адаптивными для государства-реципиента характеристиками, что может иметь как позитивные, так и негативные последствия для его развития.

В силу амбивалентности восприятия массовым сознанием стержневых образов Японии популярность этой страны обусловлена характерным для российской ментальности поиском идеального сочетания высокого уровня жизни и утраченной духовности и при необходимости может легко контролироваться властью. Российской особенностью является то, что ключевыми словами этой популярности являются «экзотичность» и «уникальность», а не «глобальность», «интернационализация» – фактор, как минимум, недооцененный в среде японских имиджмейкеров.

Кроме того, среди источников формирования современного имиджа Японии в России до сих пор важнейшую роль играет так называемая третья сила – косвенная имиджеформирующая информация об этой стране, получаемая в адаптированном виде от третьих стран. С учетом этого источники некоторых наиболее ярких внешних проявлений сегодняшней популярности Японии в России можно легко идентифицировать на основе популярных примеров следующим образом:

Внешнее проявление японского бума	Основной источник формирования
Японская кухня	Западная Европа и США («суши» и калифорнийские роллы с огурцом)
Японская литература	Моделирующие усилия японских имиджмейкеров и кросскультурных коммуникаторов двух сторон
Боевые искусства	Самоиндуктивная потребность россиян к обладанию «тайным знанием», делающим жизнь безопаснее и возвышающим духовно (дзэн-буддизм)

Таким образом, существующий сегодня образ Японии в России имеет все признаки перспективного имидж-продукта и высокий потенциал для развития. Однако имеется и ряд сложностей, способных резко изменить структуру имиджа Японии и его эмоциональную окраску.

В политическом плане к ним относится реальная опасность ухудшения имиджа Японии, связанная с неадекватной оценкой некоторыми политическими силами приоритетов России в мире и в Азиатско-тихоокеанском регионе, а также с ростом национализма, великодержавного шовинизма и ксенофобии. Вызов на поверхность сохраняющихся на уровне подсознания стереотипов негативного образа Японии – «Желтой опасности» способен быстро нейтрализовать имеющиеся положительные моменты в создании положительного образа этой страны. В случае необходимости элементы имиджа, сформированные под влиянием косвенных имиджеобразующих факторов, также легко могут изменить эмоциональную окраску или быть ассимилированы в соответствии с русской ментальностью. В случае с японскими ресторанами частные примеры такого рода уже известны: существуют сети заведений с оскорбительными для японцев названиями «Япона мама» и «Япошка». Однако, помимо этих – внутренних факторов, есть и внешние.

Сложные политические отношения между Россией и Японией и всплеск экономического сотрудничества привели к тому, что основное внимание японских имиджмейкеров переключилось сегодня на формирование в нашей стране вторичного стержневого образа – «Японского бренда». Некоторые события последних месяцев свидетельствуют о том, что в России также начинается – с многолетним опозданием – осуществление «наказов» Совета по содействию культурной дипломатии, речь о которых шла в первой части статьи. Однако особенности развития имиджа Японии в нашей стране японскими пиарщиками в расчет не принимаются. Представления о ней порой характеризуются

сведениями 10–15-летней давности, маргинальностью положения России среди внешнеполитических интересов Японии, ошибочным субъективным имиджем Японии в России, существующим в Токио, неспособностью, нежеланием или невозможностью внимательно относиться к российскому рынку PR. Радость постоянно контролируемого японским минфином МИДа от наличия многочисленных бесплатных и платных сторонников – русских японофилов – мешает некоторым японским дипломатам заметить, что такое положение не может оставаться вечным. Удобно рапортовать, что в России все хорошо, несмотря на полное пренебрежение этой страной и финансирование в духе дзэнского аскетизма – на издание двух журналов и нескольких книг, но что дальше?

Важнейший фактор возникновения популярности Японии в России – «уникальность и экзотичность» – игнорируется в соответствии с глобальной политикой японской культурной дипломатии. Безусловно, по мере открытия в России японских заводов, по мере включения все большего числа россиян в общеевропейскую, общемировую жизнь (хотя бы путем туризма) Япония будет становиться все привычнее, и интерес к ней будет остывать до общемирового градуса. Это – объективный процесс. Но, пытаясь поднять планку своего имиджа в мире, не обращая внимания на Россию, японцы неизбежно окажутся в ситуации неумелого жонглера, пытающегося ловить падающие кегли и подбрасывать только что поднятые. Подобные примеры уже есть. Одна из важных программ японского правительства – «Ёкосо Джапан» («Добро пожаловать в Японию!») – направлена на развитие туризма. Однако, если в том же 2001 г. Японию мечтали посетить около 11% респондентов, то сегодня такое желание испытывают лишь 4% россиян (для сравнения – самая вожаделенная страна – Франция – набирает 19%). Иногда даже складывается впечатление, что японцам не просто безразлично – увеличится поток российских туристов или нет, но, скорее, даже хотелось бы, чтобы он уменьшился. С эмоциональной точки зрения их вполне можно понять, но на пользу ли такое отношение ее имиджу с точки зрения политики?

На первый взгляд, кажется, что «японский бум» в нашей стране развивается, будучи неподконтрольным ни российским властям, ни японским пиарщикам и вообще никому. Но это лишь иллюзия. Исторический опыт и анализ современной политической ситуации в стране показывает, что восприятие россиянами японцев, наоборот, слишком неподконтрольно власти, политизировано, социальная пропасть между нашими странами слишком велика, а настроенная с обеих сторон слишком напряжены, чтобы это восприятие могло долго оставаться нейтральным. В результате можно прогнозировать только дальнейшее

падение имиджа Японии в России до «общемирового уровня» и даже ниже.

При этом, если в европейской части России японский бум, нахлынув, отступает по более-менее естественным причинам, то в Сибири его власть оказалась и вовсе кратковременной. Популярность Японии не в состоянии соперничать с популярностью мощного, поднимающегося и заинтересованного в создании своего позитивного имиджа Китая. Несколько в меньшей степени это характерно и для российского Дальнего Востока и без того, впрочем, достаточно прохладно относящегося к Японии. Если в частности создавшуюся ситуацию можно проиллюстрировать примером соотношения изучающих японский и китайский языки в сибирских университетах – 1 : 6 (в Москве 6 : 15, хотя в 2004 г., в период настоящего «японского бума» было 15 : 6), то на более глобальном уровне перспективы японского бума столь же не блестящи. Все те же опросы ВЦИОМ свидетельствуют: в то, что в ближайшие 10–15 лет Япония станет дружественным нам государством, верят лишь 7% россиян; в дружбу с Китаем верят втрое больше – 21%. При этом речь не идет о том, какое из этих государств «нам больший друг». Речь идет только об их перспективном имидже. Япония здесь явно проигрывает, и никаких признаков того, что она намерена взять реванш, нет.

Сегодня создается впечатление, что Япония пока не только не знает, на какое место в «Парке мира» определить ближайшего соседа – Россию, но и где, собственно, находится она сама – страна, пытающаяся уйти из Азии, сохранив гармонию и сосуществование (*Ва* и *Кёсэй*).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЯПОНИЯ УТОЧНЯЕТ СВОЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОСТОК ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЗАПАДОМ

Поразившая многих китайская пара фигуристов, выступавшая в марте 2008 г. на чемпионате мира по фигурному катанию в Гётеборге под музыкальную тему «Хава нагила», дала точечный, но весьма симптоматичный пример действенности глобализационных процессов, которые накладывают отпечаток парадоксальности на взаимодействие цивилизаций. Японка в парном катании выступала за Россию в смешанной паре. Однако японские примеры «гибридизации» уже никого не удивляют, а кажутся естественными.

Столкновение (как уже модно становится говорить у наших политологов, «клэш»¹) цивилизаций с легкой руки гарвардского профессора С. Хантингтона стало одной из ведущих тем политологического дискурса. «Клэш» нельзя отменить – мы были и остаемся в обозримом будущем очень разными и потому будем конфликтовать... Бессмысленно оспаривать тезис о том, что цивилизационная поляризация окончательно стала одной из доминирующих тенденций развития, – утверждает член научного совета Московского центра Карнеги А. Малашенко. – И по мере усиления глобализации она будет не только не затухать. Но даже нарастать». Мы не можем согласиться ни с доктором исторических наук Малашенко, ни со своим учителем Хантингтоном, с которым нам приходилось неоднократно вступать в публичную полемику по этой тематике². По нашему мнению, гораздо продуктивнее говорить о взаимодействии, диалоге цивилизаций, а их столкновение рассматривать как «негативный экстернализм», некую девиацию, по-

¹ Малашенко А. И все-таки они сталкиваются. – Московский центр Карнеги. Брифинг. Том 9, вып. 4, ноябрь 2007.

² См.: S.Chugrov vs S.Huntington. – Harvard Crimson. 21.04.1994.

бочный продукт скороспелой глобализации. А если мы хотим запрограммировать «клэш», то мы его непременно получим. Видимо, действуют разнонаправленные векторы, и гипертрофированное действие одного из них можно спровоцировать конкретным политическим курсом.

Примером достаточно гармоничного межцивилизационного общения можно считать нынешнее состояние отношений Японии с Соединенными Штатами, равно как и стремление гармонизировать взаимодействие со всеми окружающими странами.

Двойственность процесса самоидентификации японцев, принадлежащих как Западу, так и Востоку, заставляет их задуматься о своей идентичности и уточнять ее. В различные периоды своей истории японцы не один раз оказывались перед необходимостью приблизиться к современности и в связи с этим уточнять особенности своей самоидентификации³. И каждый раз это происходило в периоды интернационализации, которые сопровождались интервенцией «чужих» ценностных систем и их давлением на традиционные нормативные системы японцев, побуждая их определять, кто «Мы», а кто – «Они». Каждая из трех интернационализаций Японии (в эпоху Мэйдзи, в период оккупации и сегодня под влиянием глобализации) сопровождалась мощной информационно-ценностной волной. И все же в массовом сознании японцев сохранились базовые смысложизненные скрепы, имеющие глубокие социокультурные и архетипные основы, которые в совокупности формируют идеальный тип японца, обладающего автономностью мышления, незаурядными адаптационными способностями к культурным интервенциям и поворотам судьбы, сохраняя при этом преимущественно «неэкономический» характер социального взаимодействия.

Сами японцы много пишут по проблеме своей идентичности, и слово «айдентити» прочно вошло в японский язык. Однако, как говорит японская пословица, «у подножия маяка темно» (*дайто мото кураси*), т. е. истинное положение видно издалека, а самооценка порой чревата самообманом.

Идентичность в контексте данной главы выступает в двух ипостасях. Во-первых, идентичность является суммой воззрений, на базе которых то или иное государство «воображается», используя определение, предложенное американским политологом из Корнельского университета Б.Андерсона. Во-вторых, – это сумма представлений той или иной группы о своем месте в мире, прежде всего на основе соотнесе-

³ См.: Молодяков В. Три интернационализации Японии. – Япония и глобальные проблемы современности. М., 1998.

ния со «значимыми другими» (constituent others) в рамках оппозиции «мы/они»⁴. Другими словами, «идентичность есть онтологическое убеждение (личности, группы, социосистемы), проявленное в процессе взаимодействия с некоторой “инаковостью”»⁵. Идентичность относится к тому классу явлений, которые связаны с частью глубинного коллективного самосознания и самоощущения членов общества, включающей в себя свойственное им коллективное бессознательное. Она основана на долгоживущих, устойчивых шаблонах отношения к иным социокультурным и национально-этническим группам, к окружающему миру в целом.

Глобализация сдвигает акцент с политической идентичности национального государства к неким межгосударственным и внетерриториальным формам идентичности.

В смысле институционального социально-политического устройства Япония не слишком разительно отличается от западных стран и вполне может считаться западной страной. Однако совершенно очевидно, что она относится несколько более болезненно к своей идентичности в силу упомянутых выше исторических причин. Даже если не преувеличивать признанную специфику японских традиций, Япония несколько противопоставлена Европе, основному источнику теоретических идей модерна, постмодерна и универсализма. В социально-политическом смысле она близка, но в известном смысле противопоставлена и Соединенным Штатам, откуда заимствованы главные принципы современной организации общества. Что же касается заимствования западных моделей мышления и поведения, ряд японских исследователей с тревогой подчеркивает наметившийся переход Японии с этических принципов на прагматические принципы взаимоотношений с внешним миром. Часто можно встретиться с суждениями на распад и упадок японской цивилизации, суждениями о том, что в той Японии, где национальную идентичность намереваются отождествлять с западной, процесс распространения эгоизма и нигилизма уже невозможно остановить⁶. Между тем, как отмечает политолог Ё. Накамото, несмотря

⁴ См.: Тимофеев И. Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии. – «Международные процессы». Т. 5, 2007, №1, январь-апрель, с.83.

⁵ Перслегин С., Перслегина Е., Боровиков С. Социальная термодинамика и проблема идентичностей. Тезисы к докладу (март 2002 г.). – Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований. Материалы Второй научной конференции Санкт-Петербургского союза ученых 10–12 апреля 2002 г. Санкт-Петербург, 2002.

⁶ См.: Ватанабэ Р. Нихондзин-но айдэнтити. Нихон бунка-но кодзо то Нихон буммэй-но суйтай (Идентичность японцев. Структура японской культуры и упадок японской цивилизации). Токио, 2002, с. 42.

на заимствование многих западных ценностей, в системе ориентиров японской дипломатии по-прежнему присутствует склонность оперировать этическими нормами в международных отношениях⁷.

Социокультурный и исторический «значимый другой» – Китай, с которым всегда существовало взаимное притяжение, но в отдельные времена доминировало противостояние, имевшее целью закрепить автономный статус японского языка, религиозных принципов и социальных отношений.

Судя по многочисленным опросам общественного мнения, среди стран, которые представляют собой «зеркало» для Японии, наиболее видное место занимают Соединенные Штаты, затем следуют азиатские соседи, прежде всего Китай, Россия и Корея, потом Европа и, наконец, остальные регионы мира. Такого рода иерархия в течение всего послевоенного периода оставалась довольно устойчивой.

Однако глобализация несет с собой некое смещение былых иерархических структур: весь мир становится психологически близким. На переосмысление японской идентичности оказывает влияние «слоистая» структура нескольких геополитических конфигураций Азиатско-тихоокеанского региона. Во-первых, – это военно-политический союз с США. Во-вторых, – это соперничество США, России и Китая в регионе. В-третьих, – это «четырёхугольник» интеграционных устремлений старых и новых экономических лидеров – Японии, США, НИС–АСЕАН, а также Китая⁸. Уже по причине весьма существенных различий в самоидентификациях и социально-политических целях стран, входящих в эти геополитические фигуры, японская картина мира испытывает разновекторное давление. Некоторые авторы говорят и о том, что присутствует некая «японская скрытая ксенофобия в межкультурных контактах»⁹. В целом, в различной степени японцы не доверяют всем своим соседям.

На основе анализа множества источников и литературы можно сделать вывод, что Япония готова удовлетвориться ролью регионального лидера. Но и на этом пути предстоит преодолеть определенные трудности, учитывая, прежде всего, страх государств региона перед японской гегемонией.

⁷ См.: *Накамото Ёсимото*. Кокусай ринри-о катарубэки дзидай (Эпоха, в которую надо говорить о международной этике). – Гайко форуму. 2001, № 1 (150), с. 54–59.

⁸ Несколько иная конфигурация анализируется в книге: *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., 1997, с. 302.

⁹ *Ishi Satoshi*. The Japanese Welcome-Nonwelcome Ambivalence Syndrome toward *Marebito/Ijin/Gaijin* Strangers: Its Implications for International Communication Research. – *Nichibunken Japan Review*. 2001, N 13, p. 165.

В этом контексте Япония, например, может структурно рассматриваться как часть военно-политического союза с США (условно – Запада) или, скажем, члена Азиатско-тихоокеанского экономического сообщества (условно – Востока) и т. п. Другими словами, увеличивается множественность идентичностей, нарастают уровни «идентификационной матрешки» (например, житель Токио – японец – кто еще?). Известный исследователь, работающий в США, Ц. Акаха считает, что у Японии есть три идентичности, основанных на национализме, регионализме и глобализме¹⁰.

Большинство японцев, естественно, ассоциируют себя с культурно-цивилизационной общностью. Такой способ самоидентификации существовал всегда. Но глобализация ведет, прежде всего, к более тесному взаимодействию и переплетению цивилизаций, а не только, как отмечалось, к их столкновению.

Этническая идентичность японского народа не представляет собой сложного вопроса, поскольку Япония явно не принадлежит к категории «многосоставных обществ» (А. Лейпхарт): численность представителей других этнических групп, населяющих страну, составляет около одного процента от численности населения. Цивилизационная идентичность Японии остается не до конца решенной проблемой, более того, актуальность поиска такого решения все возрастает.

С. Хантингтон выделяет восемь цивилизаций – Западную, Православную, Конфуцианскую, Мусульманскую, Латиноамериканскую, Японскую, Буддийскую и Африканскую¹¹. Эта классификация вызывает серьезные вопросы у многих исследователей. Прежде всего, выделяются сомнения в том, что японскую цивилизацию следует выделять как самостоятельную и самодостаточную.

Действительно, существует точка зрения, что Япония отпочковалась от китайской цивилизации в период между 100 и 400 гг. н. э. Ряд японских политологов, однако, утверждает, что японская культура представляет собой крайнюю, «островную» форму культуры Китая, ведь недаром ее порой называют «дочерью древней китайской цивилизации». Япония импортировала из Китая ключевые принципы организации социума, культурные основы – иероглифическую письменность, конфуцианство (в чжусианской форме), даосизм, буддизм, китайский тип мышления, науку, многие виды искусства, обычаи, ритуалы и церемонии – от чаепития до единоборств. Известен и примечательный

¹⁰ См.: *Акаха Цунэо*. Нихон мицу-но као (Три лица Японии). – 21 сэйки-но Нихон, Адзиа, сэкай (Япония, Азия, мир в XXI веке). Токио, 1998, с. 795.

¹¹ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003.

пример из области архитектуры: император Камму перенес в 794 г. столицу в Киото и отстроил ее в абсолютном соответствии с планом китайского г. Чаньань в провинции Шэньси¹².

Выделять японскую цивилизацию в отдельную единицу, возможно, не совсем правильно хотя бы потому, что различий, скажем, между США и Францией, объединяемых в одну цивилизацию, никак не меньше, чем между Китаем и Японией¹³.

Автору как японоведа хочется мыслить Японию в терминах самостоятельности и неподражаемости. Справедливости ради, однако, надо отметить, что японская культурная матрица представляет собой уникальный буддийско-конфуцианско-синтоистский комплекс. Но совершенно не принципиально считать Японию отдельной цивилизацией или частью единой дальневосточной цивилизации. Суть в том, к какому полюсу она тяготеет и какому из глобализационных сценариев будет следовать.

В политологическом сообществе существуют четыре базовых сценария глобализации, которые конкурируют в условиях «глобальной неопределенности». Вестернизация понимается как культурная ассимиляция «центральной цивилизацией» немодернизированных территорий, формирование гомогенизированной культуры на основе ценностей либерализма и универсализма. Фрагментация (термин, введенный американским исследователем Дж. Розенау) обозначает комбинацию фрагментации и интеграции, реформатирование и укрепление блоков и союзов национальных государств. *Локализация* – консолидация этнических и цивилизационных общностей на основе фундаменталистских идеологий, проводящих политику культурной изоляции как суррогатной формы социальной и культурной толерантности. И, наконец, *глокализация* (термин *global+local* был введен руководителем корпорации «Сони» А. Морита) – синтез модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации, который осуществляется в процессе культурной гибридизации, т. е. взаимообогащения культур. Все четыре сценария могут претворяться в жизнь одновременно в разных районах Земного шара¹⁴.

Япония – яркий пример успешной версии глокализации. В этом ее ответ на вызовы глобализации, грозящей обезличить национальное культурно-цивилизационное своеобразие. Японцы мыслят политиче-

¹² Бычкова Т. А. Культура традиционных обществ Китая и Японии. – www.humanities.edu.ru/db/msg/22463

¹³ Переслегин С. Б. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира. – http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_Spectr.htm#u5

¹⁴ См.: Федоров С. Самуэль Хантингтон. Теория глобального менеджмента. – Top-Manager. Журнал для руководителей. <http://www.top-manager.ru/?a=1&id=1119>

ское устройство страны в терминах западной цивилизации и в контексте западных демократических и либеральных ценностей. Западные принципы заложены в фундамент японской системы рациональных бюрократических институтов: «Внимательный взгляд на японское общество приоткроет здоровое выражение интереса к себе, нонконформизм и дифференциацию одного индивидуума от другого»¹⁵. Молодые японцы явно пытаются подчеркнуть свою индивидуальную идентичность, к примеру, тщательным выбором мелодий звонка мобильного телефона, однако почему-то из несметного выбора мелодий они склонны оказывать предпочтение одним и тем же мелодиям.

Вместе с тем в цивилизационно-культурном контексте японцы совершенно отчетливо ощущают себя частью дальневосточной цивилизации, базирующейся на конфуцианско-буддийском комплексе.

Япония представляет собой симбиоз западной политической и восточной конфуцианско-буддийской идентичности. При этом существование подобного «кентавра» на редкость гармонично. При всей эклектичности подобного вида симбиоза не возникает глубоких противоречий внутри этого комплекса. Массовый конфессионально-культурный фундаментализм – в отличие от исламского мира – едва ли мыслим в современной Японии: он локализуется в лоне маргинальных сект типа достопамятной «АУМ синрикё».

Подобный гармоничный симбиоз традиций и инноваций получил в японской политической науке название *дзассюсэй* (гибридность)¹⁶. Откуда берется высокий уровень способности к гибридизации? Ведь любая инновация вызывает возмущение в традиционной системе. Во-первых, японское сознание способно трансформировать и адаптировать заимствования настолько эффективно, что они принимаются как нечто органичное и не противоречащее традиции. Во-вторых, специфика японской традиции заключается в том, что «восприятие нового не требовало концептуальной перестройки сознания, никогда не стоял вопрос о насильственном вытеснении старого новым, заимствованное ассимилировалось, дополняло автохтонную синтоистскую культуру Японии. Новое усваивалось и трансформировалось в нечто созвучное автохтонной культуре, без затраты энергии на разрушение старого и построение нового...»¹⁷.

¹⁵ Moer R., Sugimoto Yo. Images of Japanese Society. London – New York, 1986, p.210.

¹⁶ Катакура Макомо. Такасэй то кёкасэй. Нихондзин-но ибунка-но дзюё-о мэгуттэ («Разнообразие цветов» и общность целей. Японская склонность к перевариванию внешних культур). – Нихон кэнкю (Японские исследования). 2007, март, № 35, с. 19–78.

¹⁷ Бычкова Т. А. Культура традиционных обществ Китая и Японии. – www.humanities.edu.ru/db/msg/22463

Стремительное заимствование артефактов американской массовой культуры японским социумом, глобализация коммуникаций должны были бы вызвать размывание национальных традиций. На деле же попытки насильственно вестернизировать японское общество вызывают его обращение к наиболее глубоким пластам национального сознания, укреплению дальневосточных корней национальной идентичности. А национальная идентичность коренится, как известно, в архетипах мышления нации, которые существенно глубже и сильнее, нежели рациональные аргументы и поп-культурные приманки. «Интеллектуальные элиты, столкнувшись с кризисом цивилизационной идентичности, как правило, обращаются к историческим корням»¹⁸. В качестве исторического примера цивилизационно-культурной реакции на западное влияние можно привести движение *кокусуй ходзон* («сохранение национальной сущности»), которое развернулось в 80-е годы XIX в.

При этом сетевые формы самоорганизации и межкультурной коммуникации японского общества вполне приспособлены к абсорбированию очередных инноваций, которые в результате не оказывают существенного влияния на идентичность, а создают вполне непротиворечивый традиционно-инновационный комплекс. Для японского сознания нет «кентавр-проблемы» – оппозиции между традиционной и инновационной идентичностью. Традиции и инновации, западное и восточное как бы перетекают друг в друга наподобие *ин* и *янь*. Иными словами, в Японии сложилась двуединая идентичность: внешняя (институциональная) – западная и внутренняя (духовно-нравственная) – дальневосточная. Какую из них считать ключевой? Это зависит от контекста и точки зрения. Все же, в глубинном смысле, ведущей следует, очевидно, считать дальневосточную, поскольку она основана на архетипах, делящихся из «вечности в вечность».

Прошло то время, когда японцы стремились всячески акцентировать свою приверженность западным стандартам, за которой порой скрывалась некая болезненная ущербность и культурная неполноценность, выражавшейся в «европодражании» (*Euro-areing*). Ряд исследователей отмечают некий гротеск, который на протяжении столетия проявлялся «в удивительной, аляповатой смеси различных архитектурных стилей в модернизирующихся японских городах, в комичном смешении элементов японского национального и европейского костюма многими японцами и т. д.»¹⁹. Сейчас происходит «ускорение смешения» (*accel-*

¹⁸ *Малюновский П. В.* Глобализация и кризис цивилизационной идентичности: гуманитарные технологии для России. – <http://www.sd-consult.org/index.php?edu=1&PartId=public&SubPartId=87>

¹⁹ *Васильева Е. Б.* Процесс культурной идентификации в Японии во второй половине XIX – начале XX в. Специальность 07.00.03. Автореферат канд. дисс., Владивосток. 2001, с. 16.

erated mixing), которое является «характерной чертой современной эпохи»: «Ново не само смешение, а его масштабы и интенсивность»²⁰.

Минуло увлечение теориями «нихондзинрон» – японоцентристскими «теориями о японцах», превозносившими уникальность японской нации и получившие расцвет в 60-х годах, в период бурного экономического развития страны. Именно популярность этих теорий и привела к столь определенному выделению Японии в самостоятельную цивилизацию. Сейчас входит в моду признавать, что бывший дискурс был всего лишь «мифом о японской уникальности»: «Японии не надо было искать моделей вне себя; она сама стала моделью не только для своих азиатских соседей, но и для развитых западных стран. Вопрос об *азиатской* культурной идентичности был неправомерным»²¹.

Ныне мало кого в Японии волнует «западно-восточный» эклектизм в каких-либо его проявлениях. При этом политическая (и во многом культурная) ориентация на США остается незыблемой; чувство близости к США на протяжении последней четверти века неизменно демонстрируют около 75% опрошенных²². Тем не менее, эта близость периодически подвергается испытанию на прочность. Например, молодой исследователь Ё. Карибэ резко пишет в своей диссертации: «Западные люди, продав душу дьяволу, не знают удержу в стремлениях удовлетворить свои потребности. Западная цивилизация в избытке наделена опасными чертами, чреватых гибелью всем людям, втянутым в ее водоворот, всему живому на Земле»²³.

В противовес западному влиянию японцы сейчас подчеркнута начинают признавать свою имманентную связь с Азией. Более того, многочисленные опросы общественного мнения свидетельствуют, что азиатская составляющая японской самоидентификации демонстрирует тенденцию к нарастанию.

В толкование самоидентификации входит не только отнесение себя к определенной цивилизационной общности, но и видение своего места в системе межгосударственных отношений. И японский казус,

²⁰ *Nederveen Pieterse J.* Hybridity, So What? The Anti-Hybridity Backlash and the Riddles of Recognition. – Lash S., *Featherstone M.* (eds). *Recognition and Difference: Politics, Identity, Multiculture*. London and Thousand Oaks: Sage Publications, 2002, p.219–245.

²¹ *Dale Peter D.* The Myth of Japanese Uniqueness. 1986; *Duus Peter.* The «New Asianism». – *Holzhausen Arne* (ed.) *Can Japan Globalize?* Heidelberg-N.Y. 2001, p.248.

²² Найкакуфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Гайко-ни кан суру ёрон тэса (Информационное бюро при канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по вопросам внешней политики). – <http://www8.cao.go.jp/survey/h16/h16-gaikou/images/z05.gif> и <http://www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-gaiko/images/z32.gif>.

²³ *Карибэ Ёсихито.* Японская идентичность (с древности до эпохи глобализации). Канд. дисс., Институт востоковедения РАН. М., 2004, с. 87.

безусловно, любопытен, поскольку Япония принадлежит к странам, которые «включились в международную систему со своими особыми цивилизационными традициями и специфическими структурами не-европейской политической организации (Россия, Япония, Китай и т. п.)»²⁴

Какой себя видит Япония, и какой она видится другим? По объективным показателям, вес и влияние страны позволяет отнести ее к группе лидеров мирового сообщества. Страна стоит на втором месте по величине своего взноса (19,468%) в регулярный бюджет ООН после США (22%). Ее взнос значительно превышает германский (8,662%)²⁵. В ВМФ квота Японии, определяющая размер ее возможных заимствований и голосов при принятии ВМФ коллективных решений, составляет 6,24% (квота США – 17,4%, Германии – 6,09%)²⁶. Статистический анализ выявляет принадлежность Японии к «лидерам государственности» (это «страны демократического выбора, относительно высокого качества жизни и низких угроз»). Согласно анализу рейтингов, если принять «индекс государственности» США за 10,00, то Япония окажется на втором месте с индексом 9,34 (для сравнения, у Швейцарии этот показатель составляет 9,17, а для Германии 8,93, а Россия в списке вообще занимает 27-е место). По индексу качества жизни Япония занимает 14-е место в мире, зато по индексу потенциала международного влияния Япония замыкает первую тройку после США и Китая, а по индексу компонента «мировое влияние» демонстрирует чрезвычайно высокий уровень (40,5%) объяснения отличий Японии от других стран мира, что вводит ее в группу лидеров (после США, России, Индии, Китая и Германии)²⁷.

Как показывает исследование, основанное на методе статистического анализа, «в одних случаях лидеры влияния тяготеют к “полюсу” государственности в ущерб качеству жизни (Россия, Индия, Турция), в других – добиваются баланса влияния и качества жизни (Великобритания, Франция, Германия, Япония)»²⁸. Эти выкладки помогают понять место страны в мировой системе. Япония не ставит цели подерживать высокие темпы экономического роста исключительно ради

²⁴ Мельвиль А. Ю. и др. Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., МГИМО–Университет, 2007, с.14.

²⁵ Начисление взносов государствами-членами в регулярный бюджет ООН в 2006 г. – www.un.org/russian/question/contrib.htm

²⁶ IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors. – www.imf.org/external/np/sec/memdir/members/htm#r.

²⁷ Мельвиль А. Ю. и др. Политический атлас современности..., с.161, 167, 170, 186.

²⁸ Там же, с.199.

укрепления своего влияния в мире, как это было в 60–70-е годы. В качестве элемента политической идентичности выступает стремление стать «страной, в которой удобно жить». В то же время это не вызывает желания самоизолироваться от мирового сообщества, т. е. Японии удалось достичь важного баланса между влиятельностью и процветанием, что наложило неизгладимый отпечаток на самовосприятие нации.

Однако идентичность связана не столько с объективными характеристиками, сколько преимущественно с эмоциональными и субъективно значимыми представлениями. В этом смысле, несмотря на нерешенность некоторых смысловых проблем (нельзя абсолютизировать отмеченную гармонию), в целом японцы вполне ощущают свои тождество и непрерывность.

Если в интерпретации японской идентичности учитывать фактор любви к отечеству, то опросы общественного мнения дают достаточно убедительную картину. Ощущают чувство любви к родине более 78% японцев (49,4% – в большой степени; 33,7% – в целом ощущают), а в том, что они вообще лишены этого чувства признались только 2%²⁹. О примерно таком же уровне патриотизма говорят официальные цифры опроса, проведенного Информационным отделом при секретариате кабинета министров: 52,1% японцев сильно любят свою страну, а 80% считают, что необходимо воспитывать чувство любви к родине.

Характерные черты добавляю к коллективному портрету японцев опросы относительно их отношения к государству. Отвечая в 2007 г. на вопрос «Что для вас важнее – выгода государства как целого или личная выгода?», 47,4% отдали симпатии государственной выгоде и лишь 29,7% предпочли личную выгоду, 20,2% не определились с ответом. При этом в ходе опроса предыдущего года «государственников» было меньше – всего 44,9%³⁰. Эти результаты ставят под сомнение все шире распространяющееся среди специалистов мнение, что Япония превратилась в страну индивидуалистического мышления западного толка. Сейчас, когда страна достигла высокого уровня процветания, крайне редко можно услышать из уст японцев нечто вроде претензий на великодержавный статус. Иными словами, по мере роста удовлетворенности уровнем жизни националистические амбиции слабеют, и, как отмечают некоторые японские исследователи, у японцев нет ни возможностей, ни намерений противиться глобальным стан-

²⁹ Опрос «Асахи симбун». 25 января – 24 марта 2007 г. (n=251). Айкокусин «ару ка?» (Есть ли патриотизм?). – www.yoronchousa.net/result/1913

³⁰ Национальный опрос 18 января – 4 февраля 2007 г. (n=10 000). Найкакуфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кан суру ёрон тёса (Информационный отдел при секретариате кабинета министров. Опрос общественного мнения, касающийся состояния общественного сознания). – www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-shakai/index/html

дартам и глобализации, за которыми проглядывают руководящая роль Запада и западные моральные нормы³¹.

В этом контексте представляет интерес приоритетность причин, почему японцы гордятся своей страной.

Таблица 1
Гордость за Японию (верхние пять позиций)*

	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Долгая история и традиции	37,3	39,7	39,9	42,4	43,6
Выдающиеся культура и искусство	32,6	34,9	38,4	40,4	41,8
Красота природы	37,3	38,5	39,1	41,0	36,5
Трудолюбие и способности народа	25,3	24,9	25,1	27,9	29,8
Высокий уровень общественной безопасности	26,9	20,0	18,0	20,6	24,0

* Национальный опрос 18 января – 4 февраля 2007 г. (n=10 000). Найкакуфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кан суру ёрон тёса (Информационный отдел при секретариате кабинета министров. Опрос общественного мнения, касающийся состояния общественного сознания). – www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-shakai/index/html

Если в качестве точки отсчета взять приверженность традиционным религиям, то картина вырисовывается довольно парадоксальная. Имеют домашнее святилище для вознесения молитв: синтоистскую *камидана* – 44,1%, буддийский *буцудан* – 49,8%, а не имеют – 24%, т. е. немало семей исполняют одновременно и синтоистские, и буддийские ритуалы. При этом испытывают религиозные чувства 29,1%, не испытывают 70%. Из первой группы 22% относят себя к синтоистам, 77,2% – к буддистам, 7,7% – к христианской религии, 3,6% – к другим религиям. Особенно интересны ответы на вопрос: «Что вы думаете о *ками* (синтоистских божествах) и *Будде*?». Считают, что *ками* и *Будда* – «это одно и то же», 22,8%, что это разные божества – 23,9%, что они «различны, но действуют одинаковым образом» – 23,7%, что «никогда не задумывались о различиях между *ками* и *Буддой*» – 21%³². Все это

³¹ См.: *Ватанабэ Р.* Нихондзин-но айдэнтити. Нихон бунка-но коздо то Нихон буммэй-но суйтай (Идентичность японцев. Структура японской культуры и упадок японской цивилизации). Токио, 2002, с. 77–78.

³² Общенациональный опрос Университета Кокугакуин. 10–13 октября 2003 г. (n=2000 старше 20 лет). Синто то Нихон бунка-но кокугакутэки кэнкю хассин-но сётэн кайсэй (Создание института национального знания для распространения исследований синто и японской культуры). – <http://21coe.kokugakein.ac.jp/modules/wfsection>

дает повод говорить о синкретическом характере отношения «парадоксального японца» к религии. Синтоистские и буддийские воззрения, накладываясь на конфуцианские этические нормы, образуют неразделимый сплав, который и является фирменным признаком японского способа мышления. Возможно, именно поэтому японскую цивилизацию можно считать самостоятельной и уникальной.

Японская идентичность эволюционирует одновременно в двух направлениях – дрейфуя в сторону западных моделей поведения (это – скорее внешний, поверхностный слой самоидентификации) и подтверждая верность ключевым ценностям восточной цивилизации (это – более глубокий, корневой уровень самоидентификации). Само собой, внешняя сторона жизни и поведения японцев больше бросается в глаза и создает впечатление ведущей тенденции. Когда же речь заходит об экзистенциальных ценностях, что в реальной жизни случается не так часто, на поверхность всплывают ключевые точки опоры национальной идентичности.

Есть еще одна ипостась проявления традиционности – это, например, участие японцев в праздниках мацури и совершение различного рода ритуалов. Молодежь связывает эксплицитно свою принадлежность к традиционной цивилизации, с азартом участвуя в массовых шествиях по праздникам с паланкинами *о-микоси* на плечах, восходящим к временам древней и средневековой Японии, нисколько не демонстрируя в своем большинстве артикулированных религиозных чувств. Не верность традиционализму, а скорее стремление на короткое время освободиться из железной клетки социальной иерархии и стереотипизированных норм поведения объясняет карнавальный тип японской культуры в том смысле, который вкладывал в слово «карнавальность» М. Бахтин. Эту важную часть повседневной жизни японцев следует отнести к поверхностному, ритуальному слою. Не менее заметную роль для демонстрации японской идентичности играет телевизионная пропаганда японской кулинарной культуры, которая навязчиво присутствует на всех телеканалах в прайм-тайм; реклама японской еды занимает примерно столько же эфирного времени, что и автомобилей³³: «Постоянно внушается, что японская (или японизированная) еда самобытна, необычна, незаменима и, как правило, несравненна... Яйцо, шипящее на сковороде – символ японского флага... Несомненно, широко распространенное рекламирование традиционной японской кухни и культурных особенностей, ознакомление с региональными

³³ См.: *Holden T.J.M.* The Well-Tempura'd Nation: Japan, Television Food Shows and Cultural Nationalism. – Paper presented at the 5th Conference of the Asia Pacific Sociological Association «Asian Pacific Societies: Contrasts, Challenges and Crises». Queensland University of Technology, Brisbane, July 2002.

обычаями и историей могут в определенной мере способствовать утверждению веры в уникальность японской культуры»³⁴. Ревность в следовании ритуалам и подчеркнутое пристрастие к внешним символам национальной кулинарной культуры нарастают по мере давления глобализации и макдонализации. Однако это скорее декорация. Вместе с тем имплицитно японский тип мышления и мировосприятия связан с автохтонной традицией на глубинном уровне.

Даже если Японию считать самостоятельной цивилизацией, ее следует более близко соотносить с восточноазиатской и глобальной цивилизациями, учитывая немалое количество пересечений (см. табл.2).

Таблица 2
Компоненты японской идентичности

Японская	Восточноазиатская	Глобальная
Язык	Иероглифика	Масс-медиа
Пища (суп мисо, суши, натто и т. д.)	Пища (рис, соя, палочки для еды)	Фаст-фуд (кока-кола, Макдональдс)
Синтоизм	Буддизм, конфуцианство	Нравственность, мораль, поп-культура
Страх перед цунами, землетрясениями, стремление к гармонии с природой	Социальные ценности (уважение к старшим, иерархия, групповое мышление)	Общечеловеческие ценности (любовь к детям, семья, мир, образование, здоровье процветание, чистая среда и т. д.)

Почему Японии необходима восточноазиатская идентичность? По мнению участников семинара Университета ООН по глобалистике, это представляется насущной задачей в связи с тем, что необходимо сформировать доверие, чтобы развивать региональное сотрудничество, избежать изоляции, сбалансировать отношения не только с США, но и с остальной Азией, иметь большее влияние в мировых делах, научиться брать на себя большую ответственность.

Для того, чтобы сформировать азиатскую идентичность, предлагаются следующие задачи в области просвещения:

- общая интерпретация истории;
- более углубленное изучение истории Азии;
- создание примера для успешного сотрудничества;
- изучение азиатских культур и языков.

³⁴ Holden T.J.M. Japan's Mediated «Global» Identities – www.intcul.tohoku.ac.jp/-holden/MediatedSociety 25.03.2008.

Кроме того, рекомендуется создать больше возможностей для взаимодействия путем стимулирования путешествий и обучения за рубежом; создания совместных организаций; превращения Японии в более приветливую страну для иностранцев.

Чтобы создать «идеальную восточноазиатскую идентичность», необходимо, прежде всего, преодолеть наследие прошлого, обеспечить более благоприятные условия для восприятия друг друга, укреплять взаимное доверие, чувство гордости за свою азиатскую принадлежность. Есть немало оснований для подобного чувства гордости – длинная общая история, богатое культурное наследие, «ум и талантливость народа», большой экономический потенциал, значительная доля земного населения³⁵.

Интересно отметить, что среди западного политологического сообщества намерение укреплять восточноазиатскую идентичность вызывает некоторую настороженность. При чем причиной тому видится не столько ответ на вызовы глобализации, сколько реакция на окончание холодной войны. Новый интерес японцев к восточноазиатской составляющей своей идентичности нередко объясняется тем, что «крушение советского блока спровоцировало общий пересмотр роли Японии в мировой политике. Во время холодной войны было так просто и удобно следовать в кильватере азиатской политики США, однако конец определенности положения времен холодной войны сделал возможными новые выборы. Отпала необходимость солидаризоваться с Западом или держать Азию на расстоянии»³⁶.

Профессор восточно-азиатских языков и культурных исследований Калифорнийского университета (Санта-Барбара) Дж. Натан считает, что Япония испытывает кризис идентичности и что стремление японцев уточнить свою идентичность в восточноазиатском направлении угрожает основам японско-американских отношений³⁷. Ц. Акаха, оценивая настроения японского общества, отмечает, что, по широко распространенному мнению, в связи с окончанием холодной войны, Япония должна отказаться от договора безопасности³⁸.

По данным опроса 2007 г., чувство близости с Соединенными Штатами испытывают 75,6%, а не испытывают такого чувства 22,6%.

³⁵ <http://www.unu.edu/hq/japanese/gs-j/gs2004j/kanazawa4/group2.pdf>. 30 января 2008 г.

³⁶ Duius Peter. The «New Asianism». – Holzhausen Arne (ed.) Can Japan Globalize? Heidelberg–N.Y., 2001. с. 248–249.

³⁷ Japanese Identity Crisis Endangers Relations With U.S., Scholar Says. (Japan Unbound: A Volatile Nation's Quest for Pride and Purpose). 27.05. 2004. –www.instdv.ucsb.edu/pa/display.aspx?pkey=1147

³⁸ См.: Акаха Цунэо. Нихон мицу-но као (Три лица Японии). – 21 сэйки-но Нихон, Адзика, сэкай (Япония, Азия, мир в XXI веке). Токио. 1998, с. 795.

Примерно такие же оценки политических отношений: 76,3% японцев считают, что отношения их страны с США «хорошие» и «довольно хорошие». В предыдущем опросе эта цифра составляла 82,7%, число не считающих, что отношения «хорошие» и «довольно хорошие» увеличилось с 11,6% до 20,4%. Чувство близости с Китаем испытывают 34%, а не испытывают такого чувства 63,5%. Что же касается оценки политических отношений, число полагающих, что отношения их страны с Китаем «хорошие» и «довольно хорошие» увеличилось с 21,7% до 26,4%³⁹. Разница довольно велика, но тенденция вырисовывается довольно отчетливо. Несомненно, что подобные симптомы отражаются на политическом курсе, ориентированном на многостороннюю дипломатию.

В течение последних двух десятилетий набирает силу стремление Японии уточнить свою роль в глобализирующемся мире. Тем не менее, пока можно говорить лишь о тенденциях.

Действительно, невзирая на довольно прочную встроенность в экономическую и политическую инфраструктуру современного мира, страна парадоксальным образом сохраняет элементы некоторой психологической закрытости, унаследованной из прошлого. Многие японские исследователи признают, что их сограждане имеют «островной» взгляд на мир и что феномен, описываемый зарубежными критиками как японский этноцентризм, серьезно ограничивает возможности нации взять на себя более важную международную роль⁴⁰. Эти элементы ни в коем случае не следует драматизировать: миф об «изоляционистской Японии» при сколько-нибудь тщательном анализе не выдерживает критики. Но, естественно, как и любой миф, он основан на вполне конкретных исторических реалиях. Трудно отрицать, что все еще в национальном внешнеполитическом сознании присутствуют рудименты «островного мышления». Многие японские исследователи, в частности, Ё. Сакамото, указывают на явный разрыв между продвинутой индустриальной и информационной глобализацией Японии, с одной стороны, и отстающей глобализацией национального сознания – с другой⁴¹.

³⁹ Национальный опрос 3 октября – 14 октября 2007 г. (n=3 000). Найкакуфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. Гайко-ни кан суру ёрон тёса (Информационный отдел при секретариате кабинета министров. Опрос общественного мнения, касающийся внешней политики). – www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-gaiko/index/html

⁴⁰ Нихон-но согококурёку: такамару Нихон-но кокурёку то мототэрэрэру кокусайтэки якувари (Совокупная национальная мощь Японии. Повышающаяся национальная мощь Японии и ожидаемые международные роли). Токио, 1987, с.87, 113.

⁴¹ См.: Сакамото Ёсикадзү. Сэйкай тицудзё то симин саякай (Мировой порядок и гражданское общество). Токио, 2005, с. 145.

Суммируя приведенные соображения, надо подчеркнуть, что японская идентичность помогает во многом осмыслить тенденции внешней и внутренней политики страны. Интересный аспект отмечает молодой исследователь из университета Рицумэйкан И. Осаки, указывающий на необходимость изучить возможность того, что «проблема Северных территорий, которая была изобретена японским правительством, играет важную роль в продвижении “национализма” как политического принципа или идеологии и придании “нации” общей коллективной идентичности»⁴². Это не одиночное мнение, свидетельствующее о тесной взаимосвязи политических целей и идентичности, и проблематика самоидентификации получает не только умозрительное, философско-теоретическое, но и прикладное значение.

⁴² Осаки Ивао. «Хоппо рёдо» мондай-ни кан-суру сэнко кэнкю-но тотатугэн то сонно гэнкай (Пересмотр предшествовавших исследований проблемы Северных территорий). – Кокусай канкэй ронсю (Работы по международным отношениям). Рицумэйкан дайгаку кокусай канкэй гаккай. 10.2007, с.37.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВОСПРИЯТИЕ ИСЛАМА В ЯПОНИИ

На протяжении всей истории человечества религия являлась непосредственным участником различных политических, экономических, социальных и культурных процессов. В настоящее время нельзя не отметить стабильную тенденцию к усилению влияния религиозных факторов на все стороны жизнедеятельности обществ в различных регионах мира. В частности, наблюдается тенденция возвращения религии в мир политики, происходит своего рода «религизация» политики. «Синтез религии и политики связывается, прежде всего, с исламом, который не просто утвердился в политической сфере, будучи одним из главных инструментов светских сил, а также ландшафтом, в котором вершится политика»¹. Примером проявления подобной тенденции в немалой степени является и Россия, которая переживает, в первую очередь, возрождение православия.

В постсоветском российском обществе после крушения коммунистической идеологии образовался вакуум в духовной жизни народа, заполнить который устремились различные общественно-политические силы. Этот вакуум заполняется тем, что предлагают православие, ислам, буддизм, иудаизм. Однако самое активное участие в этом процессе принимает Русская Православная Церковь (РПЦ), тем более что одни увидели в ней союзницу в поисках путей формирования русской национальной идеи, а другие – в достижении конкретных политических целей.

Помня, очевидно, о том, что в условиях унитарного монархизма православная церковь была правящей, она уже в совершенно других

социально-экономических и политических условиях пытается отстаивать свое преимущество перед другими конфессиями. «Православие стало приобретать особое значение культурного стержня и символа национальной идентичности. Политическим фактором является именно эта идентичность, а не религиозная практика. Идеологическая роль РПЦ как хранителя национальной традиции в реставрационной атмосфере 90-х годов была без возражения принята основными политическими силами... Само руководство РПЦ, по сути, все последние 20 лет способствует по существу нерелигиозному восприятию религии»². Обратим внимание на то, что для традиционного мусульманского населения России ислам играет такую же роль символа национальной самоидентификации, как и православие для русских.

В то же время, нельзя не отметить, что религиозный подъем порождает причины для возникновения многих проблем, решение которых не очевидно как для политиков, так и для представителей различных конфессий. Сама проблема межконфессиональных отношений остро стоит во многих странах и регионах мира. Более того, религиозную окраску зачастую принимают социальные и политические проблемы. Отдельной темой в этой связи является использование религиозных мотивов различными экстремистскими силами.

На сегодняшний день совершенно очевидна взаимосвязь многочисленных политических и межэтнических конфликтов с религиозным фактором. Достаточно напомнить о конфликтах на территории бывшей Югославии; об арабо-израильском конфликте; о войне в Ираке (противостояние шииты–сунниты); о недавнем конфликте в Чечне и сохраняющейся напряженности на Северном Кавказе на территории Российской Федерации. Зачастую бывает непросто определить, лежат ли религиозные мотивы в основе таких конфликтов, или же сопутствуют им, а, возможно, служат своеобразным прикрытием и оправданием со стороны определенных сил. Однако было бы, по меньшей мере, легкомысленно отрицать значение религиозной составляющей современных глобальных процессов.

Следует, кроме того, отметить, что до сих пор многочисленные призывы к межконфессиональному миру, согласию и терпимости далеко не всегда и не везде находят благожелательный отклик, как на словах, так и на деле. Зачастую иноверцев в лучшем случае терпят, в худшем – подозрительность и неприязнь обретают активные формы. При этом вряд ли можно считать адекватными звучащие иногда утверждения об «агрессивности» или «экстремизме» той или иной религии. Дело, скорее, в том, кто именно и с какой целью пропагандирует

¹ Религия и конфликт. М., 2007, с. 8.

² Там же, с. 16, 22.

и проводит жизнь те или иные доктрины той или иной конфессии в конкретном месте и в конкретной ситуации.

Удивительно широкая панорама религиозной жизни в современной Японии, где в полном согласии действуют все конфессии, свидетельствует о ее плюрализме и толерантности населения. Согласно официальной статистике на 2004 г., в стране насчитывается 108,6 млн. последователей (верующие и духовенство) национальной религии синто, 93,8 млн. – буддизма и 2,1 млн. христиан. Численность приверженцев так называемых новых религий, в том числе не зарегистрированных официально, не поддается точному определению. В общей сложности число адептов разных религий составляет около 214 млн. человек³ при населении численностью около 130 млн. человек. Это, на первый взгляд, парадоксальное явление объясняется тем, что японцы в большинстве своем считают себя одновременно и синтоистами и буддистами.

Своеобразен и метод составления официальной статистики в «Религиозном ежегоднике», который издается Управлением культуры министерства просвещения и науки. Само Управление культуры не занимается никакими подсчетами, а пользуется лишь данными, которые поступают с мест в Комиссию по религиозным организациям, входящую в его состав. Поэтому выпускаемый им ежегодник лишь отражает информацию, предоставленную различными религиозными организациями. Согласно территориальному принципу построения синтоистской общины, все проживающие в пределах деревни, поселка, городского квартала считаются прихожанами расположенного на данной территории синтоистского святилища. Это связано с древней традицией почитания божества-покровителя, обитающего в таком святилище. Одновременно каждый буддийский храм считает своими прихожанами все семьи, которые занесены в храмовые реестры или чьи предки захоронены на прихрамовом кладбище. Каждая семья выбирает буддийский храм, к которому она приписывается, по своему усмотрению. При подсчете прихожан буддийские священнослужители умножают полученную цифру семей на 2,5, чтобы получить примерное число индивидуальных верующих. Святилища и храмы общенационального значения действуют произвольно, причисляя к своим прихожанам чуть не все население страны, или определяя их по числу проданных амулетов. При таком методе подсчета в официальной статистике один и тот же человек учитывается нередко два, а то и три раза. Лишь христианские организации дают точное число верующих,

³ Нихон токэй нэнкан. Токио, 2007, с. 747.

поскольку учитываются лишь лица, принявшие крещение. К 31 декабря 2005 г. их насчитывалось 2 595 397⁴.

В настоящее время в стране существует 224 540 религиозных организаций (*сюкё дантай*) различных типов, национальных и региональных. Основную их часть (182 237) составляют культовые учреждения (храмы, церкви и т. д.), имеющие статус «религиозного юридического лица» (*сюкё ходзин*). Вне этого статуса существуют главным образом религиозные организации и общины, не связанные с тремя основными конфессиями, общим числом 24 803. В рамках трех основных конфессий статус «религиозного юридического лица» не имеют преимущественно общины «новых религий», общим числом немногим более 17 500⁵.

Официальная статистика не дает возможности в полной мере судить о действительной численности верующих, но она отражает специфику религиозной ситуации в стране, которая характеризуется синкретизмом, многообразием религиозных верований, сочетанием религии семьи и отдельного человека. Такое положение связано с особенностями исторического формирования религиозного сознания японцев. В широком смысле оно имманентно присуще как индивиду, так и народу в целом. Религия как догмат может исчезнуть, но религиозное чувство необычайно устойчиво, превалирует над формами и течениями и при этом лишь подпитывается богатством интеллектуального бытия общества. Отношение японцев к религии как к моральной ценности неоднозначно. В настоящее время, согласно опросам общественного мнения, удельный вес активных верующих, «воцерковленных» людей разных конфессий достигает чуть более трети численности населения. Однако большее число неверующих, точнее, пассивно верующих, нельзя воспринимать как отсутствие религиозности. Такое впечатление создается, если подходить с европоцентристскими нормами веры в единого Бога. Признание равноправия двух религий – синто и буддизма, а также морально-этического учения конфуцианства и даосизма, по мнению европейцев, свидетельствует о равнодушии японцев к религии, более того, об их неверии вообще.

Подобное непонимание характера религиозного сознания японцев во многом связано с тем, что христианство признает неукоснительную правоту только одной идеи, одной церкви и считает все остальное враждебным и чужим. Причем речь в данном случае идет не только о мусульманстве или иудаизме, но и о течениях внутри самого христианства. Особой нетерпимостью всегда выделялось православие. Его

⁴ Сюкё нэнкан. Хэйсэй 18 нэн хан. (Религиозный ежегодник на 2006 г.). Токио, 2007, с. 31.

⁵ Нихон токэй нэнкан, с. 747.

неизменно отличала «решительная борьба со всеми враждебными идеями и принципами... Враждебность к чужому соседствовала с сильным традиционализмом: все новое, даже в минимальных дозах, воспринималось в штыки, как идущее от лукавого. Иными словами, в народном сознании воспитывалось явное отчуждение от новаторства и творчества»⁶.

В Японии же никогда не существовало единой, религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. И религиозная жизнь японцев никогда не была сконцентрирована лишь на чем-то одном. Каждая семья, как уже упоминалось, была связана с синтоистским святилищем по месту жительства и причислялась к тому или иному буддийскому храму, согласно семейной традиции. Поэтому можно, пожалуй, определить синто как общинную религию, а буддизм – как семейную. Многие религиозные обряды совершались дома, в семье, без участия священнослужителей. Семья и дом были центром религиозной жизни. Религиозная деятельность большинства японцев в большинстве случаев осуществляется через обрядность, без осознания ее религиозного характера.

Существование религий в стране уходит в глубокую древность. Эту идею постулировал еще в VI в. принц Сётоку: «Нет никакого противоречия в трех религиях. Синто... обращено к прошлому, а не к настоящему или будущему. О настоящем заботится учение Конфуция, которое имеет, однако, тот недостаток, что не глядит дальше вперед. Только буддизм раскрывает нам будущее человека. И так как будущим занят человек, он не мог в нашей стране пройти мимо буддизма»⁷. Эта формула дает ключ для понимания того, как формировалось религиозное сознание японцев и их толерантность.

В основе религиозного сознания японцев лежит синто, хотя первоначально он не являлся религией в строгом значении этого слова, а представлял собой мозаику из разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм. Его можно рассматривать как форму мировосприятия и мироощущения. Магические обряды синто, связанные с культом природы, преследовали посясторонние цели: регулирование погоды, обеспечение плодородия и других материальных благ, исцеление от болезней, изгнание злых духов и т. п. Таким образом, формировалось вполне прагматичное отношение японцев к религии, у которой они просили помощи в этом материальном мире.

Но одновременно в синто была сильна иррациональная, но имеющая огромную социальную силу сторона – культ предков, в котором

отражалась иерархическая структура реального общества. Этот культ лег в основу концепции преемственности, идущей от богов-демиургов к земным богам, а от них – к легендарным императорам и далее к предкам ныне здравствующего монарха. Этой идеей пронизан историко-литературный памятник «Записи о деяниях древности» («Кодзики»)», являющийся, что называется, Священным писанием синто. Этот памятник был составлен по указанию императора Тэмму, который понял необходимость укрепления императорской власти не только военным или экономическим, но и идеологическим путем. Таким образом, с древних времен в синто присутствовала идея государственности.

Японцы сжились с легендой о божественном происхождении своих островов, непрерывности императорской династии, что и сформировало одну из сторон их религиозного сознания. Император как первосвященник синто, обладающий магической силой общения с божествами, сохранял свое место в иерархии общества, даже будучи отстраненным от реальной политической власти. Во многом это способствовало сохранению роли национальной религии как общей для всех японцев идеологии даже в период укоренения и широкого распространения буддизма. В синто нет строго разработанных канонов и догм, у него нет конкретных основателей и пророков, что является неотъемлемым свойством любой мировой религии. Это делало его открытым для восприятия не только буддизма, но и конфуцианства и даосизма, а позднее и христианства. Именно буддизм и вся континентальная культура в целом оказали влияние на формирование догматики синто.

Буддизм не был воспринят населением как абсолютно чуждый элемент, поскольку, вовлекая людей в свою орбиту, не требовал отказа от прежних верований. В японском варианте он был близок существующему социальному порядку и традиционной системе ценностей. Более того, он дополнил местные культы рядом этических понятий, которые в них отсутствовали.

Буддизм первоначально был принят правящими кругами, которые увидели в нем идеологическую опору создания централизованного государства. Отсюда тесная связь японского буддизма с государственной властью. «Буддийская церковная иерархия – монахи и прелаты разных ступеней, – писал академик Н. И. Конрад, – представляла для Японии готовую модель феодального общества. Буддийские храмы и монастыри могли стать опорными пунктами для установления централизованной системы управления. Недаром в дальнейшем в Японии церковное и административное районирование страны полностью

⁶ Из истории русской культуры. М., 1996, с. 53.

⁷ Цит. по: Возрождение. Париж, 30.04.1934.

⁸ Кодзики. Записи о деяниях древности. СПб. 1994, т. 1–2.

совпадало»⁹. Распространению буддизма способствовало и то обстоятельство, что одновременно с ним в страну не было «ввезено» другой конкурентоспособной идеологии на государственном уровне, справедливо замечает буддолог А. Н. Игнатович¹⁰.

Буддизм легитимировал власть, но и предъявлял ей довольно жесткие этические требования, что нередко вносило напряженность в их отношения. «Идеал “праведности” был для правителя удобен и опасен одновременно. Ведь любое несоответствие идеалу означало кризис легитимности, любая политическая неудача или даже неблагоприятные погодные условия могли привести к сомнению в благоприятной карме, и в любой момент духовенство могло перенести благословение на других претендентов на престол»¹¹. Но в японском варианте буддизма это было невозможно, поскольку, согласно синто, императорская династия существует в неизменном виде во веки веков.

Буддизм в Японии принял свой окончательный вид, когда проповедь его доктрин полностью перешла в руки местных священнослужителей. Безусловно, синтоистское духовенство активно сопротивлялось, но достаточно быстро согласилось отойти на вторые роли в верхах, сохраняя прочные позиции при императорском дворе, и оставаясь среди населения в форме так называемого народного синто, которое исповедовалось в повседневной жизни. Две религии поделили между собой жизненный цикл человека: рождение и жизнь идут по синтоистским канонам, а похороны – по буддийским. Буддизм укоренился в стране без классических, религиозных войн и привел к формированию синто-буддийского синкретизма. Обе религии нуждались друг в друге: буддизму нужна была широкая народная поддержка, а синто – «благосклонность» религии, поддерживаемой правящими кругами.

Как уже отмечалось, идея государственности в японском варианте буддизма соединилась с сакральностью императорской власти, постулируемой синто, что не могло не наложить отпечаток на характер религиозного сознания японцев. Большой знаток Японии Лафкадио Хёрн, проживший там долгие годы и принявший не только буддизм, но и японское имя, усмотрел в сосуществовании двух главных религий основу моральной стойкости ее населения. Он писал: «Япония обязана величайшей благодарностью обеим своим религиям, создателям и хранителям ее моральной силы. Синтоизм учит, что человек должен больше думать об императоре и государстве, чем о себе и своих близких, а буддизм воспитал в нем способность к самоотрече-

нию, к самозабвению, к терпеливому перенесению страданий и к примирению, в качестве неизменяемого закона, с потерей всего любимого и зависимостью от всего ненавистного»¹².

Заметное влияние на религиозное сознание японцев оказало и конфуцианство, которое принесло с собой более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы. Прежде всего, конечно, речь шла об управлении государством, об отношениях государя и подданных. Усвоение и мирное сосуществование синто, буддизма и конфуцианства явились результатом присущей японцам адаптивности их мировосприятия.

По образному выражению историка Т. Фудзисава, «синто – корни и ствол, конфуцианство – листья и ветки, а буддизм – цветы и плоды». Синто и буддизм существуют как организованные религии. Первый донес и сохранил мифологизированное происхождение страны и ее населения, литургическую практику, каноны устройства святилищ и проведения разного рода религиозно-праздничных действий. Второй принес с собой традицию постройки пышных храмов, наполненных произведениями искусства, а также мемориальные службы по ушедшим. С конфуцианством пришло морально-этическое учение, оказавшее огромное влияние на японскую культурную традицию. Как подчеркивал итальянский японовед Ф. Маранини, «тень Конфуция» до сих пор витает над японским обществом. Даосизм повлиял на народные верования, привнес в них, в частности, понятие счастливых и несчастных дней. Позже в эту панораму вписалось христианство, которое сказало в определенной степени на содержании образования и социальных отношениях. Возникшие в основном в XX в. так называемые новые религии инкорпорировали многие прежние религиозные воззрения и верования и добавили к ним вновь созданные доктрины.

Приверженность к какой-то одной религии в Японии – явление чрезвычайно редкое. Поэтому японцам традиционно не были свойственны религиозные распри на доктринальном уровне, что столь часто наблюдалось на Западе. Японцы не рассматривают какую-либо религию как абсолют. Они часто придают большее значение форме (обряду, ритуалу), чем содержанию. По мнению настоятеля буддийского храма в Киото Т. Фукита, в настоящее время христианство в моде именно благодаря своей обрядовой стороне. Она близка к обрядности национальных религий Востока. Один и тот же японец, по словам Т. Фукита, не мудрствуя лукаво, посещает синтоистское святилище, буддийский храм и христианскую церковь.

⁹ Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1974, с. 67.

¹⁰ Игнатович А. Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1988, с. 57.

¹¹ Религия и конфликт, с. 268.

¹² Хёрн Л. Душа Японии. М., 1997, с. 48.

Во многих случаях вера японцев базируется просто на обычаях и традициях. Они не могут назвать имена многих синтоистских и буддистских богов, но знают, что эти боги «существуют», ибо мифология известна всем. Если подходить с такой точки зрения, то практически все японцы религиозны. Даже те, кто считают себя неверующими, привычно исполняют религиозные обряды во время свадеб, похорон, национальных праздников. Многие народные верования продолжают существовать независимо от организованных религий и составляют существенную часть жизни людей. Они передаются в устной традиции, проявляются в ежегодных праздниках, зависят от местной специфики и направления хозяйственной деятельности. В Японии такие праздники часто проводят семьи или общины без официальных религиозных служителей. До сих пор их значение в религиозной практике столь велико, что для обозначения существует специальный термин «ежегодные праздничные действия» (*нэндзю гёдзи*). Они выделяются в календарях, им посвящается множество разнообразной литературы, постоянно издается специальная энциклопедия, во всех храмах вывешиваются уведомления о времени их проведения, дается информация в газетах и на телевидении. По удачному выражению немецкого историка Ю. Берндта, японцам свойственна «нерелигиозная религиозность».

В Японии никогда не проводилось искусственное искоренение религиозного сознания. Но здесь в процессе исторического развития складывались свои особые отношения между религией и государством, властью, идеологией и политикой. Такие отношения, безусловно, следует рассматривать в контексте культуры каждого народа и выносимые оценки нельзя абсолютизировать. В Японии при изначально тесной связи религии и государства явной зависимости одной религии от власти до середины XIX в. не было.

Для характеристики ситуации в Японии в первой половине XIX в. вполне можно использовать слова специалиста по отечественной культуре Б. Ф. Егорова, сказанные им о России второй половины того же века. Он писал: «В условиях почти непрерывных социальных и материальных зигзагов жизни, конфликтности, разломов, смутной неясности будущего важно было иметь прочный нравственно-духовный фундамент, стержень, опираясь на который можно легче ориентироваться в калейдоскопе современности, не разрушаться, не мельчиться в сиюминутной суете»¹³.

Япония искала пути выхода из структурного кризиса, способы сохранения национальной независимости при столкновении со странами Запада и для этого ей была нужна новая официальная идеология. Эта

¹³ Из истории русской культуры, с. 166.

идеология опиралась на древний принцип единства религиозного ритуала и управления государством (*сайсэй итти*), восстановленный сразу после реставрации Мэйдзи (1868 г.). В этой идеологии преобладал религиозный аспект, выразившийся в утверждении государственного синто, ставшего духовным орудием возрождения власти императора, а затем источником милитаристской, агрессивной политики.

В государственном синто, в отличие от народного синто, главной была именно идеологическая сторона. Возрождение национальной религии, многие годы пребывавшей как бы на «заднем плане» в виду того, что буддизм долгие столетия служил опорой централизованного государства, преследовало не только собственно религиозные цели. Оно подчинялось задаче сплочения нации и укрепления государственности на основе религиозного сознания.

Признание служб в определенных святилищах государственными актами выхолащивало религиозную сущность синто. Государственный синто стал не более чем культом поклонения божественным предкам императора, что способствовало подъему национализма. Признавая свободу вероисповедания, государство в то же время поставило синто над всеми религиями. Он получил права на заглавную роль в национальных ритуалах. Изъятие из синто культа поклонения божественным предкам и придание ему особого статуса обрекало государственный синто на роль квазирелигии.

Превращение синто в инструмент государственной политики шло вразрез с адаптивным, религиозным сознанием японцев. Выделение одной религии нарушило баланс между синто и буддизмом, поставило японцев, которые воспринимали обе религии, так сказать, на паритетной основе, перед выбором. Впрочем, разрушить древнюю традицию сосуществования религий так и не удалось. Таким образом, после реставрации Мэйдзи правительство использовало религию в политических целях, превратив ее в инструмент государственной власти. Это продолжалось до поражения Японии во второй мировой войне в 1945 г. и дало негативный опыт, который может быть небезынтересен для многих стран в настоящее время.

Кардинально изменились отношения религии с государством сразу же после окончания второй мировой войны. Из-за государственного синто национальная религия напрямую ассоциировалась с существовавшим в предвоенные и военные годы тоталитарным режимом и проводимой им политикой. Во многом именно эта ассоциативная связь вкупе с другими факторами весьма негативно сказалась на положении синто в контексте религиозной жизни в послевоенной Японии. Проблемы синто были обусловлены гораздо более тесной, если не сказать теснейшей, по сравнению с другими религиями, связью с жизнью на-

рода, его менталитетом, культурой, политикой. На место и роль синто в послевоенном японском обществе оказало влияние использование правительством этой религии в предшествующие периоды.

Государственный синто был ликвидирован раз и навсегда. При этом было проведено разграничение между государственным синто, который рассматривался как официальная политика правительства и определялся как «нерелигиозный национальный культ», и собственно синто или «храмовым синто» (*дзиндзя синто*). После отделения от государства и очищения от милитаристской и ультранационалистической риторики синто получил ту же поддержку, что и другие религии, его организации и святилища получили статус «религиозного юридического лица» в соответствии с принятым в 1951 г. Законом о религиозных юридических лицах. Закон определял понятие «религиозная организация», процедуру регистрации, предусматривал случаи их роспуска. *Дзиндзя синто* стал рассматриваться как традиционная религиозная практика, которая осуществлялась на протяжении всей истории страны и имела непосредственное отношение к жизни людей. Синто в широком понимании представляет собой базу формирования мировосприятия и мироощущения японцев и в значительной степени является ядром национальной культуры.

Отношения религии и государства были оформлены в соответствующих статьях конституции 1947 г. Так, в 20-й статье говорится: «Свобода религии гарантируется для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью. Никто не может принуждаться к участию в каких-либо религиозных актах, празднествах, церемониях или обрядах. Государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо иной религиозной деятельности»¹⁴.

Частично затрагивала проблему религии и 89-я статья: «Никакие государственные денежные средства или иное имущество не могут ассигновываться или предназначаться для использования, выгоды или содержания какого-либо религиозного учреждения или ассоциации или для каких-либо благотворительных, просветительских или филантропических учреждений, не находящихся под контролем публичных властей». Таким образом, конституция 1947 г. установила барьер между общественной (политической) и частной (религиозной) жизнью, что не могло не сказаться на отношении японцев к вере. Большинство их признает ее делом сугубо личным, интимным, а потому зачастую считает вопросы об их принадлежности к той ли иной конфессии не-

¹⁴ Цит. по: Современная Япония. М., 1973, с. 759, 760, 770.

этичными, бестактными. Однако вполне допустимым считается, например, вопрос о том, к какой из школ буддизма принадлежит ваша семья.

Японцы практически не интересуются, какую веру исповедует, например, тот или иной политический деятель. Когда первая в истории страны женщина – Т. Дои стала лидером Социал-демократической партии Японии, а затем спикером палаты представителей парламента, все японские средства массовой информации воздавали ей должное как политику столь высокого ранга, но нигде не упоминалось, что она христианка. В то время как западная пресса уделила особое внимание именно ее конфессиональной принадлежности. Кстати, среди политической элиты Японии не так уж мало христиан, прежде всего протестантов, но это никак не афишируется и не влияет на их политическую карьеру.

Закон о религиозных юридических лицах предоставлял всем религиозным организациям право владеть храмами, святилищами, церквями со всем их имуществом, заниматься хозяйственной деятельностью, а также запрещал всем органам государственной власти вмешиваться в отправлении служб и другую религиозную деятельность. Закон определял понятие религиозной организации, процедуру регистрации, предусматривал случаи их роспуска.

Религиозная жизнь сегодняшней Японии детерминирована теми изменениями, которые произошли в социально-экономической структуре общества после второй мировой войны. Наибольшее значение имело, безусловно, отделение церкви от государства. Весьма чувствительным явился ущерб, нанесенный материальной базе святилищ и храмов. Жителям локальных обществ было запрещено поддерживать синтоистские святилища, которые, как уже говорилось, были организующими центрами жизни квартала, поселка, деревни. Положение буддийских храмовых комплексов было серьезно подорвано аграрной реформой, которая лишила их значительной части земельной собственности. Больше других пострадали мелкие и средние сельские храмы, поскольку они владели пахотной землей. Крупные храмы были затронуты реформой в меньшей степени, ибо принадлежавшие им участки были заняты в основном культовыми постройками или лесными угодьями. В ходе реформы правительство продало им и часть государственных земель, которые они стали использовать в коммерческих целях. Это привело к расслоению храмов традиционных школ буддизма.

Но самым главным, что ослабило прежние позиции святилищ и храмов, была урбанизация. Именно она вызвала к жизни огромные

миграционные потоки, которые нарушали прежние социальные связи. Согласно довоенному Гражданскому кодексу, семья рассматривалась как корпоративное юридическое лицо, на которое и опирались буддийские храмы. Изменение этого кодекса, подорвавшего традиционную семейную систему, значительно снизило их значимость. Приезжавшие в города люди по большей части не включались в деятельность ни синтоистских, ни буддийских общин. У настоятелей не было никаких действенных рычагов для их привлечения. В условиях почти полного краха «истинно японских» духовных ценностей оживилась деятельность практически всех возникших в основном в начале XX в. так называемых новых религий, в основном буддийского толка, и появилось несколько сот совершенно новых групп.

Нередко говорят «об исконном демократизме» буддийского учения, подчеркивая ценности «равенства». «Действительно, эгалитарный идеал монашеской общины, элементы выборности внутри нее и даже элементы судебных и консенсуальных процедур иногда рассматривались как прообраз “демократии”. Но нельзя забывать сильнейшую иерархию в институциональном устройстве общины, в сансарической картине мира, где царствует легитимирующий иерархию закон кармы. В этом смысле эгалитарный дух в исламе все же гораздо сильнее, чем в буддизме»¹⁵.

В Японии буддийский характер новых религий, в основном нитирэнского толка (по имени религиозного деятеля средневековья Нитирэна (1222–1282)) связан с тем, что этот проповедник, объявив «Сутру Лотоса» «единственным истинным учением», делал особый акцент на содержащейся в ней идее «всеобщности спасения». Это окрасило его учение в несколько демократические тона. В настоящее время почти половина действующих в стране религиозных организаций представлена новыми религиями. Примерно четверть всех верующих являются адептами новых религий, которые по активности своей деятельности, по участию в общественной жизни значительно превосходят приверженцев традиционных буддийских сект.

Характерной особенностью всех новых религий, во-первых, является эклектичность и синкретичность, поскольку они во многом заимствовали догматику и культовую практику японской религиозной традиции. Во-вторых, им свойственно упрощение процедуры обращения и толкования догматов, что делает их легко доступными для широких слоев населения. В-третьих, в большинстве случаев, эти религии апеллируют к обычным житейским нуждам человека, что обеспечивает им популярность, используют тягу людей к объединению, коллек-

¹⁵ Религия и конфликт, с. 274–275.

тивизму, которые имманентно присущи японцам (группизм). В четвертых, нередко, такие религии создаются харизматическими лидерами, которые нередко используют приемы магии. И самое главное, новые религии в своей деятельности опираются не на профессиональное духовенство, а на массы верующих¹⁶. Новые религии можно подразделить на неосинтоистские (12 основных синтоистских сект), небуддийские, смешанные или синкретические и движения межрелигиозного согласия.

И вот в такую религиозную ситуацию в Японии во второй половине XX в. постепенно начинает «вписываться» ислам. На сегодняшний день наиболее активную позицию на глобальной арене занимает эта самая молодая из мировых религий. Конфессия характеризуется мощью и пассионарностью. Она стала реальной силой, которая участвует в значительном числе ключевых политических событий во многих регионах мира и с которой нельзя не считаться. Сегодня можно сказать, что исламский мир становится – и, вероятно, уже стал – одним из полюсов силы на мировой арене.

Говоря о значении ислама, следует отметить, что, помимо политической, он играет и экономическую роль, поскольку многие исламские страны во многих отношениях выходят на передовые рубежи развития, а некоторые обладают ключевыми запасами энергоресурсов. Однако, говоря об исламе и его перспективах, следует обратить внимание не только на собственно исламские страны и регионы, но и на продвижение ислама в традиционно немусульманские страны, будь то Соединенные Штаты, Европа или иные регионы. Перспективы этого продвижения, где-то стремительного, где-то относительно неспешного, пока полностью не осознаны. Однако они могут иметь далеко идущие последствия.

Толерантность религиозной жизни японцев, о которой говорилось выше, позволяет и в настоящее очень напряженное время с пониманием относиться к появляющимся в стране новым конфессиям. В данном случае речь идет об отношениях страны и населения к исламу и мусульманам. На первый взгляд, создается впечатление, что понятия «Япония» и «ислам» «две вещи несовместные». Однако на самом деле существует достаточно важных звеньев, которые связывают Японию и исламский мир. Токио пристально следит за действиями панисламов на Ближнем и Среднем Востоке, за процессами в мусульманском секторе Азиатского-тихоокеанского региона. Одной из весомых причин устойчивого интереса японской дипломатии является проблема

¹⁶ Подробнее см.: Игнатович А. Н., Светлов Г. Е. Лотос и политика. М., 1989, с. 25–30.

обеспечения энергетическими ресурсами, в первую очередь нефтью и нефтепродуктами, собственной экономики, а также проблема борьбы с международным терроризмом, который во многом связывают с исламским миром. По мнению японских специалистов по исламу, отношение японцев к нему в целом нейтральное, скорее положительное. Часть населения, особенно молодежь, симпатизирует борьбе мусульман за свободу и выступает против политики США на Ближнем и Среднем Востоке, однако напрямую не связывает ислам или исламский мир с терроризмом.

История появления ислама в Японии сравнительно коротка. Имеется незначительное число разрозненных записей о контактах мусульман с японцами до открытия страны в 1853 г. Первоначальные сведения об исламском мире японское общество получило «не из первых рук», а от иностранцев, преимущественно англичан, затем американцев, что, безусловно, отражало их точку зрения. У японцев долгое время не было возможности выработать свое отношение к этой проблеме. Лишь начиная с 70-х годов XIX в., небольшое число последователей Мухаммеда стало появляться в портах страны, и в это же время Коран впервые был переведен на японский язык. Японцы, как было показано выше, не слишком интересуются религиозными догматами, а воспринимают особенности внешнего вида, костюма, образа жизни не как религиозные признаки, а как проявление национальной культуры. Ислам занял место в сознании японцев скорее как часть культурной традиции мусульманских народов.

Небольшое число, буквально единицы японцев в конце XIX – начале XX вв. принимали ислам. Примечателен факт обращения в ислам двух японцев. Они сделали это в знак сочувствия к морякам затонувшего во время шторма у побережья преф. Вакаяма 16 сентября 1890 г. турецкого фрегата «Эртюгруль», который прибыл с почетной миссией в Японию в ответ на визит принца Комацу Акихито в Стамбул¹⁷.

Можно сказать, что по-настоящему ислам проник в Японию в начале 20-х годов прошлого века вместе с беженцами-тюрками (узбеками, таджиками, киргизами и пр.) с территорий бывшей Российской империи. Именно они начали создавать в некоторых крупных городах религиозные организации и налаживать жизнь мусульманской общины. Под их влиянием некоторое число японцев приняли ислам. Общины построили мечети. Первая постоянно действующая мечеть была сооружена в Кобэ в 1935 г. В Токио в 1938 г. татарская община построила мечеть, которую посещали многие японские высокопоставленные политические деятели. В 90-х годах она была полностью реставрирована.

¹⁷ Islam in Japan. The History of Islam in Japan. – <http://islam.org.au> may-june 1995

Этнические японцы-мусульмане, как правило, не принимали участия в строительстве мечетей и не становились имамами в них.

Экспансионистская внешняя политика Японии вызвала в последние предвоенные и военные годы определенный интерес к исламу в стране. В политических кругах исламский мир рассматривали, как потенциального, никем не ангажированного союзника в борьбе с белым империализмом. В это время создавались исследовательские центры по проблемам ислама и мусульманства, издавались десятки книг и журналов по этой теме для оказания интеллектуальной помощи правящей элите. Наиболее заметным исследователем ислама и японо-исламского взаимодействия в это время был Окава Сьюэй (1886–1957) – один из лидеров японского национального и государственного социализма, популярный идеолог и публицист. В середине 10-х годов прошлого века он формирует концепцию паназиатизма, суть которой состояла в том, что Япония в конкретной исторической ситуации явится единственным возможным лидером и руководителем будущего азиатского возрождения. Именно в это время у него пробудился интерес к исламу. Сначала он изучал его теоретически, а затем стал присматриваться как к возможному союзнику, чья идея панисламизма в турецком и арабском регионах импонировала ему. После окончания второй мировой войны Окава был объявлен «военным преступником» и заключен в тюрьму, а затем в психиатрическую больницу, где выполнил перевод Корана, изданный в 1950 г.¹⁸

Исламские организации в Японии в свою очередь налаживали связи с богословами, политическими лидерами и радикальными деятелями в мусульманских странах, приглашали их в страну. Некоторые организации даже обращались в правительственные круги, которые жестко контролировали религиозную жизнь в стране, с предложением официально признать в качестве одной из религий ислам наряду с синто, буддизмом, христианством.

С началом военных действий Японии на территории Китая и затем развернувшейся войны на Тихом океане возникают и расширяются контакты японцев с местным мусульманским населением, которые подчас приводили к их обращению в ислам. Исламские организации в Японии поддерживали и финансировали мусульманские движения сопротивления в ЮВА. Например, через них Япония финансировала повстанческие группировки в Индонезии. После войны все исламские организации были запрещены. Но после подписания Сан-Францис-

¹⁸ Подробнее см.: Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии. М., 1999, с.140–147.

ского мирного договора, возвратившего Японии полный суверенитет, уже в 1952 г. вернувшись с войны неопитами была создана первая в стране Японская мусульманская организация (Нихон мусуриму кёкай). Она была весьма скромной по численности – менее ста человек, однако за первые пять лет существования число ее членов увеличилось вдвое. Позже, в 1968 г. она была официально признана религиозной организацией.

Мусульманская община по-настоящему складывается только после второй мировой войны. Но надежных данных относительно мусульманского населения в Японии не существует, поскольку правительство не ведет никакой статистики. При проведении переписи населения вопрос о конфессиональной принадлежности не задается, поскольку, как уже говорилось, это не в японских традициях и правительство не вправе выяснять религиозные пристрастия. Иммиграционная служба механически считает мусульманами всех приезжих из мусульманских стран (Индонезия, Малайзия, Пакистан, Турция, Иран), но не учитывает мусульман из Индии. По данным полиции, в Японии проживает около 100 тыс. приезжих мусульман, по данным других правительственных источников, – до 150 тыс.¹⁹ Вторая цифра представляется более точной. Среди японских мусульман 90% иностранцев и 10% японцев. По данным Японской мусульманской организации, число мусульман, которые являются этническими японцами, – от 7 тыс. до 10 тыс. человек. В основном – это японки, вышедшие замуж за мусульманских иммигрантов (как правило, пакистанцев и индонезийцев), которые часто женятся на них, чтобы остаться в Японии. Имеется небольшая группа японцев-интеллектуалов, включая университетских профессоров, которые приняли ислам и вовлекают в эту веру студентов. Но об этом открыто не говорится. По данным Японского исламского центра, который существует за счет поддержки Саудовской Аравии, мусульман-японцев насчитывается от 50 тыс. до 100 тыс., но это, – безусловно, очень завышенная цифра. По данным этого же источника, общее число мусульман в Японии около 200 тыс. человек.

Увеличение численности мусульманского населения с середины 80-х годов и, особенно, в 90-е годы связано с притоком в страну иностранной рабочей силы, нехватка которой вызвала внесение ряда поправок в законодательство об иммиграции и рабочее законодательство²⁰. Принятые поправки облегчают въезд иммигрантов. В связи с этим число иммигрантов-мусульман, безусловно, будет возрастать.

¹⁹ The Japan Times. 07.09.2002.

²⁰ См. подробнее: *Маркарян С. Б.* Проблема иммиграции в контексте демографической ситуации в Японии. – Япония, открытая миру. М., 2007, с. 225–245.

В настоящее время исламское сообщество существует в Японии в относительно благоприятных условиях, несмотря на то, что еще 30 лет тому назад в стране сохранялся негативный образ ислама. Специалист по этой проблеме Абу Бакр Моримото писал: «Современная культура, которая в основном является западной, почти целиком пришла в Японию из христианского мира. Поэтому те отрывочные знания об исламе, которые поступили по этому каналу, по очевидным причинам оказались сильно искаженными. Например, образ пророка Мухаммеда, изображенный в «Божественной комедии» Данте, или изображение ислама в трудах японцев-христиан вроде Утимура Кандзо (1861–1930), некритически воспринимались японскими интеллектуалами и простыми людьми как истинный облик ислама. В последнее время у большинства японцев ислам и сами мусульмане также ассоциируются с действиями боевиков или угонщиками самолетов»²¹. В 90-е годы прошлого века предвзятое мнение японцев в отношении ислама стало заметно меняться. Как полагает специалист по исламу из университета Васэда Сакураи Кэйко, большинство мусульман-иностранцев не испытывают в Японии серьезных проблем по сравнению с их единоверцами во Франции или Великобритании. Причину этого она видит в специфике расселения мусульман в Японии и этих странах. Например, в Лондоне они образуют достаточно закрытую и сплоченную общину, а в Японии рассеяны по всей стране.

По мнению самих мусульман-иммигрантов, которое отражается в японских СМИ, им в Японии живется неплохо, и они могут занять определенное место в обществе. Например, индонезиец – школьный учитель Холид Солах, который ранее проживал в г. Джедде в Саудовской Аравии, сравнивая жизнь там и в Японии, высказывается в пользу последней. «Хотя Джедда является мусульманским городом и одним из центров ислама, люди там не всегда правильно следуют мусульманскому пути. В Японии живут не мусульмане, однако их ценности и образ жизни достаточно хорошо согласуется с мусульманским путем»²².

Однако действия международного терроризма, особенно события 11 сентября 2001 г. и их политические последствия могут негативно сказаться на ситуации. Несмотря на отдельные антимульманские действия (звонки в мечети с оскорблениями, публичное уничтожение Корана и пр.), по мнению исламских лидеров, отношение к их конфессии нормальное. Это во многом объясняется тем, что японские

²¹ *Abu Bakr Morimoto.* Islam in Japan: Its Past, Present and Future. Islamic Center Japan. 1980, Tokyo, p. 5.

²² <http://search/japantimes.co.jp/cgi-bin/fl20061024zg.html>

СМИ и научно-экспертное сообщество занимает достаточно благожелательную позицию в отношении мусульман.

«Особенно важно, чтобы при любых обстоятельствах помнить, прежде всего, о добропорядочности людей арабского происхождения в арабских странах, а также о мусульманах всего мира, как о партнерах в деле искоренения угроз терроризма и угрозы мира во всем мире. Необходимо способствовать их активному участию в борьбе за изоляцию террористов, которые паразитируют во всем исламском мире»²³. Японцы, как правило, воспринимают эту религию лишь на самом низшем уровне. Существует также языковая проблема, поскольку весьма сложно переводить религиозную литературу на японский язык²⁴, а также преподавать ислам тем, кто хотел бы заняться его изучением.

В последнее время сократилось спонсирование исламских центров из-за боязни быть обвиненными в финансировании террористов. Это сказалось и на положении Исламского центра Японии, который как религиозная организация существует за счет пожертвований. Уже более 30 лет он занимается информационно-пропагандистской деятельностью, проводит симпозиумы, межконфессиональные встречи, помогает неофитам.

Японцы никак не выделяют мусульман (разве что женщин по платкам, но их носят далеко не все мусульманки) среди общей массы иностранцев. Мусульмане, как и все иностранцы, сталкиваются с одними и теми же проблемами, которые связаны с особенностями японского общества, как такового. В какой-то степени от иностранцев в Японии ожидают, что они окажутся странными и необычными, и о них судят по их внешности и умению общаться. Мусульмане вполне укладываются в этот стереотип, особенно, если они не носят бороды и открыто не демонстрируют свою религиозную принадлежность. Но они ни в коей мере не подвергаются дискриминации. Однако есть специфические проблемы, с которыми сталкиваются, прежде всего, те, кто активно и открыто исповедует свою веру. Правоверному технически трудно соблюдать все положенные обряды (молитвы, посты и пр.). Сетования турка-иммигранта Энсари Энтюрка на то, что одна из самых больших проблем в Японии для некоторых правоверных найти время для молитвы на рабочем месте, выглядят несерьезными на фоне

²³ Ямаути Масаюки. Хиракарэта сьякай то сонно тэки (Открытое общество и его цели). – Гайко форуму. 2002, т.2, № 1. – www.gaikoforum.com.

²⁴ Penn Michail. Islam in Japan. Harvard Asia Quarterly. – www.asiaquarterly.com/content/view/168

наблюдающегося в последнее время роста противоречий между коренным населением и мусульманами в других странах.

В массе иммигранты не навязывают свой образ жизни, ведут себя скромно и часто не афишируют, что они мусульмане. В настоящее время они могут соблюдать свои обряды в нескольких мечетях в больших городах. Например, в г. Иокогама мусульмане выкупили, отремонтировали и приспособили для мечети большое здание. До этого богослужения проходили на частных квартирах. Также поступили и мусульмане в г. Нагоя. Они выкупили в пригороде большое здание бывшего магазина. Мечеть – это больше чем место для молитвы. Она – сердцевина жизни мусульманской общины. Сегодня в Японии существует от 30 до 40 одноэтажных мечетей²⁵. По всей стране, примерно в 60 пунктах, есть специально оборудованные места для молитв. Некоторые из них являются достаточно большими помещениями (например, подвальный этаж большого здания в Киото). Но часто такие молитвенные места устраиваются прямо в жилых домах²⁶.

Однако мусульмане – этнические японцы действительно испытывают некоторое давление. Сакураи Кэйко справедливо замечает, что «отношение японцев к японцам-мусульманам, несколько отличается от их отношения к мусульманам вообще»²⁷. Возможно это объясняется тем, что строгие мусульманские запреты, например, в отношении еды и питья, вступают в противоречие с национальными традициями и могут вызвать осуждение и подозрительность со стороны коллег, например, во время традиционной, новогодней вечеринки (бонэнкай). По словам турка-имамы, японки сохраняют дистанцию в отношениях с его женой-японкой, словно она с другой планеты²⁸. Набожный мусульманин-иммигрант в Японии испытывает определенное давление на работе, если он просит разрешения молиться в рабочее время или соблюдать рамадан, а этнические японцы-мусульмане нередко испытывают давление в семье.

Если мусульмане в повседневной жизни могут испытывать какой-то дискомфорт, то отношение к исламу на дипломатическом уровне показывает, что японское правительство стремится создать благоприятную картину. Всплеск интереса к исламу миру в 70-е годы прошлого века был вновь обусловлен внешнеполитическими проблемами. Произошел своего рода исламский бум на фоне арабского бума

²⁵ The Asia Shimbun. 04.05. 2007.

²⁶ Сообщение проф. Муто (университет Такусёку)

²⁷ Сакураи Кэйко. Нихон-но мусуриму сьякай (Мусульманское общество в Японии). Токио, 2003, с. 106.

²⁸ Islam Online. Net, Japanese Muslims Try to Remove Tarnished Image. 16.07/ 2004.

после нефтяного кризиса 1973 г., особенно сильно захватившего Японию. Во время четвертого арабо-израильского конфликта осенью 1973 г. политическая элита страны впервые ясно осознала уязвимость и зависимость своей экономики от событий, происходящих за многие тысячи километров от Японских островов. В определенной степени эти события повлияли и на психологию народа. Осознав значение Ближнего Востока, располагающего огромными запасами углеводородного топлива, потребность в котором Япония удовлетворяла на 3/4 поставками из этого региона, средства массовой информации страны стали уделять больше внимания исламскому миру в целом, и арабскому – в частности.

Особенно заметным интерес к этому региону стал в начале текущего столетия. В начале 2001 г. бывший тогда министром иностранных дел Японии Коно Ёхэй выступил с инициативой осуществления «Диалога цивилизаций с исламским миром». Необходимость такого диалога назревала давно, поскольку, по словам Коно, «в реальной жизни представления японцев о мусульманских странах недалеко ушли от экзотических картинок «Тысяча и одной ночи». Это был вполне своевременный шаг, поскольку 2001 год был объявлен ООН как «год диалога между цивилизациями». Для подготовки проекта была создана специальная группа по изучению ислама под руководством признанного исламоведа профессора Итагаки Юдзо. Этот проект называли еще «инициативой Коно», который в том же году совершил большую поездку по странам Персидского залива. «Инициатива Коно» включала три важных пункта.

1. Создание в ходе диалога с исламским миром «многоуровневых» отношений и связей с государствами региона через «откровенный и активный диалог ученых и экспертов из Японии и исламских стран»²⁹.

2. Укрепление научной и технической кооперации со странами залива в деле обеспечения и развития водных ресурсов региона.

3. Широкий диалог с исламским миром по вопросам политики в широком смысле этого слова.

Другими словами, это была демонстрация публичной дипломатии японо-мусульманской дружбы. Но главная причина все же лежала в области укрепления экономических связей с мусульманскими странами на фоне обеспечения дипломатической и иной поддержки стратегии США в регионе.

В развитие заявленной инициативы в 2003 г. было проведено первое мероприятие «Японо-арабского диалога». Затем в 2004 г. МИД

²⁹ http://www.mofa.go.jp/Seminar_on_The_Dialogue_among_Civilization:_The_Islamic_World_and_Japan

Японии организовал «Серия семинаров по изучению Ближнего Востока и ислама». Лекции проводились при участии ведущих профессоров и специалистов по заявленной проблеме в разных городах страны (Саппоро, Окаяма, Ямагата, Осака)³⁰ с явной целью улучшить понимание исламских стран именно обществу, простыми гражданами. Однако, по мнению арабского журналиста М. Ибрагима, и мусульманским странам стоит задуматься и понять в чем причина успехов Японии, и как она сочетала модернизацию с сохранением традиций. Он отмечает катастрофическую нехватку подлинных знаний о Японии в исламском мире, поскольку 90% информации и различной аналитики приходит с Запада и из США. Естественно, что в этих материалах преобладают их интерпретация и оценка действий и политики современной Японии³¹.

Ощущается и отсутствие заметных усилий японского правительства по содействию знакомству с исламом в школах, или хотя бы в университетах. Несмотря на упомянутые выше инициативы по налаживанию конструктивных отношений с мусульманскими народами, японской стороной не были проявлены какие-либо инициативы в отношении просвещения общественности в области ислама. Единственным источником информации остаются СМИ. В целом же японцы относятся к исламу скептически, как к полудивуализованной вере, свойственной бедным и слаборазвитым странам. Большинство из них ничего не знают об исламе, и знать не хотят, поскольку им это не интересно. Но вполне возможно, что по мере расширения знаний об исламе все больше японцев заинтересуется этим учением и обычаями. Репутация самой же Японии в исламском мире во многом будет зависеть от проводимого ею в будущем дипломатического курса, который в настоящее время тесно связан со стратегией США в регионе большого Ближнего Востока.

³⁰ <http://www.mofa.go.jp/announce/event/2004/11/1118.html>

³¹ <http://weekly.ahram.org.eg/2005/771/in3.htm>

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЯПОНИЯ – НОВЫЙ ЦЕНТР МАСС-КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

Процесс глобализации к началу XXI в. овладел практически всем мировым пространством и четко поделил мир на центр и периферию. К этому времени глобальные потоки не только расширили свою географию, но и практически завладели основными сферами жизнедеятельности мирового сообщества, подчинив себе не только экономику, но и политику, и культуру, сделав их равноценными составляющими этого всеобъемлющего явления. В такой ситуации вполне правомерно выделять культурную глобализацию как самостоятельный объект научного изучения.

В связи с новыми тенденциями, рельефно обозначившимися в последние десятилетия, заметно поменялась сама траектория процесса глобализации: вместе с его общепризнанным мировым центром – США все более отчетливо заявили о себе на правах так называемых специализированных и региональных центров и другие ведущие государства, в первую очередь Япония.

Под региональным центром, согласно теории известного социолога – одного из основоположников теории глобализации Ульфа Ганнерса, понимается «регион постоянного культурного взаимодействия, обмена и перевода феноменов одной культуры на язык другой» – пространство, обозначаемое им термином «ойкумена»¹. При этом культурные потоки в пределах глобальной ойкумены, по Ганнерсу, не симметричны и не равноценны. Большинство из них однонаправлены, с четким разделением центра, где формируются культурные послания, и периферии, где они воспринимаются. Культурные же перемещения от периферии к центру ограничены.

Переходя от теории к современным реалиям, не трудно предположить, что именно Япония сегодня активно заявляет о себе как о региональном центре мировой глобализации, через который продукты

западной цивилизации поступают в азиатскую «ойкумену». Однако в последние годы подобная конфигурация глобализационных потоков претерпела заметные изменения в связи с набирающими силу процессами регионализации, в особенности в районе Тихоокеанского бассейна. В японской дипломатии сегодня как никогда актуальна идея региональной интеграции, которая в равной степени относится и к культурной сфере.

Решительные шаги Японии в этом направлении удачно вписались в масштабный проект, который получил символическое название «Возврат в Азию». Япония начала свое возвращение к азиатским корням в начале 90-х годов, стремясь к самоидентификации в эпоху глобализации. Инициаторами этого проекта и его участниками вместе с Японией стали несколько новых индустриальных стран, которые объединили свои усилия, прежде всего, в экономической сфере. Однако культурный вектор взаимодействия в этом проекте также представлен весьма широко. Достаточно напомнить о таком заметном художественном событии, как постановка «Короля Лира» Шекспира в 1999 г., – результате сотрудничества театральных деятелей шести азиатских государств: Японии, Китая, Сингапура, Индонезии, Таиланда и Малайзии при финансовой поддержке Японского фонда.

Возвращаясь к теории Ганнерса, необходимо отметить, что подобная асимметричная структура типа центр-периферия – не единая система, покрывающая все измерения культуры и географические регионы, а множественный конгломерат с различными специализированными центрами, которые изменяются и сдвигаются во времени. К таким специализированным центрам Ганнерс относит США (науки, новейшие технологии и массовая культура), Францию (мода и кухня), Японию (корпоративная культура).

И, в действительности, одновременно с региональными функциями Япония пытается поправить свои силы и в роли специализированного центра глобализации, однако значительно расширив сферу своего мирового влияния далеко за рамки корпоративной культуры, отведенные ей в теории Ганнерса. Тем более что уникальный управленческий опыт, базирующийся на традиционных формах социальной жизни, оказался в реальности не столь эффективным для других стран из-за своей узко национальной специфики. Да и сама Япония к этому времени уже перестала удивлять мир своими экономическими и технологическими успехами в результате длительной экономической депрессии, охватившей страну в 90-х годах.

В этой связи в стремлении по-прежнему сохранить за собой лидирующие позиции в мире и активно влиять на мировые процессы Япония

¹ См. подробно: *Hannerz Ulf. Notes on the Global Ecumene. New York, 1989, p. 69–75.*

в начале XXI в. обратила свои интересы в сторону культуры, причем именно культуры массовой, наиболее популярной и легкодоступной по содержанию. Журнал «Time» так определяет эту новую внешнеполитическую стратегию: «Может, как промышленный гигант Япония теряет свои позиции, но роль страны как глобального законодателя многих направлений в современной музыке, искусстве, моде, дизайне и других сферах массовой культуры только начинается... “Покемон” трансплантировал “Могучий Атом” в сердца школьников более чем 65 стран, и 60% всей продукции в анимационной сфере производится в Японии... Японский культурный экспорт за последние десять лет вырос в 3 раза до 12,5 млрд. долл., в то время как промышленный экспорт увеличился только на 20%»².

По образному выражению исследователей М. Аллен и Р. Сакамото, «современная массовая культура Японии сумела заключить союз с глобализацией и поэтому обеспечила возможность своего присутствия по всему миру»³. Речь идет о резко возросших культурных мощностях и государственных амбициях Японии и давней мечте японцев стать центром созданной по своему образу и подобию дальневосточной цивилизации. А это означает, что сегодня Япония все больше позиционирует себя как специализированный и одновременно региональный центр глобализации, постепенно превращаясь из ее объекта в субъект, т.е. активную действующую силу.

Казалось бы, не так давно, в начале 80-х годов, когда Япония достаточно агрессивно покоряла мировое экономическое пространство страны, ее не без основания обвиняли в культурной пассивности, не соответствующей амбициозным стремлениям страны к мировому лидерству. Известный японский писатель, лауреат Нобелевской премии Оэ Кэндзабуро так же, как и многие другие японские интеллектуалы, искренне сокрушался тогда по этому поводу. «Вы все, конечно, знаете, чем замечателен автомобиль “Хонда”, – обратился он к своим зарубежным читателям с горечью. – Но нас, японцев, мало волнует “Хонда”. Нас больше беспокоит то, что наша культурная жизнь вам практически неизвестна!»⁴

Более радикально эту мысль высказал в полемике с известным японским ученым Миёси Масао его западный коллега Эдвард Саид. В работе «Культура и империализм» он указывает на «абсолютное несоответствие между общим национальным возрождением и глобальным доминированием Японии в экономической сфере и ее беспомощным

² Time.. 04.08.2003.

³ Allen M., Sakamoto R. Popular Culture. Globalization and Japan. New York, 2007, p. 12.

⁴ Цит. по: Iwabuchi Koichi. Resentering Globalization. Tokyo, 2002, p. 2.

отступлением перед Западом и полной зависимостью от него в вопросах культуры»⁵.

Стремясь привести в соответствие с экономическими достижениями свой культурный потенциал, а заодно и создать культурные предпосылки для дальнейшего продвижения бизнеса, японские власти с начала 80-х годов взяли курс на активную пропаганду национальной культуры за рубежом, обратившись скорее к ее прошлому, чем к настоящему или будущему. Особый акцент был сделан на ее уникальности и традиционности.

Народам многих стран предлагалось, в первую очередь, увидеть то, что исконно на Западе почиталось как японская экзотика – самурайские фильмы, спектакли средневековых театров Ноо и Кабуки, выставки старинных японских картин, рекламные ролики о красоте японской природы и древней архитектуре, традиционное искусство *икэбана*, показательные выступления борцов сумо и представителей традиционных боевых искусств и т. д. Однако, остановив свой выбор на таком узконациональном ассортименте культурных образцов и уповая исключительно на их самобытность и оригинальность, Япония объективно уже на первом этапе своего послевоенного вхождения в мировое культурное пространство сразу же резко ограничила свои потенциальные возможности для его покорения.

И хотя знакомство с традиционной японской культурой вызвало новую волну интереса к этой стране за рубежом, запросы потребителей большинства государств были ориентированы, прежде всего, на современность, демократичность, универсальность и новые технологии, которые воплощала американская массовая культура, к тому времени уже ставшая единственным и абсолютным лидером начавшейся тогда глобализации.

К концу 90-х годов XX в. сферы влияния на рынках культурной индустрии были разделены между шестью крупнейшими транснациональными корпорациями, определяющими мировую информационную политику: «Сони», «Тайм Уорнер», «Уолд Дисней», «Сиграм», «Ньюс корпорейшн», «Виакон». Характерно, что все они являются владельцами голливудских студий, ставших объектами глобального значения. Их воспринимали как «мастерские идей», определяющие политику, эстетику и формы всех иных уровней культурной индустрии – спутникового телевидения и радиовещания, кабельных сетей, звукозаписи, издательской деятельности.

Причем эта борьба за сферы влияния в культурной индустрии становилась столь же напряженной и острой, какой была борьба за терри-

⁵ Ibid., p. 3.

тории и рынки сбыта в рамках индустриальной культуры. Ведь порой речь может идти о получении прямого быстрого доступа к 50–60 млн. зрителей и слушателей. Как отмечает президент корпорации «Сони» в США Г. Стигер, «каждый дом становится полем битвы»⁶.

Развитие коммуникационных систем и появления новых технологий, кабельного и космического телевидения, компьютерных сетей и т. д. создали единое глобальное коммуникативное пространство, которое нуждалось в новых информационных продуктах именно для массового потребителя, причем продуктах не разового пользования, а способных в течение длительного времени привлекать к себе внимание и генерировать на своей основе новые идеи.

И тогда творческий и технический потенциалы Японии оказались востребованными в полном объеме – от новейших информационных технологий до собственно содержательного наполнения, которое страна смогла предложить миру, хорошо понимая потребности времени и пользуясь тем, что многие государства стремились противостоять волне «американизации», способной уничтожить национальные культурные и духовные ценности.

Эти новые глобальные задачи заставили Японию кардинально переориентироваться в своей культурной стратегии. В обществе и в правительственных кругах росло понимание того, что путь к культурному лидерству лежит не через пропаганду исключительности своей культуры, трудной и малодоступной для широкого понимания, а главным образом через распространение массовой культуры, бурное развитие которой объясняется, в первую очередь, сущностью потребительского общества, а также стремительным развитием новых технологий.

Вслед за этим Япония сознательно сделала выбор в пользу весьма агрессивной формы культурного наступления. Достаточно сказать о том, что бурный рост сайтов, посвященных *анимэ* и *манга* (сейчас их более 10 тыс.) во многом был «спровоцирован» самими японскими компаниями-производителями, заинтересованными в максимально возможном охвате соответствующей аудитории. Именно возможность обсуждения темы в режиме реального времени, мгновенного доступа к графическому и тематическому содержанию делают всех любителей этого жанра постоянными потребителями.

Одним словом, новый курс японской внешней культурной политики, обозначившийся в конце 90-х годов, базировался на трех важнейших факторах: качественно новые технологические возможности предоставления любого продукта, ориентированность на все группы и слои

⁶ <http://www.knogg.net>

населения, готовность адаптации материала под любые региональные и местные условия.

За материальными носителями Японии с начала 60-х годов в виде радио, магнитофонов и другой техники последовала широкая и при этом весьма продуманная кампания внесения в мир носителей уже более высокого порядка – интеллектуального продукта, который оказался востребованным во всем мире. Это стало «второй волной», представившей Японию как высокотехнологичное, динамичное открытое государство.

При этом японское общество раньше, чем многие другие, задумалось над тем, что Японии выгодно не просто активно включиться в глобализационные процессы, но и использовать их в своих интересах. Речь шла о создании нового гуманитарного имиджа Японии и ее культурной продукции, основанной на достижениях ультрасовременных технологий. Сегодня нигде в мире этой работе не придается столь плановый характер, который предусматривает как создание специальных государственных и даже наднациональных институтов, так и регулярный мониторинг происходящих процессов.

В Японии сегодня хорошо осознают огромную роль так называемого культурного экспорта, который в последние годы отнесли к разряду «мягкой силы». При этом приоритет национальных культурных ценностей здесь бесспорен. Их продвижение во внешний мир, прежде всего, должно показать историческую значимость Японии и ее многовековой культуры для глобального наследия. Здесь четко прослеживается логика – понимание Японии возможно только при познании основ ее истории и культуры, а современный культурный слой – это лишь малая ее часть, которая в значительной степени подверглась воздействию различных внешних факторов как идеологических, так и коммерческих. Но именно таким образом открывается кратчайший путь к глубинам японской истории и культуры.

Вот почему предложенная японским Консультативным советом по выработке культурной дипломатии концепция опирается, прежде всего, на пропаганду национальной массовой культуры как стартовой позиции для понимания Японии в целом. «Такие культурные продукты, как *манга* и *анимэ* несут в себе эстетические чувства и традиционное художественное мастерство». Разработчики концепции характеризуют их как «новое выражение культурных традиций страны». «В век, когда обычные люди вовлечены в мировые рынки и оказывают все более возрастающее воздействие на политические, экономические и социальные проблемы, крайне важно предложить им простой путь вхождения в японскую культуру. Как только они окажутся внутри нее, они обнаружат множество других, более глубоких ниш, ожидающих их».

По словам главного разработчика концепции, перед Японией стоит задача «воспитания новой анимэ-генерации»⁷.

По сути дела – это лишь выражение амбициозных устремлений Японии оказывать решающее влияние на формирование новых мировых духовных ценностей. Однако настораживает не только это достаточно агрессивное настроение правящих кругов страны стать «властителями дум» будущего поколения, но и весьма узкий и сомнительный набор тех художественных ценностей и моральных норм, заложенных в той же анимэ, которые рекомендуется предложить миру. Это не может не вызывать озабоченности, тем более, что эти идеи не только планомерно внедряются средствами массовой информации Японии, но и находят сторонников среди зарубежных исследователей, в работах которых в последние годы все чаще стало появляться такое достаточно претенциозное выражение, как «японизация» мира.

Так, исследователи Т. Елгер и К. Смит в своей работе «Глобальная японизация», анализируя проблемы глобального распространения японской системы менеджмента, а также бытовой и духовной культуры, прибегают к такой терминологии и, более того, приравнивают ее значение к понятиям «американизация» или «вестернизация»⁸.

В реальности же о «японизации» говорить пока еще рано, да и вообще крайне проблематично сравнить этот процесс с «американизацией», суть которой состоит в широком распространении американской культуры и соответствующей ей системы приоритетов, ценностей, образа жизни, духовных идеалов и т. д. Известно, что «американизация» обусловлена, как объективными причинами, в первую очередь экономическим и политическим лидерством США в мире, так и субъективными причинами, а именно – целенаправленным распространением североамериканской культуры.

Что этому может противопоставить Япония? Информационные и технологические мощности? Финансовые вливания в сферу культурной дипломатии? Можно задавать тысячи этих и подобных им вопросов, и на каждый из них напрашивается отрицательный ответ. Япония сегодня обходит США в другом: силовым методам американской культурной и идеологической экспансии она противопоставила во много раз более эффективный путь «мягкого проникновения», западным ценностям, набившим оскомину во всем мире и вызвавшим повсеместно критику и негодование, – свои, пока до конца не познанные, а потому представляющие огромный интерес традиционные ценности и

⁷ <http://www.japanecho.co.jp>

⁸ См. подробно: *Elger Tony and Smith Chris. Global Japanization? The Transnational Transformation of the Labour Process. L., 1994, p. 31–59.*

т. д. При этом не была упущена из внимания не только политическая, но и коммерческая составляющая многих японских культурных проектов, предложенных другим странам.

«Японская культура стала большим бизнесом в США... Японская культурная индустрия проникает во все сферы жизни, прежде всего, через поп-культуру и рынок игрушек, который оперирует многомиллиардными суммами..., широта охвата этой продукцией никогда не была столь большой, и она выходит далеко за рамки аудитории каналов, транслирующих мультфильмы», – пишет журнал «Business Week»⁹.

Еще в большей степени этот процесс коснулся азиатских государств. Достаточно сказать, что экспорт музыкальных и телевизионных программ только в девять стран Восточной и Юго-Восточной Азии вырос с 5,5 млрд. иен в 1998 г. до 14,6 млрд. в 2002 г., составив за этот период в целом более 200 млрд. иен. Если в 1971 г. общее число часов японских телепрограмм, подготовленных на экспорт, составляло 2200, то в 1980 г. это число было равно 4585, в 1992 г. достигло 19 540, а в настоящее время превышает 35 тыс. и т. д.¹⁰

При этом ряд специалистов обращает внимание на такое явление, как опосредованная, или непрямая «японизация». Это означает, что продукты японской культурной индустрии попадают в другие страны не непосредственно из Японии, а через другие государства как результат их культурного влияния. На начальном этапе «японизации» культурные продукты распространяются непосредственно из Японии. Спустя какое-то время страны-получатели этой продукции становятся своеобразными вторичными центрами «японизации», создавая матрицу для дальнейшего продвижения этого процесса на достаточно высоком репрезентативном уровне.

Так, например, испанская версия популярного анимэ «Красавица-воин Сейлор Мун», переведенная на испанский язык и адаптированная применительно к местным культурным традициям, была в дальнейшем продана во все страны Латинской Америки. Другой пример – распространение японской кухни в Нидерландах, которая была заимствована из Англии и США. Японский ученый Тамamura Тоё подробно анализирует этот и другие примеры так называемой «опосредованной японизации» в своей книге «Кайтэн-суши по всему миру»¹¹.

Сторонники идеи «японизации» мира признают, что японская массовая культура вторична по отношению к американской, а, значит, ее истоки следует искать в США. Однако главное, на их взгляд, состоит

⁹ Business Week. 26.07.2004

¹⁰ [Kyotoreview.cseas.kyoto-u.ac.jp](http://kyotoreview.cseas.kyoto-u.ac.jp)

¹¹ *Tamamura Toyoo. Kaiten sushi sekai isshu. Tokyo, 2000.*

в том, что мировую популярность она приобрела, в первую очередь, благодаря своим ярким и самобытным национальным особенностям, выгодно отличающим японскую массовую культурную продукцию от культурных образцов других государств. И именно благодаря своей связи с национальной традицией современная японская массовая культура обладает особой притягательностью и необычайно востребована сегодня во всем мире.

Подобные рассуждения не лишены оснований. Однако в действительности в основу современной массовой культуры японцы заложили свое самобытное национальное содержание, но общую структуру, как и многие другие народы, заимствовали все-таки у США. Именно в наличии этой общей для многих стран первоосновы состоит одна из основных причин того, почему современная японская музыка и массовая литература начинают беспрепятственно и стремительно завоевывать не только азиатские, но и американские и европейские рынки. При этом, безусловно, нельзя списывать со счетов и национальную составляющую этого успеха, без которой популярные продукты японской культурной индустрии были бы только дешевым повторением уже существующих западных образцов.

Как отмечает в этой связи культуролог Ивабути Коити: «Япония дает свою интерпретацию западной поп-культуры и тем самым делает ее более простой и привлекательной для остальной части Восточной Азии»¹². По его мнению, прототип современной японской культуры следует искать на Западе. Япония же адаптировала этот прототип и сделала его приемлемым для азиатских государств. По сути, это означает признание того, что и японская поп-музыка, и теледрама, и *анимэ*, имеют свой прототип в западной культуре.

Дело в том, что «основная особенность японской культуры состоит в ее гибкости и современном характере, в способности, сохраняя содержательную глубину и богатство азиатской культуры, одновременно с этим отвечать потребностям всех слоев современного общества без появления дихотомии между азиатской и западной реальностью»¹³. Это означает, что Япония может одинаково эффективно выступать в обоих качествах: как государство с подлинно азиатскими ценностями, так и государство, адаптирующее преимущественно американскую массовую культуру для своего населения и населения стран региона. По мере необходимости та и иная сторона выдвигается на первый план, обеспечивая адекватное восприятие страны самыми различными национальными и региональными аудиториями.

¹² Цит. по: *Befu Harumi. Globalization from Bottom Up: Japan's Contribution. – Japanese Studies. 2003, vol.23, №1, p.9.*

¹³ The Japan Foundation. – Japan-ASEAN Cultural Dialogue Papers. 10.11. 1999, p.3.

Такая двойственность, а говоря словами Оэ Кэндзабуро, «амбивалентность Японии» представляется «ключевым знаком современной японской культуры, позволяющим определить многие ее особенности, в том числе и сосуществование традиционных художественных форм как с массовой американской культурой, так и с высокими образцами европейской классики»¹⁴.

Более того, вероятно, именно эта «двойственность» Японии позволяет современным исследователям ее культуры рассматривать многие культурные факты и явления под достаточно непривычным и спорным углом зрения. До сих пор японские и зарубежные исследователи много и подробно писали о «вестернизации» Японии, понимая под этим приобщение страны к западной цивилизации.

Сегодня же известный культуролог-антрополог Бэфу Харуми, свободно ощущая себя в этом «двойственном» культурном пространстве, возможно, в качестве игры разума или интеллектуальной провокации предлагает взглянуть на процесс глобализации Японии с другой стороны, перевернув наши многие привычные представления «с ног на голову». Именно так называется ее исследование по проблемам глобализации Японии – «Глобализация, перевернутая с ног на голову. Вклад Японии».

В качестве первого «кульбита» она предлагает толковать процесс «вестернизации» Японии одновременно и как «японизацию» Запада, что, по сути, представляет собой преобразование западных образцов с учетом национальных традиций и современных реалий этой страны. В итоге – западный культурный продукт в значительной степени меняет свои первоначальные свойства и зачастую предстает уже как некое культурное новообразование, гармонично вписавшееся в современную жизнь японцев. А это в конечном итоге приводит к тому, что Япония из страны, ведомой Западом, переходит в разряд активно действующей цивилизационной силы, преобразующей не только себя, но и своего своеобразного культурного донора.

Далее незамедлительно следует второй кульбит: это – логический переход от понятия «японизация» Запада к его «азиатизации», что, по существу, представляет азиатский вариант западной культуры. Фактически – это следующий этап преобразования Японией уже адаптированных под себя американских и европейских образцов, правда, теперь уже с учетом национальной специфики азиатских государств, но, как и в первом случае, при абсолютной и неизменной гегемонии Запада. Как указывает Бэфу: «Япония сумела успешно провести работу по переупаковке западных стандартов культуры для азиатского рынка и

¹⁴ <http://www.japantoday.ru>

даже создать во многом новую транснациональную (межнациональную) культуру, востребованную во многих странах мира»¹⁵.

Еще со времени эпохи Мэйдзи Япония являлась источником западных знаний для жителей азиатских стран. Современный же сценарий «азиатизации», по определению Бэфу Харуми, подразумевает «условие, при котором японская поп-культура получает широкое хождение в Восточной Азии и приобретает значительное влияние в этом регионе параллельно с японской экономической экспансией, которая началась со второй половины 80-х годов»¹⁶.

Другой исследователь японской глобализации Игараси Акио в своих рассуждениях идет еще дальше, заявляя о том, что «Восточная Азия превратилась в арену, куда вторгается “японизация” и стремительно подменяет собой “американизацию” Азии». Он также высказывает предположение, что «японизацию Азии» можно считать японской глобализацией¹⁷. Однако подобное заявление – это, скорее, один из разрабатываемых сегодня в Японии амбициозных сценариев расширения своего культурного влияния в мире и, прежде всего, в наиболее доступном для себя азиатском регионе, нежели реальное положение дел.

В Азии сложилась довольно многомерная конфигурация государств. И даже только по этой причине японские представления об Азии и своей роли невозможно свести к нескольким простым формулам. Более того, японскому присутствию здесь по-прежнему противостоит огромное влияние США, не говоря уже о нарастающей конкуренции Китая и других стран.

Для большинства исследователей, занимающихся анализом современной японской культурной жизни, нет никакого сомнения в том, что активные действия Японии по распространению своей культуры в Азии имеют, прежде всего, стратегический характер и базируются на необходимости именно через культуру перешагнуть историческое прошлое, которое до сих пор дает сильные всплески антияпонских настроений, в частности в Корее и Китае. Культура, которая сегодня органично вплетается в систему современных коммуникаций, создает даже при отдельных проблемах весьма позитивный фон для нового имиджа Японии как «глобального игрока», способного в полной степени адаптироваться к новым геополитическим реалиям.

Обратимся к хорошо известному, возможно, даже достаточно ратифицированному примеру – Южной Корее, где и по сей день можно

наблюдать довольно сложную и противоречивую культурную ситуацию. С одной стороны, японская массовая культура пользуется здесь, возможно, самой большой популярностью в Азии, а с другой стороны, до сих пор окончательно не снят запрет на допуск японской культурной индустрии на корейский рынок товаров.

Так, прокат японских фильмов в Корее до 1998 г. был категорически запрещен и являлся уголовно наказуемым действием. Даже американские фильмы, в которых участвовали японские актеры, пробивали себе дорогу на корейский экран с немалым трудом. Нельзя было распространять в Корее и записи японской популярной музыки. Наконец, в самом престижном корейском высшем учебном заведении – Сеульском национальном университете до самого недавнего времени не было кафедры японского языка. Причем этот явный пробел в подготовке будущих специалистов также объяснялся одними и теми же всем хорошо известными причинами.

Причины эти связаны, в первую очередь, с историческим прошлым обоих народов, омраченным вооруженными конфликтами и, более того, 35-летним колониальным режимом Японии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и сейчас все японское, особенно у старшего поколения корейцев, вызывает, по крайней мере, настороженность, которая всячески подогревается местной пропагандой. Однако совершенно иные настроения и культурные пристрастия можно наблюдать в среде корейской молодежи, которая явно тяготеет ко всему японскому. Большинство поклонников японской культуры – молодые люди от 13 до 22 лет. Согласно опросу, проведенному в Сеульском национальном университете, 69,5% респондентов высказались за дальнейшее развитие культурных контактов с Японией, а 55% выразили желание познакомиться с японской культурой серьезнее и глубже¹⁸.

Время решительно берет свое, и корейский антияпонизм приобретает все более поверхностный характер. В конце концов, Япония для корейцев – ближайший сосед и один из крупнейших торговых партнеров Кореи, источник многих жизненно важных технологий, страна с большой и активной корейской диаспорой.

В Корее постоянно растет и без того огромный интерес к современной массовой культуре Японии. Японская печатная продукция составляет более 60% иностранных книг и около 85% иностранных журналов¹⁹. И если легальные японские фильмы продемонстрировали в Республике Корея только в 1996 г. на Пусанском кинофестивале, то поток относительно низкопробных контрабандных аудио- и видеокассет, хлынувший в страну из Японии в последние годы – хороший ис-

¹⁵ Wabuchi Koichi. Recentering Globalization, p.24.

¹⁶ Befy Hurami. Globalization Theory from Botton Up..., p. 9.

¹⁷ Igarashi Akio. Henko suru Ajia to Nihon: Ajia shyakai ni Sintoo suru Nihon no popyura ka-rucha. Yokohama, 1998, p.6.

¹⁸ <http://www.makkawaty.livejournal.com>

¹⁹ Там же.

точник стабильной прибыли для нелегальных «бизнесменов». Кроме того, на регион вещает большое число японских каналов спутникового телевидения, ловить которые в Корее теперь достаточно легко, не говоря уже об Интернете. В стране много подпольных или полуподпольных фэн-клубов.

Возможно, именно долговременный запрет на распространение японской культуры в Корее в значительной степени стимулировал «синдром запретного плода». Но главная причина огромного культурного интереса к Японии, который наблюдается сегодня в Южной Корее, состоит в том, что собственно корейская массовая культура пока еще не получила должного развития, а является более или менее талантливой копией японской. Программы передач радио и телевидения организованы по японскому образцу, многие направления корейской мультипликации, популярной музыки, молодежные телепрограммы (и не только молодежные) во многом скопированы с японских аналогов. Одним словом, массовая и молодежная культура Кореи находится под сильным японским влиянием.

И, тем не менее, не исключен вариант, что через какое-то время корейцы просто устанут от наплыва японской культуры и захотят вернуться к своим национальным истокам. Более того, ряд специалистов, в том числе профессор Чунъянского университета Ли Сан Чхоль, полагают, что «официальная политика, направленная на открытие японской культуры, только усилит конкурентоспособность корейской продукции. В случае же, если она будет запрещена, она все равно будет подпольно внедряться, но приносить гораздо больше вреда, чем пользы»²⁰.

По существу, Япония психологически всегда ощущала себя между Америкой и Азией, хотя «для американского массового сознания крайне трудно признать Японию западной страной и преодолеть образ азиатской, восточной страны, несмотря на ее присутствие в первой тройке по величине ВВП»²¹.

До войны японцы считали себя не столько частью Азии, сколько нацией, призванной цивилизовать ее. Отголоски этих имперских амбиций образца 30-х годов XX в. можно распознать и в нынешнем курсе японского правительства и частных структур. Однако с годами наметилось и коренное отличие в культурной стратегии Японии – сегодня японская культурная дипломатия в Азии есть производная от того, что Рассел называл «культурным империализмом», а не от «империа-

²⁰ Там же.

²¹ Чугров С. С. Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии. Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора социологии. М., МГИМО, 2007, с.338.

лизма силы», господствовавшего в период нарастания милитаристских тенденций²².

Сегодня в Японии много пишут об «азиатской сущности», «национальном аромате» японской культуры, которая якобы именно в силу этих своих особенностей легко резонирует в душе регионального потребителя. Например, Ивао Сумико выдвигает понятие «общий душевный настрой» азиатских народов, Хонда Сино говорит о своеобразии «дальневосточной психики», а Игараси Акио вводит термин «культурные переживания»²³. Один из ведущих японских культурологов Ивабути Коити указывает, в частности, на то, что жители Тайваня, Гонконга и других стран находят японские телевизионные драмы намного интереснее и доступнее, чем американские, в силу близости культурных стандартов, сходства менталитета, а также особого внимания к деталям. То же самое происходит и в других жанрах массовой культуры.

Азиатские слушатели предпочитают японских звезд эстрады американским артистам. «Костюмы, прически, поведение в высшей степени ориентированы на своих зрителей, нежели у западных звезд, поскольку азиатские эстрадные идола более близки к реальности, и в них каждый из поклонников может без всякого труда установить сходство с самим собой, – отмечает в своем исследовании Бэфу. – Именно эта близость между звездой и ее публикой отличает японскую систему создания идолов от голливудской»²⁴. И даже причина необычайной популярности в странах Азии японской моды и японской косметики зачастую объясняется сегодня все той же азиатской общностью, правда, в данном случае физиологического свойства: сходством телосложения, особенностей состава кожи и т. д.

Но здесь возникает вопрос другого рода: только ли общность азиатских корней делает японскую культуру особо привлекательной в глазах многих народов Азии? Почему народы Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии с их древней и весьма разнообразной культурой, большим числом этнических групп с их самобытным фольклором, богатыми духовными традициями и т. д. все-таки стремятся приобщиться именно к современным культурным образцам Японии, а не какой-либо другой страны этого региона?

Ответ во многом прост и парадоксален. Дело заключается в огромном тяготении азиатов к западной культуре, к которой они приобщаются через посредство Японии, успешно адаптирующей западную

²² Там же, с. 167.

²³ <http://cc.msnsnscache.com>

²⁴ Befu Harumi. Globalization Theory from Bottom Up..., p.7–8

культуру к азиатской специфике, а также в тех современных идеях, которые заложены в японских культурных продуктах и стратегически отвечают покупательскому спросу жителей этих стран.

Сегодня аналитики прогнозируют дальнейшее усиление позиции Токио как посредника между Азией и Западным миром в культурной среде, впрочем, оставляя достаточно обширное пространство и для действий в этом направлении Китая, который пользуется все большим влиянием в регионе. По утверждению английского японоведа Г. Хука, сегодня «трехсторонняя связь между Японией, Соединенными Штатами и Восточной Азией символизирует характер глобализации в этом регионе. Он включает как глобализацию Соединенных Штатов в Японии и Азии, так и глобализацию Японии в Азии»²⁵. Причем роль, которую Япония играет сегодня в АТР, по-прежнему тесно связана с ролью, которую она играет на глобальном уровне.

В этой связи перед Японией стоит ряд достаточно сложных проблем, в первую очередь, языковая. Ведь ни для кого не секрет, что именно английский язык сегодня является языком глобализации, одним из действенных средств для поддержания гегемонии США в мире. Японским же языком пока еще владеет лишь небольшая часть населения, преимущественно в Азии, не говоря уже о других странах. А по-сему он мало приспособлен для широкого применения в коммуникативном пространстве.

Это означает, что огромные возможности, которые таит в себе глобальная информационная сеть, по причине главным образом лингвистического характера не могут быть реализованы японцами. В этой связи японские правительственные и общественные круги прилагают огромные усилия для распространения в мире японского языка и даже вынашивают далеко идущие планы, направленные на то, чтобы придать японскому языку статус официального языка ООН. Однако результаты этих действий пока далеки от поставленных задач. Вместе с тем следует признать, что японское культурное присутствие в Азии более органично и естественно, нежели деятельность западных стран и, в первую очередь, США. Более того, оно зачастую воспринимается как своего рода оппозиция американскому образу жизни.

В многочисленных книгах и исследованиях по проблемам глобализации нередко высказывается мнение об усиливающейся тенденции к однообразию мира. Расхожий образ нашего времени – люди на разных концах планеты едят гамбургеры из «Макдональдса» и запивают их кока-колой. И в то же время все сильнее раздаются призывы к отри-

²⁵ Цит. по: *Чугров С. С.* Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии, с. 338.

цанию этой тотальной гомогенизации, к отстаиванию способности креативной адаптации местных культур, способных отразить напор этих гомогенизирующих сил. Сегодня уже очевиден факт весьма существенного взаимодействия глобализации и национальных, и этнических культур.

Говоря о будущем культурной составляющей глобализации, известный социолог Ульф Ганнерс предложил несколько сценариев ее дальнейшего развития. Наиболее реальным из них для Японии и азиатского региона, по всей вероятности, является так называемый «сценарий созревания». Он предполагает не просто слепое восприятие культуры, привносимой из центра, а диалог и обмен между центром и периферией на равных. В этом процессе проникающая культура метрополии обогащается некоторыми ценностями периферии, а на местах дается собственная интерпретация привнесенным идеям и т. д.

В результате образуется единый сплав внутренних и внешних элементов. В подобных процессах глобальная культура играет роль стимулятора, способствующего обогащению местных культурных ценностей. В то же время она приобретает специфические черты сообразно местным условиям.

Различие культур остается, но их развитие оживляется под влиянием центра. Представители периферийной культуры выступают в качестве посредников: они отбирают импортируемую продукцию в соответствии со своими культурными вкусами и потребностями.

Речь идет о таком явлении, как «глокализация», – достаточно распространенном варианте глобализации в ее локальной форме. По сути дела, «глокализация» – это понятие глобальной культуры. Но с существенными изменениями, обусловленными синтезом с традиционными формами. При этом вступление в глобализационный процесс национальных культур вдохновляется собственными силами. В большинстве случаев эти глобальные и локальные процессы, в конечном счете, пересекаются и взаимно дополняют друг друга, хотя в ряде конкретных ситуаций могут привести их к столкновению.

Япония во многом является пионером в области «глокализации». Даже само лексическое новообразование – «глокализация» – было предложено руководителем японской корпорации «Сони» Морита Акио, а затем обрело сторонников в других странах на XXII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде (1990 г.).

В процессе «глокализации» модернизирующиеся локальные культуры соединяются с глобальной культурой. Культурный продукт перемещается из места своего производства в иную культурную среду. При этом он вынужден адаптироваться к новым культурным услови-

ям. Культурные антропологи назвали этот процесс «культурным изменением» или «креолизацией» культурной продукции.

На этом пути внедрение продуктов культурной индустрии требует знания рынка и понимания внутренних особенностей потребительского поведения, а также методов корректировки этого товара с тем, чтобы максимально учитывать специфику населения и наиболее эффективно внедрять предложенный культурный продукт.

Например, продвижение *манга* и *анимэ* в другие страны сопряжено с рядом объективных сложностей, прежде всего, связанных со спецификой японского национального образного мышления, которое в значительной степени отличается от художественных традиций других народов. Эта специфика в значительной мере определяет особенности художественного языка японской комикс-культуры. Сам ее основатель Осаму Тэдзука сравнивал *манга* с египетскими иероглифами, без знания которых невозможно прочесть древние манускрипты.

Подобным же образом, не зная символику, не владея визуальным словарем и основами чтения *манга*, не имея представления о своеобразном национальном культурном коде, ассоциативных образах и т. д. трудно понять художественные достоинства и порой глубину содержания многих японских *манга* и *анимэ*. Вот почему в большинстве случаев, широкое распространение японской комикс-культуры в других странах требует большой адаптационной работы.

Так, исследователи Кубо Масакадзу и Анна Эллисон указывают на то, что такие популярные в Японии *анимэ*, как «Принцесса Момонокэ» и «Красавица-воин Сейлор Мун» не получили успеха в Америке исключительно потому, что не были хорошо адаптированы к художественным вкусам американской аудитории²⁶. Вовремя получив из этого провала полезный урок и хорошо проанализировав причины поражения, японские прокатчики «Покемонов» провели огромную работу по адаптации ленты к американскому рынку. Адаптации были подвергнуты имена героев, музыкальное сопровождение, сюжет и т. д. На это было потрачено около 700 тыс. долл.

Процесс «креолизации» практически неизбежен в любой ситуации, при этом в одном случае стратегией успеха внедрения продукта на зарубежном рынке может стать сохранение в максимальном объеме его национального своеобразия, тогда как в другом случае необходима его кардинальная трансформация. Так, французская торговая сеть супермаркетов «Carrefour» (крупнейшая сеть в Европе) потерпела поражение на рынках Японии и Южной Кореи в 2005–2006 гг. Японские

²⁶ Kubo Masakazu. Why Pokemon was successful in America? – Japan Echo. 2000, vol.27, №2, p.78–87.

потребители стремились увидеть и попробовать «вкус Франции», а получили очередной стандартный магазин. Цена ошибки составила 320 млн. долл.

Как показывает этот пример, культурную, экономическую и иную специфику каждого региона вынуждены учитывать в своей стратегии даже известные мировые бренды.

Типичный феномен в процессе глобализации – это война между традиционалистами и местными адаптерами японской продукции в споре о дозволенных границах в «креолизации» продукта. В роли традиционалистов обычно выступают японцы, в обязанности которых входит пропаганда национальной культуры. Так, например, первые попытки в распространении спортивной борьбы дзюдо в других странах мира предполагали строгое соблюдение не только правил борьбы и всех японских ритуалов, но и облачение в весьма тяжелые красочные почти театральные костюмы, совершенно не приемлемые для занятия спортом в понимании европейцев.

Итогом борьбы стала победа западных спортивных функционеров, хорошо владеющих местными спортивными традициями, и потому быстро приобщивших местное население к этому новому для них виду спорта. В конечном счете, японские традиционалисты достигли поставленной цели, сделав дзюдо международным видом спорта, правда, при этом они пожертвовали рядом элементов национальной атрибутики.

Для товаров же культурной индустрии большое значение приобретает ценностный показатель, заложенный в имидже страны-производителя. В этом кроется достаточно простой ответ на логичный вопрос: почему рестораны «Макдональдс» и их неперменный атрибут – гамбургеры так популярны в Азии без какой-либо местной адаптации. По мнению Ивабути, «дело здесь в досконально продуманном и великолепно созданном образе страны-производителя этой продукции, в данном случае – в ассоциации с привлекательным имиджем американского стиля жизни»²⁷. Другими словами, речь идет о своеобразной добавленной стоимости в этот продукт в виде ореола мировой популярности американской массовой культуры, которая затмевает собой достаточно низкие вкусовые качества американской пищи.

В случае же с японскими товарами дело обстоит намного сложнее. Для одних народов лаконичная приписка «сделано в Японии» сразу же делает товар необычайно привлекательным и ассоциируется с многовековой культурой, передовыми современными технологическими и мировыми экономическими достижениями. Для других же – только с

²⁷ Цит. по: Befu Harumi. Globalization Theory from Bottom Up, p.11.

негативными событиями военного прошлого и т. д., что приводит в конечном итоге к переносу отрицательных эмоций от восприятия самой страны на произведенный там продукт.

Ученый Кристина Роша, занимаясь вопросом распространения в Бразилии японской чайной церемонии, приходит к выводу, что только благодаря потомкам японских иммигрантов, живущим в Бразилии, которые бережно сохраняют национальные традиции чайной церемонии, местные жители стали проявлять большой интерес к этому древнему японскому ритуалу и обучаться ему. «В Бразилии так же, как и во многих других странах, наблюдается мода на все японское, которое ассоциируется с экзотикой и изысканностью, – заявляет она. – Япония стала первой неевропейской супердержавой, которая стала восприниматься в Бразилии как модный культурный тренд, одновременно с этим не лишенный элементов мистики и шика. Наверное, именно это мистическое очарование стало основной мотивацией для бразильцев, побудившей их изучать чайную церемонию»²⁸.

Замечено, что в тех случаях, когда Япония ассоциируется с тем или иным позитивным явлением, даже японские названия, к примеру, ресторанов национальной кухни, приобретают особую привлекательность для его посетителей. И, наоборот, в тех случаях, когда подобные ассоциации вызывают определенное отторжение у местных жителей, национальная специфика даже в лингвистическом отношении по возможности нейтрализуется.

При этом японское происхождение культурного продукта зачастую рассматривается больше через призму его качества, нежели с географической точки зрения. Так, по заключению ряда исследователей, рекламируя свои товары в Китае, японские компании особо подчеркивали их происхождение, рассчитывая на преклонение китайцев перед высочайшим качеством японских товаров. Расчет был сделан на то, что негативный образ Японии военных лет ушел в прошлое и полностью вытеснен послевоенным представлением об этой стране как о мировом индустриальном и технологическом гиганте.

Но как быть в том случае, если этот или другой негатив восприятия так и не удастся преодолеть? Каким же путем разрешается эта достаточно большая идеологическая и психологическая проблема или культурный конфликт?

Первый путь для его разрешения – нейтрализация чувства враждебности в отношении Японии в умах жителей этого региона путем создания психологической дистанции между современным японским государством, производящим высококачественную и привлекатель-

²⁸ Ibid., p.16.

ную культурную продукцию, которая представляется азиатскому потребителю, и страной, заклеившей себя позором военного прошлого. На первое место выходит потребительский интерес.

В то время как прагматическое нейтральное отношение к национальной принадлежности того или иного культурного продукта или же следование принципу «разделения духовных ценностей» – это процессы, инициируемые самим потребителем, то принцип «корпоративной анонимизации» товара может быть применен исключительно к самому производителю.

Поясним: японская корпорация вправе выбрать для своего названия любое слово, в том числе не японского, а английского происхождения, например: «Сони», «Панасоник», «Никон», поскольку японское имя может создавать дополнительные сложности на иностранном рынке. Заметим, что та же фирма «Панасоник» имеет другое название для внутреннего пользования – «Мацусита дэнки».

Еще один пример: Куроки Ясуо – изобретатель «Sony Walkman» прямо заявляет о том, что «корпоративная стратегия “Сони” заключается в том, чтобы минимизировать либо нейтрализовать в товаре японскую идентичность, чтобы избежать всевозможных покупательских ассоциаций с продукцией Японии военного прошлого»²⁹.

Товар сам по себе может подлежать «анонимизации». Так, анимационные фильмы, направляемые на экспорт, могут быть подвержены серьезной редакции, полностью лишившись своих ярких национальных черт. Одна из причин успеха всемирно известного шоу для детей «Могучие Морфины. Инопланетные рейнджеры» состоит в серьезной работе по адаптации его к вкусам американских зрителей. Раскрутка этого проекта принесла его бывшему хозяину – американскому бизнесмену Хайму Саману – всемирную популярность и огромное состояние. Однако родина рэйнджеров – вовсе не Америка, как многие ошибочно полагают здесь, а Япония. Именно там они впервые появились в 1975 г. в форме детского телешоу и именно оттуда попали уже в США. Первые эпизоды американской версии приключений пятерки отважных подростков, вставших на защиту Земли от вселенского зла, увидели свет лишь в 1993 г.

Практически в большей части *анимэ*-продукции, идущей на экспорт, заранее буквально «вымарываются» все его чисто национальные черты, чтобы таким образом заранее обезопасить себя от всякого рода потенциальных вопросов, которые могут возникнуть у иностранного зрителя. Особенно тщательно это по известным причинам продлевается, в частности, в Корее: японский национальный флаг заменяется

²⁹ Цит. по: *Befu Harumi. Globalization Theory from Bottom Up...*, p.17.

на корейский, японское написание слов превращаются в корейское и т. д.

Однако «анонимизация» – освобождение культурной продукции от каких-либо признаков ее национальной принадлежности – совсем не обязательно приводит к ее универсализму. Роботы и киберги, например, не нуждаются в такой «анонимизации» для азиатских стран, в первую очередь, потому, что в местной культуре существуют похожие персонажи, а не из-за того, что они носят универсальный характер.

«Анонимизация» всегда специфична в зависимости от страны или от группы стран, куда экспортируется культурный продукт. Например, название продукта на западный манер или сам продукт могут восприниматься как универсальные, но только не в западных странах, потому, что они, в особенности США, весьма дорожат своей культурной гегемонией в мире.

Американская исследовательница *анимэ* Анна Алисон прямо указывает на то, что товары японской культурной индустрии, по сути дела, сегодня лишаются всякой национальной окраски³⁰. Примерно того же мнения придерживается и ее японская коллега Сираиси Сая, которая утверждает, что эта национальная «безликость» японской культурной продукции делает ее универсальной, т. е. легко экспортируемой в любые уголки мира³¹.

Для современной Японии уже не актуален вопрос о разделении своей культурной продукции на «национальную» и «глобальную». В своей культурной политике, характеризующейся все возрастающей активностью, Япония, прежде всего, выступает в качестве креативной силы, способной формировать глобальные культурные феномены, отталкиваясь от своего национального восприятия мира. Технологии XXI в. делают возможной практически мгновенную адаптацию любого национального продукта в глобальный, причем собственно «японское начало» может на протяжении довольно короткого времени потерять свое первоначальное значение, но при этом остается целая система конечной идентификации продукта именно как японского.

Прорыв Японии в культурной глобализации во многом был обеспечен тем, что создатели различных брендов в этой сфере выступили именно как глобальные «креативщики», отодвинувшие на второй план национальный аспект. Они сразу рассчитывали не только на близкий азиатский мир, но и на новое поколение мира в целом, для которого телевидение и компьютер являются определяющими источниками формирования культурных ценностей и духовных интересов.

³⁰ Ibid., p.17.

³¹ Ibid.

Именно поэтому разработчики во многом начинали с «внеземных» тем, создавая свой фантазийный мир, где каждый мог не только следить за действиями героев, но и домысливать, дополнять сюжет сам, в том числе с помощью товаров, сопутствовавших проекту, – кукол, наклеек, раскрасок журналов и т. д.³²

Фактически сегодня Япония и идеологически, и коммерчески, и технологически начинает формировать новую мировую среду обитания, в которой национальность потребителя в конечном счете не важна. Создается такой новый продукт, который, ассоциируясь по базовым признакам с Японией, тем не менее, носит универсальный характер и обеспечивает глобальное проникновение на мировой рынок.

Обеспечивая возможность трансформации культурных ценностей Запада для Востока и прилагая максимум усилий для вывода продуктов национальной культурной индустрии на мировой рынок, Япония представляет собой сегодня уникальное явление в глобализирующемся мире, делая возможным во многом качественно новый межкультурный диалог. Многие культурные проекты, созданные в Японии, сегодня формируют направленность целых сфер духовной и материальной жизни действительно в глобальном масштабе. Другими словами, речь идет о том, что Япония как новый региональный центр глобализационных процессов в культурной сфере все в большей степени вовлекается в процесс создания нового глобального культурного пространства. По сути, она формирует новый образ жизни и мышления для миллионов людей как на Западе, так и на Востоке.

³² Только от продажи игрушек и других сопутствующих товаров, связанных с продвижением популярной ленты «Красавица-воин Сейлор Мун» на мировые экраны, одна из крупнейших японских компаний, специализирующаяся на мерчендайзинге, «Сарио» получила от своих зарубежных продаж в 2001 г. прибыль в 50 млн. долл., причем большая часть этой суммы была выручена в США.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЭЙГО: АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Проблемы так называемой глобализации в языковой сфере имеют два основных направления: использование в различных странах английского языка и его влияние на другие языки, но эти направления в Японии никогда не шли параллельно друг другу.

Период интенсивной европеизации Японии начался с 50-60-х годов XIX в. При этом с самого начала из всех западных языков наибольшее значение имел английский, занявший место преобладавшего до того голландского языка. Поначалу через устное общение с посещавшими Японию американцами и англичанами сформировались японо-английские пиджины, распространившиеся в Йокогаме и других портовых городах¹. Однако такой вид культурных контактов не стал определяющим, а пиджины к началу XX в. постепенно исчезли. Они вновь возродились в период оккупации для общения американских военных с местным населением (так называемый бамбуковый английский), но и тогда оказались недолговечными. Ведущую роль уже в эпоху Мэйдзи (1868–1912), как и позже, стало играть освоение западной книжной культуры, связанное с обучением иностранным языкам в учебных заведениях и письменными заимствованиями.

В эпоху Мэйдзи для некоторых деятелей японской культуры европеизация казалась неотделимой от овладения западными языками, в первую очередь английским. В самом радикальном варианте предлагалось отказаться от японского языка, в более умеренном варианте речь шла о массовом японо-английском двуязычии. До начала XX в. в первых университетах западного типа, созданных в Японии, преподавание частично или даже полностью шло на английском языке. Видный государственный деятель эпохи Мэйдзи Мори Аринори всерьез

¹ Stanlaw J. Japanese Language: Language and Culture Contact. Hong Kong University Press. 2004, p. 57–59.

думал о замене японского языка английским и даже переписывался по этому поводу с крупнейшим американским лингвистом тех лет Д. Уитни, который отнесся к таким планам скептически².

Однако на деле не только не реализовались подобные утопии, но не сложилось и массовое двуязычие. Иностранные языки, в это время не преподававшиеся в школе и изучавшиеся лишь в вузах, остались достоянием узкого слоя культурной элиты. По мнению видного японского социолингвиста Судзуки Такао, их до 1945 г. знал 1–2% населения³. Победил более естественный для Японии вариант, при котором не происходило резкого прерывания традиций, а заимствованные знания становились составной частью японской культуры. Так это в прошлом произошло с китайскими знаниями, теперь наступило время натурализации западной культуры, включая языковую культуру. Новые понятия выражались не на иностранных языках, а на японском языке, либо через калькирование (большей частью словами китайского слоя лексики), либо через заимствования (называющиеся с того времени *гайрайго*, буквально «слова, пришедшие извне»).

Гайрайго приходили из разных языков, но уже к концу эпохи Мэйдзи 75% всех заимствований составляли заимствования из английского языка⁴. Так что преобладающее влияние именно этого языка на японский язык обозначилось задолго до оккупации. При этом Япония не была ни британской или американской колонией, ни страной, зависимой от Великобритании или США, а мировая роль английского языка тогда еще не была столь значима, как позже. Но Япония уже в конце XIX в. и в первой половине XX в. в этой области столкнулась с процессами, которые в наши дни принято относить к глобализации. По выражению Судзуки Такао, во времена Мэйдзи *kangaku* (наука, изучавшая китайские тексты и китайскую культуру) превратилась в *eigaku* (науку об английских текстах и англоязычной культуре)⁵. Посетивший Японию в 1926 и 1932 гг. советский писатель Б. А. Пильняк замечал, что Япония не европеизируется, а американизируется⁶. Отличие данного периода от послевоенной эпохи, однако, состояло в том, что заимствования могли приходиться в японский язык не только из американского, но и из британского варианта английского языка. Теперь же этот вариант в Японии почти не известен, а японцами, хорошо знающими английский язык, иногда даже воспринимается как

² Ibid., p.64–65.

³ Suzuki Takao. Kotoba no chikara. Tokyo, 2006, p.232.

⁴ Stanlaw J., Japanese Language..., p.68.

⁵ Suzuki Takao, Kotoba no chikara, p.230.

⁶ Пильняк Бор. Камни и корни. М., 1935, с.76.

американский диалект (его могут путать с диалектами Новой Англии, более всего похожими на британский вариант).

Период американской оккупации (1945–1952) усилил влияние английского языка в Японии, но оно более всего проявилось в увеличении количества *гайрайго*. Заимствования в последние 60 лет приходят в японский язык почти исключительно из американского варианта английского языка. По данным Государственного института японского языка, в начале 70-х годов заимствования из английского языка составляли 94,1% всех *гайрайго*⁷, но из оставшихся 5,9% много старых заимствований XVI–XIX вв. и начала XX в. Число заимствований из английского языка в японский очень велико. По данным массового обследования языка, в 70 японских журналах разных жанров, вышедших в 1994 г., из 45 385 слов, зафиксированных хотя бы раз в выборке, заимствований из западных языков (*гайрайго*) оказалось 15 779, т. е. примерно более трети (34,8%)⁸, а среди них более 90% составляют заимствования из английского языка в американском варианте.

Ряд сфер жизни в Японии почти целиком отдан американизмам. По подсчетам, приведенным в книге Л. Лавди, они составляют 53% терминов менеджмента, 75% терминов маркетинга, 80% торговых терминов и даже 99% компьютерной терминологии⁹. Их очень много и в сферах спорта, туризма, эстрадной музыки, кулинарии, моды, потребления (в меньшей степени производства!) бытовой техники и пр., т. е. во всех сферах массового потребления. Например, в названиях парфюмерных и косметических товаров они составляют 97%¹⁰. Обычно, чем больше та или иная сфера связывается с престижным потреблением, тем больше там *гайрайго*¹¹. Огромное их количество содержится, например, в женских и молодежных журналах, т. е. опять-таки в жанрах, ориентированных на престижное потребление.

Распространение американизмов в японском языке постоянно обгоняло распространение английского языка не только в довоенные, но и в послевоенные годы, хотя после войны обучение этому языку значительно расширилось. Школьное изучение иностранных языков почти отсутствовало в Японии до второй мировой войны. Оно было введено в 1947 г., т. е. во время американской оккупации. Многие считали, что

⁷ Stanlaw J. Japanese Language..., p.12–13.

⁸ Gendai zasshi no goi choosa 1994 nen hakkoo 70 shi KKK. Tokyo, KKK, vol.1–2. 2005–2006, vol.1, p.32.

⁹ Loveday L. J. Language Contact in Japan. A Socio-Linguistic History. Oxford, 1996, p.101–103.

¹⁰ Tsukamoto Kunio. Gairaigo koozui ni ukabu hookoo. – Gairaigo. Tokyo, Kotoba-Yomiuri, 1993, p.44.

¹¹ Stevens C. S. Japanese Popular Music: Culture, Anthropology and Power. London – New York, Routledge, 2008, p.140.

английский язык станет для Японии «окном в мир». Тогда же учебные другим языкам в вузах в основном заменили изучением английского языка, а преподавателей других языков переучивали¹². Это в основном сохраняется и сейчас. Лишь в 551 школе во всей Японии преподаются другие языки, а в вузах, где нет официальной обязательности преподавания именно английского языка, из тысячи студентов лишь около десятка изучают иные языки¹³. Считается, что английский язык учат во всех средних школах, в 70% повышенных средних школ (*кото-гакко*) и во всех вузах¹⁴. Важный компонент японской образовательной системы – сложный вступительный экзамен по английскому языку при поступлении в вуз, на который уходит много сил и часто средств, поскольку требуются репетиторы. Нередко японцы потом вспоминают этот экзамен как момент жизни, когда им в наибольшей степени или даже единственный раз понадобился английский язык.

Английский язык в Японии считается очень престижным, его оценки, по крайней мере для явного большинства японцев, высоки. Отсюда можно было бы сделать вывод о его хорошем знании ими. Однако это не так, как бы это ни казалось странным. О трудностях в освоении японского языка в Японии пишут очень многие. Особенно много информации такого рода содержится в книге¹⁵, представляющей собой собрание интервью с японскими преподавателями английского языка и иностранцами, живущими в Японии.

И в японских, и в иностранных публикациях постоянно пишут, что в Японии плохо знают английский язык. Стандартны жалобы на то, что японцы не могут полноценно общаться с иностранцами, не могут рассказать о своей стране за рубежом и пр. И тому есть объективные подтверждения. Вот пример, относящийся, правда, к началу 90-х годов. Во время одного из международных исследований сравнивался уровень владения английским языком в 152 странах, и Япония оказалась на четвертом месте от конца, ниже Ирана, Индонезии и Эфиопии¹⁶. Но, по данным Н. Готлиб, сходные результаты были получены и в 1998 г., когда Япония оказалась на 180-м месте среди членов ООН и на последнем месте в Азии, и в 2001–2002 гг.¹⁷

Эти оценки могут показаться односторонними. Но вот данные, приводимые Л. Лавди. Он опросил 461 информанта разного возраста и разных социальных слоев. Все они учили в школе английский язык,

¹² Gottlieb N., Language and Society in Japan. Cambridge University Press, 2005, p.31.

¹³ Ibid., p.33.

¹⁴ Stanlaw J. Japanese Language..., p.17.

¹⁵ Endoo Hachiroo (ed.). Nihonjin no eigo, gaikokujin no nihongo. Tokyo, Sanseidoo, 1995.

¹⁶ English in Japanese Society: Language within Society. – Multilingual Japan. Clevedon – Philadelphia – Adelaide, 1995, p.58. Loveday L.J., Language Contact in Japan, p.99.

¹⁷ Gottlieb N. Language and Society in Japan, p.32, 70.

но из них 54% заявили, что с того времени забыли его полностью, лишь 9% используют его на работе (в основном в виде чтения), 5% говорят со знакомыми, 0,4% пользуются дома¹⁸.

Вместе с тем английский язык в той или иной степени учили практически все, сейчас около 95% японцев кончают повышенную среднюю школу. В Японии учатся в школе 12 лет: шесть в начальной школе, три в средней, три в повышенной средней. Велик процент тех, кто оканчивает вузы (более трети населения). И с первого класса средней школы в число обязательных предметов входит английский язык, т. е. учить его начинают с 12 лет. Маленькие дети его, однако, совсем не знают, и учить его, помимо школы, в раннем возрасте в Японии не принято. Это иногда рассматривается как одна из причин низкого знания английского языка.

Тем не менее, как отмечают японские авторы, за десять лет обучения языку японцы не выучиваются ему. Разумеется, у всех остаются в памяти какие-то слова и простые фразы вроде «*I love you*» или «*It is a pen*», это может помогать в усвоении заимствований (*gaijūraiō*), но если задать японцу простой вопрос вроде «*Am I in Tokyo?*» – «Я нахожусь в Токио?», то велика вероятность того, что он не поймет и не сможет ответить¹⁹.

Причин, как всегда в подобных случаях, может быть несколько. Уже говорилось о позднем (12 лет) начале обучения языкам. Другой причиной считают консервативную и архаичную систему преподавания, основанную на изучении грамматики и чтении художественной литературы. Жалобы на нее постоянны. Столь же архаичны и вступительные экзамены в вузы по английскому языку, названные Дж. Стенлоу «викторианскими»²⁰, часто призывают их изменить или отменить вообще. Как пишет один из авторов, студентов учат Шекспиру, вместо того чтобы учить языку своей специальности²¹. Особенно отстаёт обучение языковой коммуникации. Полагают, что если в последние десятилетия в Японии и стали знать английский язык лучше, то не благодаря преподаванию. Живущая в Японии американка даже заявила, что Япония – самое трудное в мире место для изучения английского языка. Жалуются и на малое число часов на освоение английского языка, особенно в повышенной средней школе.

Но все же главная причина – отсутствие мотивации. Как пишет Л. Лавди, в школе английский язык – один из самых непопулярных

предметов, и, как отмечали те же его информанты, существенная мотивация для знания английского языка возникает у многих один раз в жизни: при подготовке к вступительному экзамену. Без сдачи сложного, пусть даже архаичного экзамена нельзя поступить ни в один престижный вуз. А потом языком пользуются обычно лишь выпускники, которые связаны с ним профессионально (например, работают во внешне-торговой фирме или занимаются обслуживанием иностранцев), да еще, пожалуй, специалисты, которые должны читать англоязычную литературу, но далеко не всегда свободно говорят по-английски. Улучшению знания иностранных языков не помогает даже значительное расширение путешествий японцев за рубеж, поскольку чаще всего они ездят группами с переводчиком, общаясь во время поездок лишь между собой. Вывод: пока английский язык не нужен после школы, его не будут учить и в школе. Сходные выводы и у японских авторов²².

В том числе они жалуются на то, что многие забывают английский язык после поступления в вуз. Даже сейчас, когда интерес к этому языку стал возрастать, студенты естественных специальностей не очень стараются им овладеть. Специалисты отмечают, что именно в начальной школе, где иностранные языки почти не изучают, у детей легче всего возбудить к ним интерес, но потом мотивации теряются²³.

Данная ситуация вызывает у российского читателя знакомые ассоциации. У нас, правда, в школе изучали не только английский язык, а в Японии его изучение было и остается обязательным для всех, но эффект был примерно таким же (впрочем, процент читавших на иностранных языках литературу по специальности, скорее всего, в СССР был выше 9%, отмеченных у Л. Лавди). В обеих странах миллионы школьников и студентов учили английский язык, почти у всех в памяти сохранялись отдельные слова и фразы, что облегчало процесс заимствования. Английский язык в СССР также был престижным, однако лиц, свободно им владевших, было немного. И методика преподавания чаще всего была сходной (грамматика и классическая литература), и отсутствие должных мотиваций. В СССР потребность читать иностранную специальную литературу тоже возникала чаще, чем необходимость общения с иностранцами; в обеих странах за рубежом чаще выезжали группами с переводчиком.

В последние 15 лет в России мотивации изучения английского языка резко увеличились, что привело к росту активного владения этим языком. При этом вряд ли можно считать, что современная Россия

¹⁸ Loveday L. J., Language Contact in Japan, p. 175–176.

¹⁹ Stanlaw J. Japanese language..., p.286.

²⁰ Ibid.

²¹ Endoo H., Nihongin no eigo..., p.193.

²² Endoo H., Nihongin no eigo..., p.30-31; Oda Masaki. «Chikyūguo» to shite no eigo. – Eigo temboo. – ELEC Bulletin, №115, 2007, p.24.

²³ Eigo temboo. – ELEC Bulltin. 2007, №115, p.55.

более интегрирована в мировую экономику, чем Япония. Но интеграция Японии, на первых порах (40-е годы – начало 60-х годов), безусловно, способствовавшая лучшему знанию английского языка, тем не менее, не привела к его широкому распространению среди населения. Японские авторы отмечают, что, не смотря на то, что в начале 60-х годов наблюдался бум в изучении английского языка²⁴, потом интерес к нему несколько угас, снова возродившись лишь в 90-е годы. У нас американская массовая культура стала престижной еще во времена экономического и политического противостояния СССР и США, и в СССР к концу его существования отсутствие мотивации для изучения английского языка, особенно в разговорном его варианте, имело в основном внешние причины. А когда внешних преград не стало, изучение английского языка стало достаточно массовым. Но в Японии при отсутствии значительных внешних препятствий сохраняются внутренние преграды. Культурные барьеры между Японией и США оказываются более значимыми, чем экономические и, тем более, политические.

Впрочем, хотя в Японии английский язык знают хуже, чем во многих странах, нельзя считать японскую ситуацию из ряда вон выходящей. В современном мире владеют английским языком многие, но по-настоящему свободно им может пользоваться меньшинство, причем в крупных странах знатоков даже меньше, чем в малых. В книге Дж. Стенлоу приводятся следующие данные социологического опроса в странах Европы. Лишь 3% граждан Франции, Испании, Италии могут свободно понимать оригинальные англоязычные телепередачи, и только в Скандинавии и Бенилюксе их число превышает 10%²⁵. Отмечают, что скорая глобализация с всеобщим знанием английского языка и господство английского языка в Интернете относятся к числу мифов²⁶. Кстати, японский язык занимает в Интернете третье место после английского и китайского.

Как, однако, объяснить совмещение большой престижности английского языка в Японии и его слабого знания? Уже упоминавшаяся американка в интервью отметила, что в Японии нет привычки к обычному сейчас на Западе мультикультуризму²⁷. Нет нужды подробно говорить об островном положении Японии, давней обособленности ее культуры и отсутствии привычки к знанию других языков. К этому

²⁴ Endoo H., Nihongin no eigo..., p. 16.

²⁵ Stanlaw J. Japanese Language..., p. 297.

²⁶ Aitchison J., Lewis D. W. (eds.). New Media Language. London – New York, Routledge, 2003, p. 24–26.

²⁷ Endoo H., Nihongin no eigo..., p. 121.

добавим любопытные высказывания уже упоминавшегося Судзуки Такао. Он писал, что Япония – одна из самых открытых в мире стран для восприятия чужих вещей и идей, но достаточно закрыта для человеческого общения с иностранцами. По его выражению, японцы – не ксенофобы, но ксенофиги, т. е. люди, избегающие иностранцев²⁸.

Но как совмещаются плохое знание английского языка в массе японцев и обильное количество заимствований (*gaiyraiго*)? Л. Лавди указывает, что эти факты не противоречат друг другу. Образцом здесь послужило освоение Японией в прошлом китайской культуры при отсутствии во все исторические периоды значительного японско-китайского двуязычия. Японцы знали иероглифы, но не могли их прочесть по-китайски. И сейчас житель японской провинции может ни разу не увидеть белого человека, но многие американизмы он хорошо знает, а английский язык доходит до него через школу и телевизор. А *gaiyraiго* уже живут в Японии своей жизнью, мало зависящей от их языка-источника, так же как и китайский слой лексики (*канго*) давно развивается без какой-либо связи с китайским языком. Сейчас не только большинство *канго*, но очень большой процент *gaiyraiго* созданы в Японии. Один из японских авторов заметил, что знание *gaiyraiго* и знание английского языка могут не только помогать, но и мешать друг другу²⁹.

Существует много сложных слов и словосочетаний, которые созданы из английских корней (иногда и аффиксов) в самой Японии и не имеют английских параллелей. Примеры: *naitaa* «игра, (например, в бейсбол) при искусственном освещении» (ночь + словообразовательный суффикс *-er*), *wan-man-basu* или *wan-man* «автобус без кондуктора» (один + человек + автобус), *noo-airon* «изделие, которое нельзя гладить» (нет + утюг), *noo-mai-kaa-dee* «день, когда рекомендуется воздерживаться от пользования личными автомобилями» (нет + мой + автомобиль + день). Характерно, что данный слой лексики уже называют не только *gairaiго* (слово, прямо указывающее на заимствование), но *katakanago*, т. е. слово, записываемое не иероглифами, а слоговой азбукой катаканой, и термин не указывает на происхождение таких единиц.

И невысокий в массе уровень знания английского языка не исключает ни использования этого языка даже в среде, им свободно не владеющей, ни «островов» этого языка в Японии. В рекламе или поп-музыке язык, полный *gaiyraiго*, плохо понятен большинству читателей или слушателей, но создает нужный «имидж». Предельный случай такой рекламы

²⁸ Suzuki Takao. Reflections on Japanese Language and Culture. Tokyo, 1987, p. 141.

²⁹ Ishiwata Toshio. Wasei eigo to kokusai tsuuyooго. – Gairaiго. Tokyo, Kotoba-Yomiuri, 1993.

или музыкального текста – переход на английский язык (обычно далекий от совершенства). Достаточно «имиджа» текста и отдельных понятных слов, а дальше домысливается все остальное. При этом рекламироваться могут не только американские, но и свои собственные товары: комплекс неполноценности перед США легко сочетается с национальной гордостью. Даже в середине 80-х годов, когда не только в Японии, но и в США всерьез обсуждались перспективы возможной победы японского капитала в японо-американском экономическом соревновании, японская реклама избегала утверждений о том, что тот или иной товар национального производства лучше американского. Более действенными оказываются лозунги о том, что он такой же или почти такой же, как американский. Правда, в 90-е годы уже стали раздаваться и иные голоса о том, что в Японии привыкли почитать надписи *Made in USA*, хотя потом стало ясно, что это – дешевые товары³⁰. Но в целом уважение к американским товарам и связанному с ними языку сохраняются. Например, целые куски в рекламе потребительских товаров могут быть написаны по-английски, особенно это свойственно тем фрагментам, где речь идет о «научно обоснованной» полезности продукта: содержании в нем витаминов, диетических свойствах и пр.; главное здесь – подчеркивание отличия данного продукта от других³¹.

Иногда английский язык может использоваться там, где применение японского языка нарушает культурные стереотипы. Исследователь контактов между английским и японским языками приводит такой пример. В эстрадной песне, где автор и исполнитель – женщина, героиня на английском языке делает брачное предложение; в японской культуре данное речевое действие со стороны женщины не предусмотрено, поэтому ей легче сделать предложение на английском языке.

Нередко, особенно в устной речи и в текстах, написанных на латинице, возникает смешение языков. На каком из языков написана, например, вывеска в Токио: *Mitsui Grandioso Club*, или этикетка: *Sake. One cup. Ozeki (ozeki – один из рангов борцов сумо)?* Многие исследователи в разное время писали о смешанных японо-английских языках, которые называли *Japlish*, *Janglish*, *Japanished English* и др., они распространены в эстрадной музыке, надписях на майках и пр. Отмечают, что в текстах эстрадных песен (например, в стиле рэп) появляется даже такое принципиально не свойственное японскому языку явление, как рифма (в Японии даже Пушкина переводят верлибром): рэпперы регулярно стараются рифмовать, хотя жалуются на трудности.

³⁰ Endoo H. Nihongin no eigo..., p.34.

³¹ Stanlaw J., Japanese Language, p.197.

Потребители такого рода текстов чаще всего, как большинство японцев, имеют какое-то представление об английском языке, но свободно им не владеют. По мнению исследовательницы японской поп-музыки, создается псевдо-английский язык, устанавливающий контакт со слушателями, которые настоящий английский язык знают плохо. В то же время имеются и «островки», где культивируется реальный английский язык, как правило, в американском варианте. Есть частные университеты, например, Международный христианский университет, где курсы, в том числе и для японских студентов, читаются на этом языке. А вот заметка в японской англоязычной газете «Daily Yomiuri» за 24 ноября 2007 г.: «Японская раковая ассоциация, объединяющая 16 тыс. врачей и исследователей – онкологов, постановила проводить свои пресс-конференции и презентации достижений целиком на английском языке». Главным доводом в пользу такого решения выдвигалась возможность приглашать на эти мероприятия специалистов не только из Японии, но и из стран Азии и Океании. И, безусловно, обращает на себя внимание распространенность в Японии собственных газет на английском языке, рассчитанных, в первую очередь, на японских читателей. Кроме упомянутой выше «Daily Yomiuri», имеются еще две крупные газеты: «Japan Times» и «Asahi Daily News». Указывают и на то, что большинство японских веб-сайтов ведется на двух языках.

Впрочем, такие явления не надо преувеличивать. Даже в двуязычных веб-сайтах информация на японском языке обычно намного богаче. А первая же пресс-конференция общества онкологов, как отмечает та же газета, кончилась тем, что один из японских участников не смог ответить на вопросы по-английски и перешел на японский язык.

Итак, ситуация парадоксальна. С одной стороны, пишут, что английский язык в Японии присутствует везде, подобно воздуху, что общественная атмосфера требует знания этого языка. Но, с другой стороны, указывают, что в Японии очень невелико двуязычие, существующее лишь на индивидуальном или семейном уровне. Постороннему наблюдателю, по крайней мере, в крупных японских городах, роль английского языка может показаться очень значительной: много объявлений, вывесок, указателей на английском языке, причем за последние два десятилетия их число заметно выросло. Впрочем, оно может варьироваться: в синтоистских храмах Никко указателей на английском языке почти нет, а на железнодорожной схеме района Киото – Осака на двух языках указаны названия станций основных линий, однако станции местных линий, куда редко заезжают иностранцы, обозначены только по-японски. Согласно стандартным японским представлениям, для

своих – японский язык, для чужих – английский, но им надо пользоваться только в необходимых случаях. Для значительного числа японцев вопрос об общении с иностранцами по-прежнему не слишком актуален, и для них хватает родного языка.

Насколько эта картина меняется? В целом она остается прежней, хотя в последние десятилетия, особенно в период правления премьер-министра Д. Коидзуми, были предприняты меры для распространения в Японии английского языка и американской культуры. Государственные органы, на которых сильное впечатление произвели упомянутые выше данные международных экспертов, предпринимают меры для преодоления низкого уровня владения английским языком в Японии. Правительственная комиссия в 2000 г. поставила задачу сделать его всеобщим *lingua franca*. В 2003 г. министерство образования приняло новый план, целью которого является научить всех выпускников средних и повышенных средних школ общаться на английском языке, а выпускников вузов использовать его в своей профессии. При премьер-министре М. Обути (1998–2000 гг.) даже обсуждался вопрос о придании английскому языку статуса второго государственного, что, правда, не прошло³². Не введено пока и преподавание английского языка в начальной школе, хотя этот вопрос обсуждается. Проходит экспериментальную проверку проект расширения его преподавания в средней школе с нынешних трех, двух и двух часов в неделю в первых–третьих классах до соответственно шести, трех и трех часов. В Токийском и других университетах постепенно вводится новая методика активного изучения английского языка, правда, ее считают пригодной лишь для крупных университетов. Любое преподавание этого языка стремятся связать с обучением языковому общению. И, что самое важное, все перечисленные меры имеют общественную поддержку. Правда, упоминают и о том, что в период экономических трудностей 90-х годов у японцев стали появляться настроения в пользу английского языка за счет японского, аналогичные настроениям послевоенных лет.

Ведутся и дискуссии о том, что означает знание английского языка для японца. С одной стороны, пишут о давлении США, в том числе связанном и с внедрением английского языка³³. Но не раз в Японии высказывалась идея о том, что английский язык надо рассматривать не как язык США, а как язык международного общения, вовсе не обязательно связанный с американцами и американской культурой. Уже упоминалось решение общества онкологов использовать английский

³² Suzuki Takao. Kotoba no chikara, p.62.

³³ Yamamoto Masao. Bairingarū wa dono yoo ni shite gengo o shuutoku-suru no ka. Tokyo, 1996, p. 51; Stanlaw J. Japanese Language..., p.292–293.

язык, мотивированное желанием общаться с коллегами не из США (что, видимо, неактуально), а из Азии и Океании. Пишут даже, что в Японии излишне следуют американскому варианту этого языка, что не всегда помогает в общении с другими народами, в частности в Азии; призывают учитывать опыт разных государств, начиная от Индии и кончая Эстонией, где американский вариант языка не приоритетен³⁴. Указывают и на необходимость английского языка в деловом общении с арабскими странами. Особенно много пишет об интернациональной роли английского языка Судзуки Такао. По его мнению, английский язык в наше время можно сравнить с травой без корней: после второй мировой войны он перестал быть национальным языком и превратился в ничей и всеобщий язык³⁵.

Безусловно, в Японии английский язык уже знают лучше, чем 10–20 лет назад. И все-таки пока традиционный культурный изоляционизм силен, незнание английского языка не считается связанным со значительными жизненными трудностями, и специалисты предсказывают, что в обозримом будущем вряд ли его будут знать лучше, чем сейчас.

При структурных различиях функционально роль английского языка в современной Японии сходна с ролью китайского языка в прошлом, а китайский (*канго*) и английский (*гайрайго*) слои лексики при разных стилистических характеристиках сходны по словообразовательным возможностям, в разное время оторвавшись от языка-источника. Дж. Стенлоу приводит мнение японца: «Неважно, что американцы не знают некоторых *гайрайго*. Важно, что мы их знаем»³⁶. Так же и в Китае не знают очень многих японских *канго*, а нередко единицы данного слоя лексики вторично переходят из японского языка в китайский. Сейчас нечто подобное появляется и в английском языке, вот пример. Из английского языка в японский пришли по отдельности слова *office* и *lady*, а их сочетание *ofisu-reiji*, которым именуется младший женский персонал в японских фирмах, а также его частое сокращение *OL* созданы в Японии, зато теперь *office lady* появилось в английском языке, по крайней мере, в Интернете, как заимствование из японского. И здесь, по сути, мы имеем дело с переносом на английский язык норм, когда-то выработанных для китайского языка: японизированный английский язык – нечто вроде современного

³⁴ Honna Nobuyuki. Japanizu.ingurishshu de ikoo. – Endoo Hachiroo (ed.). Nihonjin no eigo, gaikokujin no nihongo. Tokyo, 1995.

³⁵ Suzuki Takao. Kotoba no chikara, p.141–142, 237–239.

³⁶ Stanlaw J. «For Beautiful Human Life»: the Use of English in Japan. – Re-Made in Japan. Everyday Life and Consumer Taste in a Changing Society. New Haven – London, 1992, p.75.

варианта японизированного китайского (*камбуна*), когда-то распространенного в Японии. Оба слоя лексики живут своей жизнью и мало зависят от того, что происходит соответственно в китайском и английском языках.

Если бы дело заключалось только в престижности английского языка, то, вероятно, чаще бы употребляли английский язык в чистом виде. Но японцы, пусть не всегда (особенно в годы оккупации) по своей воле, но большей частью действительно самостоятельно взяли то, что сочли нужным из западной, в первую очередь, американской культуры, включая язык, повторив то, что они ранее сделали с китайской культурой и китайским языком. Это отмечают и западные, и японские исследователи. Судзуки Такао пишет об избирательности процесса заимствования в японской культуре. При склонности к заимствованиям японцы берут из чужих культур лишь те элементы, которые считают для себя нужными, в том числе и в языке; так было и в период китаизации культуры, так продолжается и в эпоху американизации³⁷. Как пишет западный японовед, «гений» японцев заключается не в изобретении, а в адаптации тех или иных элементов культуры сначала из Кореи, потом из Китая, наконец, из Европы и США. В результате заимствованные элементы укоренились и живут самостоятельной жизнью, часто меняясь до неузнаваемости по сравнению с оригиналом³⁸.

Все эти оценки представляются верными. В последние полтора столетия эта страна постоянно шла по пути догоняющего развития, осваивая те элементы западной (последние 60 лет почти исключительно американской) культуры, которые считала для себя необходимыми. Это относится не только к высоким технологиям или парламентским процедурам, но и к английскому языку. Однако английский язык продолжает оставаться не столько самостоятельным средством общения, сколько источником пополнения словарного запаса в собственном языке. Поэтому можно согласиться и с выводом Л. Лавди: проницаемость японского языка для американизмов очень велика, но их внедрение в язык отражает скорее освоение обществом отдельных элементов западной культуры, чем глубинную вестернизацию³⁹.

³⁷ Suzuki Takao. Reflections on Japanese Language and Culture, p.143.

³⁸ Tobin J. Introduction: Domesticating the West. – Re-Made in Japan. Everyday Life and Consumer Taste in a Changing Society. New Haven – London, 1992, p.3–4.

³⁹ Loveday L. Language Contact in Japan..., p.96.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЯПОНИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

В конце XX – начале XXI в. со всей очевидностью проявили себя долговременные тренды мирового экономического, социального, политического и культурного развития, так или иначе связанные с глобализацией. Вероятно, сейчас мы уже можем наблюдать некоторые результаты глобализационных процессов, в частности, формирование новой глобальной экономической системы. В этой новой системе существенно меняются роли отдельных стран, групп стран и регионов, вносятся коррективы в сложившееся после второй мировой войны разделение труда, становятся не столь очевидными роли мировых экономических лидеров – стран «триады», меняется содержание традиционных форм внешнеэкономических связей и характер конкуренции на основных мировых рынках товаров и услуг и обретают новый смысл сами понятия конкуренции и конкурентоспособности компаний и стран.

Большинство стран и регионов мира в той или иной мере оказываются вовлеченными в общемировые процессы и сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым условиям, находить свое место в меняющейся экономической действительности.

Лидерство США, хотя и сохраняется, но уже не является столь очевидным. В результате интеграционных процессов сами три центра экономической мощи обрели иные очертания, в результате чего сейчас правомерно говорить о североамериканском центре (НАФТА), европейском – объединенная Европа, включая те страны, которые стали новыми членами ЕС, и восточноазиатском – Япония и четыре «новые индустриальные страны» Азии.

В мире появилась новая группа стран – с переходной экономикой, две из них – Россия и Китай – по экономическому масштабу и потенциалу относятся к числу крупнейших экономик мира, к тому же быстро развивающихся и все более влияющих на мировую экономику и политику.

Группа стран «третьего мира» по количественным показателям постепенно приближается к развитым экономикам, и наиболее успешные из них становятся реальными конкурентами развитых стран, по мере возможностей извлекая свои выгоды из глобализационных процессов.

Движение к многополярности, тенденции к усилению роли группы развивающихся стран и стран с переходной экономикой в мировой экономике и изменение баланса сил в мире были отмечены на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2008 г.¹

В этих условиях борьба за сохранение и упрочение своих позиций в мировой экономике, за возможность в наибольшей мере использовать все преимущества современной ситуации и за право участвовать в формировании нового экономического порядка приобретает для стран-лидеров огромное значение. Возможно, в наиболее сложном положении (признавая наличие проблем и в экономике США, и в экономике европейских стран) в этих условиях оказалась Япония, которая вынуждена принимать вызовы нового века, еще не совсем отказавшись от наследия периода «догоняющего» развития и не вполне достигнув стабильности после длительной депрессии 90-х годов.

Попытаемся проанализировать, как реагирует Япония на глобальные вызовы и каким может быть место страны в меняющейся глобальной экономической системе. Однако, прежде всего, следует определить положение японской экономики в мире на сегодняшний день.

Позиции Японии в современной мировой экономике

Международные организации, плановые и аналитические органы Японии и других стран в целях проведения международных сопоставлений используют традиционные показатели, такие, как абсолютные и душевые объемы ВВП, экспорт товаров и услуг, показатели потоков и накопления инвестиций (в первую очередь, прямых) за рубежом и зарубежных инвестиций в своей стране. При всех недостатках этих показателей, важнейшим из которых является слабость качественного компонента при их подсчете, они все же дают общее представление о положении экономики страны в мире, в том числе и в динамике, и об основных тенденциях изменений, и без них нам, конечно, не обойтись.

Начиная работу над данной главой, мы намеревались с помощью статистических иллюстраций доказать тезис о продолжающемся ухудшении позиций Японии к началу XXI в. по сравнению с 80-ми годами прошлого века. Однако при анализе всего комплекса даже

¹ http://www.knowledgeconcierge.com/WEFPublic/PDFs/Davos2008/D08_19.pdf

количественных показателей сложилась не столь простая и однозначная картина, как ожидалось вначале.

Основные макроэкономические показатели

В течение всего послевоенного периода вплоть до второй половины 80-х годов Япония последовательно наращивала свой удельный вес в мировом совокупном продукте (ВВП), приближаясь к мировому лидеру – США, что, собственно, и отражало успехи ее модели догоняющего развития. Этому способствовало то обстоятельство, что Япония продолжала реализовывать свою успешную модель индустриальной экономики даже тогда, когда другие развитые страны уже более активно переходили к экономике услуг, для которой характерны умеренные и низкие темпы роста. В 90-е же годы, несмотря на серьезные экономические неурядицы, Япония почти догнала другие развитые страны в процессах сервисизации и софтизации экономики.

Доля Японии в мировой экономике (ВВП) за десятилетие – с 1996 по 2006 г. – снизилась с 8% до 6,3%. Однако это снижение происходило практически синхронно с движением этого показателя у других развитых стран на фоне сокращения общего удельного веса группы развитых стран в мире. И никаких драматических изменений, которые бы свидетельствовали об утрате Японией позиций в мировом производстве, здесь не наблюдалось. При этом следует учитывать, что значительный временной отрезок исследуемого периода пришелся на 90-е – начало 2000-х годов, когда Япония переживала экономическую депрессию².

Что касается второго важнейшего общего показателя – ВВП на душу населения, то позиции Японии среди стран-членов ОЭСР менялись следующим образом (в текущих долларах, по ППС)³:

Год	Место Японии	Год	Место Японии
1970	19	2001	19
1980	18	2002	15
1985	17	2003	15
1990	8	2004	17
1995	6	2005	16
2000	17	2006	17

² Расчеты проводились по данным Международного валютного фонда: World Economic Outlook, Oct 1997, p. 135, Oct.1998, p.160, Oct. 1999, p.158, Oct. 2000, p.187, Oct.2001, p. 187, Apr. 2002, p.149, Apr. 2003, p. 161, Apr. 2004, p.177, Apr. 2005, p. 193, Apr. 2006, p.170, Oct. 2007, p.209. *Примечание:* ВВП по ППС (паритет покупательной способности)

³ <http://ocde.p4.siteinternet.com/publications/doi/files/302007011P1T000.xls>

Как мы можем видеть, Япония в 2000-е годы имела показатели, сопоставимые с показателями 80-х годов, хотя при этом необходимо иметь в виду, что на результаты сопоставлений по ППС во многом влияет стоимость национальной валюты, уровень цен в стране, чем отчасти объясняется улучшение показателей Японии в 90-е годы.

Внешняя торговля и прямые инвестиции

Динамика экспорта товаров и услуг – важнейшего общего показателя, характеризующего место страны в мировом хозяйстве, и отчасти являющегося отражением ее конкурентоспособности так же, как и ВВП, характеризовалась в 1996–2006 гг. снижением доли Японии (с 7,25% до 5%) на фоне сокращения удельного веса всей группы развитых стран в мировой торговле⁴.

Факторы, обуславливающие снижение доли развитых стран в мировом ВВП и мировой торговле, в общем-то, известны. Это – переход указанных стран на постиндустриальную стадию развития, в той или иной мере сопровождающийся деиндустриализацией, транснационализация производства, изменение структуры торговли в сторону роста значения торговли услугами, успех модели экспорториентированной индустриализации в ряде развивающихся стран и Китае. В результате для развитых стран формируется потребность в переходе на следующую ступень зрелости с точки зрения их участия в международном разделении труда – от производства и экспорта высокотехнологичных товаров к экспорту высоких технологий и услуг, что можно рассматривать как один из вызовов современной глобальной экономической ситуации.

Это, безусловно, актуально и для Японии. Однако специфика данной ситуации для нее состоит в том, что страна имеет ограниченный потенциал в торговле технологиями и услугами (отрицательный баланс по статьям «невидимой» торговли), а также менее развитый (как по количественным показателям, так и по производительности) третичный сектор.

Вместе с тем, поскольку заметного ухудшения позиций Японии по двум проанализированным показателям мы пока не наблюдаем, можно оптимистически предположить, что у Японии есть некоторый запас времени, чтобы попытаться ответить на технологический и «постиндустриальный» вызовы.

⁴ Расчеты проводились по данным Международного валютного фонда: World Economic Outlook, Oct 1997, p. 135; Oct.1998, p.160; Oct. 1999, p.158; Oct. 2000, p.187; Oct.2001, p. 187; Apr. 2002, p.149; Apr. 2003, p. 161; Apr. 2004, p.177; Apr. 2005, p. 193; Apr. 2006, p.170; Oct. 2007, p.209.

Еще одним важнейшим показателем участия страны в международном обмене являются размеры и динамика инвестиционных потоков и, прежде всего, движение прямых инвестиций.

Проблемы участия Японии в международном движении прямых инвестиций были рассмотрены нами в работе «Иностранный капитал на японском рынке»⁵, поэтому здесь мы остановимся на основных выводах по данному вопросу, опираясь при этом на новые данные международной статистики.

В течение всего послевоенного периода страна остается чистым экспортером прямых иностранных инвестиций (ПИИ) с довольно значительным отрицательным сальдо по данной статье платежного баланса. Инвестирование японских компаний за рубежом и создание ими производственных сетей в разных странах особенно активизировалось с середины 80-х годов, когда в результате повышения курса иены японские производители начали утрачивать свою конкурентоспособность.

В 1985–1995 гг. ежегодные ПИИ Японии в среднем составляли около 24 млрд. долл. в год, а в 2001–2006 гг. колебались в пределах от 28 млрд. до 50 млрд. долл., причем в последние три года, по которым имеется доступная статистика, наблюдалась тенденция к поступательному росту: в 2004 г. – 31 млрд. долл., в 2005 г. – 45,8 млрд. долл., в 2006 – 50,3 млрд. долл.⁶

Накопленные ПИИ Японии за рубежом составили в 2006/07 фин. г. почти 450 млрд. долл.⁷ В 2005 г. она входила в пятерку крупнейших экспортеров прямых инвестиций (по ежегодному объему), однако в 2006 г. заняла только восьмое место, та же динамика наблюдалась и в отношении показателя объема накопленных за рубежом инвестиций, по которому Япония переместилась с седьмого на девятое место⁸.

Доля страны в мировых ПИИ (ежегодных потоках и накопленных) в 90-е годы начала снижаться по сравнению с предшествующим периодом быстрого роста, и в 2006 г. по этим показателям Япония «вернулась» к уровню конца 70-х годов⁹.

⁵ Япония, открытая миру. М., АИРО-XXI, 2007, с.138–162.

⁶ UNCTAD, World Investment Report 2007, p. 251. – www.unctad.org/wir

⁷ Ibid.

⁸ UNCTAD, World Investment Report 2006, p. 299, 306; 2007, p.251, 255 – www.unctad.org/wir

⁹ Расчеты произведены по данным Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD): World Investment Report 2005, 2006, 2007 – www.unctad.org/wir. Официальная японская статистика ПИИ, опирающаяся на данные министерства финансов, содержит показатели, отличающиеся от данных международной статистики. В данном случае для международных сравнений более приемлемой представляется международная статистика.

По показателю индекса исходящих ПИИ (Outward FDI Performance Index)¹⁰, который рассчитывается ЮНКТАД, Япония опустилась с 16-го места в 1990 г. на 43-е место в 2006 г., соседствуя с такими странами, как Бразилия, Колумбия, Венесуэла, Республика Корея и Литва, а по показателю индекса входящих ПИИ заняла в 2006 г. 137-е место из 141 страны, включенной в рейтинг.

В то же время по потенциалу входящих ПИИ Япония занимает куда более достойные позиции – 24-е место в 2005 г. Поэтому в матрице, показывающей соотношение индекса входящих прямых иностранных инвестиций и потенциала привлечения иностранного капитала, Япония находится в секторе стран с высоким потенциалом, но низким фактическим показателем¹¹.

По соотношению исходящих и внутренних капиталовложений и накопленных за рубежом инвестиций к ВВП Япония в 2-3 раза «отстает» от среднемировых показателей и показателей развитых стран (см. табл. 1).

Таблица 1
Роль ПИИ в экономике Японии: основные показатели*

Страна/ группы стран		Доля потоков ПЗИ в валовом внутреннем капиталонакоплении, %			Доля накопленных ПЗИ в ВВП. %		
		2003 г.	2004 г.	2006 г.	1990г.	2000 г.	2006 г.
Всего по миру	входящие	7,3	7,7	12,6	8,5	18,3	24,8
	исходящие	7,4	9,3	11,8	8,6	20,6	26,1
Развитые страны	входящие	6,4	6,3	11,8	8,2	16,2	24,2
	исходящие	9,2	10,9	14,1	9,6	22,8	30,7
Япония	входящие	0,7	0,7	-0,6	0,3	1,1	2,5
	исходящие	3,0	3,0	4,8	6,6	5,9	10,3

* World Investment Report 2006, p. 308; 2007, p. 258–260.

Таким образом, несмотря на значительные абсолютные объемы прямого инвестирования японских компаний за рубежом, место Японии в мировом движении прямых инвестиций не вполне соответствует ее экономическому масштабу и позиции как одной из ведущих мировых экономических держав.

¹⁰ Рассчитывается как отношение доли страны в исходящих потоках ПИИ к ее доле в мировом ВВП.

¹¹ Индекс потенциала входящих ПИИ, рассчитываемый ЮНКТАД, базируется на 12 показателях, отражающих состояние и структурные особенности экономики страны, которые оцениваются по шкале от 0 до 1. – World Investment Report 2007, p. 14, 31, 220–221.

Еще более ярко это несоответствие проявляется при сравнении размеров привлеченных в страну ПИИ с объемом их экспорта. Так, соотношение накопленных ПЗИ Японии за рубежом и зарубежных в Японии в 2006 г. 1 к 4,2 (в 2005 г. – 1 к 3,8, в 1980 г. 1 к 6, в 1990 г. 1 к 20), а соотношение входящих и исходящих потоков ПЗИ составляло в том же году отрицательную величину, поскольку входящие потоки равнялись минус 6,5 млрд. долл., а исходящие – 50,3 млрд. (в 2005 г. – 16,4 раза в пользу экспорта)¹².

Также относительно невелико участие японских компаний в сделках по международным слияниям и поглощениям, размеры и динамика которых отражает развитие международного партнерства компаний и является одним из индикаторов процесса транснационализации. Общие суммы сделок по продаже активов национальных компаний и приобретению активов зарубежных компаний для Японии в 2004–2006 гг. колебались в пределах 2,5–14 млрд. долл., в то время как для европейских стран подобные суммарные показатели исчислялись десятками миллиардов, а для США – от 80 млрд. до 170 млрд. долл.¹³.

Транснационализация японских корпораций

Место страны в современной глобальной экономике во многом определяется также позициями компаний этой страны в мире и уровнем их транснационализации, поскольку именно ТНК наряду с государствами становятся главными субъектами мировой экономики.

О позициях японских ТНК в мире и общем уровне транснационализации японских компаний мы можем судить по численному присутствию их в первой сотне крупнейших по размеру активов мировых ТНК и показателям интернационализации их деятельности¹⁴. В 1990–2005 гг. число японских ТНК в первой мировой сотне уменьшилось на 1/3, а по сравнению с 1995 г. – вдвое. Далее важно отметить, что места, которые занимают японские компании в рейтинге по величине активов выше, чем места в рейтингах, составленных по показателям уровня транснационализации, хотя динамика показателей уровня транснационализации в 2000-е годы демонстрирует их рост у японских компаний, занимающих высокие позиции в мировом рейтинге.

¹² World Investment Report 2006, p. 299, 303; 2007, p. 251, 255.

¹³ World Investment Report 2007, p. 271.

¹⁴ Важнейшими из них являются: индекс транснациональности, который рассчитывается как среднее арифметическое трех показателей: доля зарубежных активов компании в общей сумме активов (%), доля зарубежных продаж в общем объеме продаж (%), доля занятых на зарубежных предприятиях компании к общей численности занятых в компании (%), и индекс интернационализации, представляющий собой соотношение числа зарубежных филиалов компании к общему числу филиалов в %.

Особенно это заметно у автомобилестроительных компаний («Тоёта», «Ниссан» и «Хонда»)¹⁵.

Что касается японских банков, то интернационализация их деятельности идет пока гораздо медленнее, и они занимают довольно скромное положение в мировом рейтинге транснациональных банков (ТНБ) (см. табл. 2). Это объясняется, прежде всего, длительной закрытостью японского финансового рынка, а также необходимостью преодоления последствий глубокого и масштабного кризиса финансовой системы страны, последовавшего за крахом экономики «мыльного пузыря».

Таблица 2
Позиции японских банков в мировом рейтинге 50 крупнейших ТНБ (по индексу географического распространения), 2005 г.

Рейтин- говый номер по GSI**	Значение GSI	Название финансовой организации	Число ино- странных филиалов	Значен- ие II	Число стран, где представ- лена финансо- вая организа- ция
30	33,5	Nomura Holding	64	53,3	21
32	31,0	Mitsubishi UFJ Financial Group	57	65,4	17
45	25	Sumitomo Mitsui Financial Group	37	48,1	13
49	23,6	Mizuho Financial Group	40	43	13

* Таблица составлена по данным: World Investment Report 2007, p. 235.

** GSI (Geographical Spread Index) – индекс географического распространения. Рассчитывается как квадратный корень из индекса интернационализации, умноженный на число стран присутствия финансовой организации.

Национальная конкурентоспособность

Обобщающим показателем, характеризующим уровень экономического развития страны и ее позиции в мировой экономике и международном экономическом обмене, является, безусловно, национальная конкурентоспособность. Осознавая все несовершенство и относительную условность применяемых международными организациями и исследовательскими центрами различных стран показателей конкурентоспособности, обратимся все же к наиболее популярному и доступному

¹⁵ World Investment Report 1993, p.26–27; 1997, p.29–31; 2002, p.86–88; 2007, p. 229–231.

из них, а именно Индексу глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума¹⁶.

Таблица 3
Позиции Японии в рейтингах конкурентоспособности Всемирного экономического форума*

Год	Рейтинговый номер по Индексу глобальной конкурентоспособности**	Рейтинговый номер по Индексу конкурентоспособности бизнеса***
2007	8	10
2006	7	9
2005	10	8
2004	9	8
2003	11	13
2002	11	...
2001	21	...
2000	21	...

* The Global Competitiveness Report 2000/2001 – 2007/2008.

** До 2004 г. включительно рассчитывался индекс конкурентоспособности роста.

*** До 2003 г. индекс конкурентоспособности бизнеса не рассчитывался

По индексам макроэкономической конкурентоспособности, Япония в 2000-е годы стала более конкурентоспособной. Однако, по нашему мнению, этот прогресс лишь отчасти объясняется реальным улучшением экономических показателей страны. Немаловажными

¹⁶ Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) представляет собой одну из наиболее комплексных и авторитетных оценок силы и слабости национальных экономик. Публикуется с 1979 г., в настоящее время – в 131 стране. Составляется на основе анализа открытой информации по странам и экспертных оценок. В составлении рейтингов участвуют ведущие исследовательские организации стран, являющиеся партнерами программы оценки конкурентоспособности, а также предпринимательские организации. В частности, при составлении рейтинга 2007 г. было опрошено более 11 тыс. бизнес-лидеров в 131 стране. GCI, разработанный для ВЭФ профессором Колумбийского университета К. Сала-и-Мартином был впервые опубликован в 2004 г. В 2007 г. GCI был усовершенствован. Теперь он состоит из 12 компонентов: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, технологический уровень, размер рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал. Макроэкономические аспекты конкурентоспособности отражаются в Индексе конкурентоспособности бизнеса (BCI), разработанном М. Портером и включающем 2 компонента: Качество операций и стратегий компаний и качество национальной бизнес среды. – The Global Competitiveness Report 2007–2008 <http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Global%20Competitiveness%20Report/index.htm>

стали и изменения в методике подсчета индексов ВЭФ, а именно переход от Индекса конкурентоспособности роста, который в большей степени отражал возможности экономического роста в стране в среднесрочной перспективе, на Индекс глобальной конкурентоспособности, где больший вес имеют не показатели макроэкономической среды и качество общественных институтов (по этой позиции Япония и сейчас имеет самые низкие оценки), а показатели качества роста.

По расчетам другой авторитетной международной организации, реализующей свою программу международных сопоставлений конкурентоспособности, – Международного института развития менеджмента, Япония в 2007 г. заняла 24-е место по конкурентоспособности (в 2006 г. – 16-е место) с показателем 72,4% от уровня США¹⁷. Данная организация рассматривает конкурентоспособность как «способность стран создавать и поддерживать такую среду, которая бы обеспечивала устойчивое создание стоимости компаниями и увеличение благосостояния граждан». Страны, таким образом, конкурируют между собой в предоставлении наилучших условий для ведения бизнеса и для жизни. В отличие от рейтингов Всемирного экономического форума данный рейтинг в большей степени опирается на статистические данные, характеризующие различные аспекты состояния экономики, нежели на данные опросов¹⁸.

Еще раз отметив свое понимание степени условности приводимых оценок, мы все же констатируем, что Япония, несмотря на неустойчивую динамику показателей конкурентоспособности и довольно существенное расхождение результатов, к которым пришли эксперты различных международных организаций, занимает место в первых 10% государств (от их общего числа) с наиболее конкурентоспособными экономиками в рейтинге ВЭФ, который охватывает подавляющее число стран.

Из 12 основных групп показателей, которые составляют индекс глобальной конкурентоспособности, более низкий рейтинговый номер, нежели общий результат, Япония имеет по следующим позициям¹⁹:

Субиндексы и рейтинговое место по каждому из них в 2007 г.	Относительно низкие показатели (выборочно)
Общие условия (22-е место)	Качество институтов: – качество стандартов аудита и отчетности, – уровень защиты прав миноритарных акционеров, – «расточительность» государственных расходов, Макроэкономическая стабильность (97 место): – большой государственный долг – дефицит государственного бюджета.
Эффективность (13-е место)	Качество высшего и профессионального образования: – бизнес-образование Эффективность рынка товаров: – высокие расходы на проведение сельскохозяйственной политики, – слабое присутствие иностранной собственности, – наличие торговых барьеров, – высокий уровень налогообложения, – время и количество процедур, необходимое для открытия нового бизнеса. Развитость финансового рынка (36-е место): – ограничения капитальных потоков, – доступность займов, – развитие венчурного капитала Технологический уровень: – ПИИ и технологические трансферты, – число пользователей мобильной связью, – законодательство, регулирующее развитие ИКТ
Инновационность и опыт компаний (2-е место)	Бизнес-опыт: – маркетинг, – желание делегировать полномочия, – развитие кластеров Инновационность: – связи между университетами и промышленностью

¹⁷ <http://www.imd.ch/research/publications/wcy/upload/scoreboard.pdf?prog>

¹⁸ Дорогов В. А., Миронов В. В., Смирнов С. В. Анализ возможностей использования рейтингов конкурентоспособности WEF и IMD для выработки рекомендаций в сфере экономической политики. – http://www.hse.ru/temp/2006/files/20060404-06/20060405_mironov.doc

¹⁹ National competitiveness balance sheet – <http://www.gcr.weforum.org>

В то же время Япония имеет выигрышные позиции по размерам рынка (4-е место в рейтинге), качеству ведения бизнеса (3-е место) и инновациям (4-е место).

Что касается составляющих Индекса конкурентоспособности бизнеса, то он рассчитывается по двум параметрам: качество операций и стратегий компаний и качество национальной бизнес-среды. Интересно отметить, что 10-я рейтинговая позиция Японии «складывается» за счет 6-го места по первому параметру и 10-го – по второму. И если считать данный индекс и субиндексы достоверными, то создается впечатление, что конкурентоспособность японского бизнеса создается либо вопреки объективным условиям рынка, либо за счет зарубежных операций.

Инновационный потенциал

Оценки инновационного потенциала страны в наше время являются принципиально важными, поскольку конкурентная борьба компаний, отраслей и национальных экономик в целом заметно сместилась в научно-технологическую и инновационную сферу. Комплексную оценку инновационного потенциала стран проводит Всемирный банк²⁰.

В рамках «оценки знания» (Knowledge Assessment Methodology – КАМ) здесь оценивается около 80 количественных и качественных параметров, которые в совокупности позволяют определить степень «продвинутой» страны по пути формирования «экономики знаний», необходимым условием развития которой является наличие инновационного потенциала²¹.

Позиции Японии в рейтинге по индексу экономики знаний и индексу знаний в 1995 и 2007 гг. представлены в таблице 4.

Как мы можем видеть, позиции Японии за 12 лет не изменились. Важно также отметить, что наиболее высокий показатель Япония имеет по параметру «Текущий уровень инновационной активности», который рассчитывается на основе численности исследователей в стране, числа патентных регистраций в США, числа статей в научно-исследовательских изданиях. В то же время самые низкие показатели у Японии по параметру «Экономическое стимулирование», включающему такие позиции, как тарифные и нетарифные барьеры, качество регулирования и законодательство.

²⁰ http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp

²¹ О методологии оценки см.: Масленников Н. Методология «оценки знаний» и инновационный потенциал Японии. – Японский опыт для российских реформ, 2007, выпуск первый. – <http://www.japan-assoc.ru/publikacii/nauka/japon-opyt-2007-1/metodologija-ocenki-znani-i-innovacionnyi-potencial-japonii.html>

Таблица 4
Основные индексы и параметры «экономики знаний» для Японии, 1995, 2007 гг.*

Место	Год	КЕI**	КИ***	Экономическое стимулирование	Текущий уровень инновационной активности	Образование	ИКТ****
17-е	2007	8,46	8,62	7,99	9,17	8,20	8,47
17-е	1995	8,60	8,78	8,06	9,16	8,54	8,62
Для сравнения (2007 г.)							
Среднемировой показатель		5,93	6,20	5,11	8,0	4,21	6,38
Средний по странам G7		8,74	8,78	8,61	9,15	8,46	8,73

* http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp Индексы рассчитаны по методу, учитывающему различия в численности населения отдельных стран.

** КЕI – индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index)

*** КИ – индекс знаний (Knowledge Index)

**** ИКТ – информационно-коммуникационные технологии

Подводя краткий итог нашего анализа положения Японии в мировой экономике по самым общим и одновременно принципиальным показателям, можно сказать, что, в целом, за последние годы страна не утратила своих позиций. В то же время создается впечатление, что удерживает она эти позиции за счет потенциала, созданного ранее. По многим позициям, в частности, в возможности развития инновационной деятельности, дальнейшего развертывания международных сетей, повышения конкурентоспособности на основе трансфера технологий, привлечению ПИИ, страна обладает значительными возможностями, однако реализации этих возможностей мешают институциональные барьеры в различных сферах, сохранение относительной закрытости страны, а также тяжелое финансовое наследие периода экономической депрессии. Сможет ли и захочет ли Япония «расчистить» поле для нового рывка – в этом, по нашему мнению, и состоит для страны главный вызов нового глобального миропорядка.

Как в самой Японии видят проблему адаптации к этой ситуации, мы проанализируем во второй части статьи.

**Новая экономическая стратегия:
трансформация модели экономического роста и
поиски места в новой глобальной экономической системе**

В начале нового столетия Япония оказалась перед необходимостью определения контуров новой модели экономического развития, которая бы позволила стране создать базу устойчивого экономического роста в условиях глобализации, повысить свою международную конкурентоспособность, сохранить и упрочить позиции в мировой экономике в качестве одного из мировых лидеров.

В действительности новая экономическая стратегия представляет собой целый пакет документов, определяющих основные направления и механизмы развития страны в различных сферах, в которых, по нашему мнению, и формулируются ответы Японии на вызовы нового времени так, как они видятся сейчас²².

В 2005 г. Советом по экономической и финансовой политике Японии был обнародован документ под названием «Japan's 21st Century Vision», в котором определялись основные факторы и направления развития Японии на ближайшую четверть века, а также намечался курс дальнейшего реформирования экономики и социальной сферы Японии²³.

В мае 2006 г. при премьер-министре Дз. Коидзуми был создан Совет по комплексной финансовой и экономической реформе, который совместно с существовавшим ранее Советом по экономической и финансовой политике и при активном участии различных министерств и ведомств²⁴ разработал Новую стратегию экономического роста (New Economic Growth Strategy), нацеленную на достижение устойчивого экономического развития в условиях долгосрочной тенденции сокращения населения.

Эта стратегия стала частью Фундаментальных принципов стратегии экономического роста страны и вместе с Новой национальной энергетической стратегией (New National Energy Strategy) и Глобаль-

²² В дальнейшем изложении мы будем использовать понятие «стратегия» в этом значении, если не указано иное.

²³ Разработка новой модели и стратегии долгосрочного роста активно велась при правительстве Дз. Коидзуми, занимавшего пост премьер-министра в 2001–2006 гг. Эта работа была продолжена кабинетом С. Абэ и нынешнего премьер-министра Я. Фукуда.

Japan's 21st Century Vision – http://www.keizai-shimon.go.jp/english/publication/pdf/050419visionsummary_fulltext.pdf

²⁴ Основы стратегии были разработаны министерством экономики, торговли и промышленности Японии (опубликованы в июне 2006 г.).

ной экономической стратегией (Global Economic Strategy)²⁵ – была положена в основу текущей экономической и промышленной политики правительства.

Попытаемся проанализировать эти документы с точки зрения ответов на те вопросы, которые были поставлены в первой части статьи и обращая внимание, прежде всего, на внешние аспекты развития страны, связанные с ее позиционированием в мировой экономике.

**Инновационное развитие и
повышение национальной конкурентоспособности**

По мнению авторов Новой стратегии экономического роста, Япония после длительной рецессии в настоящее время выходит на траекторию устойчивого роста, однако в долгосрочной перспективе на ее развитие будут оказывать влияние структурные проблемы – старение населения, обострение вопросов экологической и энергетической безопасности, значительный бюджетный дефицит и ужесточение международной конкуренции.

Что касается международной конкурентоспособности, то в документе отмечается, что в 90-е годы, в период экономической депрессии Япония значительно ухудшила свои позиции в международных рейтингах конкурентоспособности. И хотя в настоящее время ситуация выправляется, проблема поддержания и повышения международной конкурентоспособности остается на повестке дня.

Как мы отмечали выше, конкуренция в настоящее время переместилась в сферу технологических инноваций. Поэтому не удивительно, что инновации стали ключевым элементом и Новой стратегии экономического роста, и Глобальной экономической стратегии страны. Более того, инновации в самом широком смысле слова превратились в Японии в своего рода «национальную идею». И «инновационность», «инновационное развитие», «инновационный цикл» и другие «производные» данного понятия стали стержнем, интегрирующим основные блоки комплексной экономической стратегии.

Для достижения цели повышения международной конкурентоспособности страны стратегия предусматривает формирование благоприятной среды для основания нового бизнеса и освоения новых рыночных сегментов, имея в виду, прежде всего, дерегулирование и стимулирование НИОКР в тех сферах, где Япония уже сейчас имеет преимущество. К ним относятся, в частности, разработка и производство топливных

²⁵ FY 2007 Economic and Industrial Policy: Key Points. Aug. 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry, p.1.

батарей, бытовой электроники с использованием цифровых технологий, роботов следующего поколения, передового медицинского оборудования и технологий (Стратегия содействия новым видам бизнеса – «New Industry Promotion Strategy»). Ожидается, что к 2010 г. рынок такой продукции достигнет 300 трлн. иен²⁶.

Приоритетной сферой остаются и информационные технологии, которые должны вносить свой вклад в повышение производительности в обрабатывающей промышленности, сфере услуг и работе административных органов (программа «IT Productivity Improvement Campaign»).

В организационном плане предусматриваются меры по стимулированию сотрудничества и взаимодействия бизнеса, научно-исследовательских учреждений и правительства в стратегически важных областях с тем, чтобы обеспечить интерактивное взаимодействие между исследовательской сферой и рынком (план «инновационная магистраль» – Innovation superhighway).

Примечательно, что инновационное развитие страны тесно увязывается с развитием человеческих ресурсов. Это отвечает основной тенденции изменения условий международной конкуренции в сфере технологических (и не только технологических) инноваций, – а именно перемещение акцентов с соперничества за обладание новейшими достижениями на конкуренцию за обладание креативными человеческими ресурсами.

В числе пяти комплексных сфер (cross-sector areas), которые, по мнению авторов стратегии, составляют основу всей национальной экономики и от развития которых зависит прогресс в будущем, первым номером стоит сфера «Человеческие ресурсы: инновации». Основным направлением совершенствования и модернизации данной сферы является развитие возможностей каждого отдельного индивида. Предполагается направлять инвестиции в человеческий потенциал – воспитывать современных лидеров, делать более гибкой систему образования и развития человеческих ресурсов, включая диверсификацию путей образования, усиление его практической направленности в технических и коммерческих высших школах, развивать сотрудничество между промышленностью и академическим сектором.

Другая комплексная сфера – «Технические инновации» – затрагивает технологическую сторону инновационного процесса. Здесь предусматриваются различные меры по совершенствованию технического потенциала страны в условиях, когда Япония не имеет возможности конкурировать с развивающимися экономиками по издержкам:

²⁶ New Economic Growth Strategy. June 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 13.

– усиление межсекторальной интеграции и активизация совместных исследований частного сектора, университетов и правительственных организаций;

– создание инфраструктуры развития человеческих ресурсов в сотрудничестве индустрии и университетов;

– «культивирование» пионерских бизнес-венчуров;

– проведение политики создания кластеров с тем, чтобы в ближайшие пять лет создать 40 тыс. новых бизнес-единиц²⁷.

Таким образом, если рассматривать положения экономической стратегии Японии в инновационной сфере как реакцию на новые глобальные вызовы, то следует еще раз подчеркнуть признание авторами стратегии изменения характера международной конкуренции.

То особое внимание, которое уделяется развитию человеческого фактора инновационного процесса и человеческого капитала в целом, является ответом на изменение самой «философии» этой конкуренции.

Кроме того, важно подчеркнуть, что в стратегии предусматриваются различные меры, направленные на ликвидацию тех «слабостей» в развитии инновационного потенциала страны, которые оцениваются в качестве таковых международными организациями, – административные процедуры, организационная структура (взаимодействие между субъектами инновационного процесса).

Тема укрепления международной конкурентоспособности страны, конечно, нашла свое отражение и в Глобальной экономической стратегии Японии, затрагивающей, в основном, внешние аспекты устойчивого долгосрочного экономического роста Японии. Концептуально оба документа близки и являются взаимодополняющими. Идея перехода к конкуренции на основе лучших человеческих ресурсов в Глобальной стратегии отражена в концепции «конкуренции на основе мягкой силы». Данная концепция исходит из той предпосылки, что в современном мире мощь страны и ее влияние в мире определяются не только «жесткой силой», т. е. экономическим и военным потенциалом, но и «мягкой», а именно социальными ценностями, культурой, политической идеологией, способностью сотрудничать («вступать в альянсы»).

Мир вступает в эру конкуренции за обладание наилучшими, креативными человеческими ресурсами, которые и являются формой существования интеллектуальной «мягкой силы». Для того чтобы увеличить

²⁷ Перечисленные выше и другие направления развития инновационного потенциала страны конкретизируются в специальных программах и планах научно-технического и инновационного развития, в частности «Innovation 25», которая разрабатывается специально созданным комитетом при кабинете министров, и «Japan Vision 2050. Principles of Strategic Science and Technology Policy toward 2020», подготовленной Научным советом Японии.

«мягкую силу» Японии и развивать ее через интеллектуальный креатив, важно обеспечить приток талантов из-за рубежа.

Фокус международной конкуренции, по мнению авторов стратегии, при этом сдвигается с цен и функций товаров и услуг в сторону более «культурных» аспектов, таких, как марки и качество.

Известно, что брендинг является относительно слабым звеном в международных стратегиях японских компаний. Стоимость и международная популярность японских марок не вполне соответствует потенциалу и основным финансово-экономическим показателям деятельности у большинства даже самых крупных и успешных корпораций. Поэтому не удивительно, что в Глобальной стратегии этот вопрос нашел свое отражение. В документе выдвигается идея адаптации методов достижения глобальных экономических стандартов с учетом ценностей, традиционно присущих именно Японии – природа, чувства и местные традиции. Традиционные культуры и техники, традиционные навыки и знания, используемые при изготовлении продукта ручным способом, могут быть применены в их современном приложении для создания «Японского модерна» (*Japanesque Modern*), который может распространяться по всему миру как японский бренд. По мнению авторов стратегии, японские культурные ценности и передовые технологии, будучи соединенными, создадут новую силу японской экономики²⁸.

Создание «виртуального цикла» и «соразвитие» в Азии

Продолжая тему о поиске новых путей повышения конкурентоспособности страны в глобальном масштабе, от рассмотрения важнейших внутренних источников конкурентоспособности перейдем к проблеме внешнего позиционирования Японии как страны и ее компаний. Речь пойдет о будущем месте страны в международном разделении труда и географической направленности усилий по повышению конкурентоспособности.

В ответ на глобальные сдвиги в международном разделении труда и сдвиги в экономической структуре развитых стран (имея в виду, прежде всего, постиндустриализацию и создание «экономики знаний») и в Новой стратегии экономического роста, и в Глобальной экономической стратегии выдвигается концепция создания «виртуального цикла» инноваций и спроса, предполагающая, что в перспективе Япония должна стать мировым инновационным центром и в качестве такового предлагать новые товары и технологии на мировой рынок, т. е. создавать «виртуальный цикл» в глобальном масштабе.

²⁸ Global Economic Strategy. April 2006, Ministry of Economy, Trade and Industry.

При этом, как подчеркивают авторы стратегии, особенно важным является создание такого цикла в Азии на основе сотрудничества с азиатскими странами – «центром роста XXI в.». Азиатские страны, в свою очередь, могут постепенно открывать свои рынки, повышать производительность, развивать производительные силы, используя и быстро распространяя японские технологии²⁹.

Таким образом, речь здесь идет о формировании такой системы разделения труда между Японией и ее экономическими партнерами, при которой японские компании, как показано выше, все больше будут сосредоточивать свою деятельность на разработке передовых технологий, а производство самих продуктов размещать в других странах.

Большинство развитых стран переходит сейчас на эту ступень участия в международном разделении. Конкуренция между ними концентрируется на следующих позициях – конкуренция инновационно-технологических комплексов самих этих стран, конкуренция на основе снижения издержек производства при размещении мощностей в странах с низкими издержками, борьба за рынки сбыта развивающихся стран и стран с быстро развивающимися рынками (БРИК, а теперь – БРИКЮ: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и начинающееся соперничество за доступ к интеллектуальным ресурсам развивающихся стран и стран с переходной экономикой (пример – «феномен индийских программистов»).

В то же время реальными конкурентами Японии и других стран «триады» становятся, как мы уже отмечали выше, развивающиеся страны, и конкурировать с низкими издержками можно только на «поле» высоких технологий и самых передовых товаров и услуг.

Что нового несет эта ситуация для Японии? Ведь японские компании стали активно размещать производство за рубежом уже с середины 80-х годов. Однако новизна ситуации состоит в том, что если раньше разделение труда шло по принципу: производство изделий низкой и средней технической сложности – за рубежом, в странах с низкими издержками, а высокой технической сложности – в стране, то теперь, по-видимому, Япония должна переходить на такую стадию, когда она все больше будет превращаться в производителя технологий, а ее компании – в разработчиков технологий и продуктов и держателей брендов.

Разумеется, речь в данном контексте идет о генеральном долгосрочном тренде, и его развитие не означает, что японские компании ничего не будут производить на территории своей страны и не будут размещать производство в других развитых странах в целях получения

²⁹ New Economic Growth Strategy. June 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 4.

доступа на их рынки. Вопрос в том, за счет чего Япония может получить свою долю добавленной стоимости в условиях, когда не только развитые, но и многие развивающиеся страны, в первую очередь успешные страны Азии, производят многие виды высококачественной и часто высокотехнологичной продукции, поставляют ее на международный рынок, где конкурируют с японскими производителями.

Учитывая названные обстоятельства, становится понятной цель новой экономической стратегии Японии – «виртуальный цикл» с азиатскими странами. При этом, как полагают авторы стратегии, Япония будет вносить свой вклад в развитие соседних азиатских стран и способствовать формированию среды для совместного роста. Азиатские страны могут играть роль производственной базы, объекта для инвестиций, потребительского рынка для японских компаний. Здесь также, вероятно, учитывается и то обстоятельство, что Япония сама является азиатской страной и имеет дополнительные конкурентные преимущества на азиатских рынках. Поэтому она сможет оставаться экономическим центром региона и в качестве такового сохранить свою позицию одного из трех мировых экономических центров. Как говорится в Глобальной экономической стратегии, в условиях формирования новых систем XXI в. Япония как часть Азии может выполнять роль «стержня» между созданием новой глобальной системы и новой системы в Азии³⁰.

Япония активно поддерживает идею азиатской интеграции и формирования «восточно-азиатского сообщества» в качестве долгосрочной цели. В Глобальной стратегии констатируется, что в Азии, как и в Северной Америке, и в Европе, интенсифицируются интеграционные процессы. Однако при этом принимается во внимание то обстоятельство, что это сообщество концептуально и фактически будет сильно отличаться от ЕС: Восточная Азия гораздо менее однородный во всех отношениях регион, поэтому азиатский динамизм как раз может опираться на диверсификацию, развивая многоуровневое, многофункциональное сотрудничество в различных сферах³¹.

В целом стратегия интеграции в Восточной Азии должна включать две инициативы: комплексное экономическое партнерство в Восточной Азии (Comprehensive Economic Partnership in East Asia – СЕРЕА)³² и создание международной организации в Восточной Азии, которая

³⁰ Global Economic Strategy. April 2006, Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 3–7.

³¹ Ibid., p. 16.

³² Участниками возможной «широкой» интеграции могут стать АСЕАН, как ключевая региональная организация, Япония, Южная Корея, Китай, а также Индия, Австралия и Новая Зеландия, т. е. всего 16 стран. – Global Economic Strategy. April 2006, Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 13.

стала бы политическим форумом и «think tank» подобно ОЭСР. Необходимо объединить знания и опыт, имеющийся в разных странах, и сделать их источником повышения конкурентоспособности японской экономики, создав «цикл сотворчества и соразвития с Азией».

Текущими задачами в данном контексте является формирование «зон свободной торговли в Восточной Азии», создание более широкого пространства, охватывающего Восточную Азию в целом, включая заключение соглашений об экономическом партнерстве (ЕРА) между Японией, АСЕАН и отдельными азиатскими странами. Подобные соглашения предусматривают большую открытость их рынков, стандартизацию инвестиционных режимов, различные формы экономического сотрудничества.

Япония также намерена способствовать развитию азиатского фондового рынка («Asian market for asset-backed securities»), на котором японские компании, развивающие свой бизнес в Азии, могли бы привлекать средства, а также обеспечить условия для того, чтобы азиатские компании могли продвигать свои бумаги на фондовый рынок Японии с использованием нового финансового инструмента – Японских депозитарных расписок (Japanese Depositary Receipt – JDR).

Безусловно, анализируя данную проблему и оценивая реальность осуществления подобных планов Японии, нельзя не учитывать и «китайский фактор». Китай и по масштабам экономики, и по темпам роста также может претендовать на роль такого «азиатского центра», однако здесь опять же стоит помнить, на каком «поле» Китай имеет конкурентные преимущества – там, где источником конкурентоспособности являются дешевые и разнообразные ресурсы. Однако при этом нельзя игнорировать тот факт, что Китай активно укрепляет свой научно-технологический потенциал, что, по нашему мнению, является дополнительным фактором, заставляющим Японию переходить к новой модели конкуренции.

«Подтягивание» отдельных секторов

Помимо комплексных, генеральных целей в новой экономической стратегии Японии прописаны и задачи, которые касаются ликвидации ее относительного отставания в развитии отдельных сфер и секторов. Сразу же заметим, что к таким секторам вряд ли в полной мере применимо определение «отсталые», точнее было бы назвать их недостаточно эффективными по сравнению с высшими международными стандартами, но, тем не менее, это как раз те позиции, по которым Япония имеет сравнительно низкие оценки в различных международных рейтингах.

Формат работы не позволяет нам подробно остановиться на каждой из таких позиций. Однако для полноты картины мы все же назовем их.

В условиях перехода развитых стран на постиндустриальную стадию развития и относительной утраты Японией своих позиций в мировом экспорте товаров актуальным является вопрос о развитии *третичного сектора* экономики.

В стратегии специально отмечается недостаточно высокая эффективность этого сектора, который по производительности уступает сфере услуг США и европейских стран. Поэтому для того, чтобы этот крупнейший экономический сектор (почти 70% ВВП Японии) вносил большой вклад в экономический рост страны в целом и экономику регионов в частности, его необходимо реформировать.

В рамках проведения кампании по повышению производительности в сфере услуг («Campaign for the productivity improvement in service industry sector») предлагаются меры по развитию человеческих ресурсов, более активному использованию информационных технологий, совершенствованию инфраструктуры, а также целый ряд конкретных мер в отдельных отраслях (туризме, медицине, обслуживании престарелых граждан, уходе за детьми, дистрибуции, бизнес-услугах и др.).

Особое внимание в Новой экономической стратегии уделяется развитию *финансового рынка*, который еще не полностью восстановился после кризисных явлений 90-х годов, и, главное, не достиг пока высокой по международным меркам эффективности.

Как указывается в стратегии, в настоящее время совокупные сбережения домашних хозяйств составляют около 1,5 квадриллионов иен, и они могли бы быть важным ресурсом для экономического роста в стране, лишенной природных ресурсов. Они могут быть использованы более эффективно – в виде вложений в финансовые инструменты со средним уровнем риска и доходности и для финансирования высокорискованных секторов, в частности, венчурного бизнеса и сектора МСБ.

Еще одним сдерживающим фактором для роста экономики, по мнению авторов стратегии, является недостаточное *привлечение в страну прямых иностранных инвестиций* и в более широком плане недостаточная открытость Японии. В стране действует специальная программа привлечения иностранных инвестиций «Invest Japan», которая включает в себя и целый комплекс мер по созданию комфортных условий для ведения бизнеса и проживания иностранцев в Японии³³.

³³ См.: *Тимонина И. Л.* Иностранный капитал на японском рынке. – Япония, открытая миру. М., АИРО–XXI, 2007, Глава пятая, с. 138–162.

Одной из насущных проблем современной экономической структуры страны являются сохраняющиеся *территориальные диспропорции* и связанные с ними проблемы развития периферийных районов страны.

В сфере стимулирования развития инновационно-рыночного потенциала японских регионов разработчики стратегии исходят из существования заметных и принципиальных различий в условиях и уровнях развития отдельных регионов. Меры, содержащиеся в той части стратегии, которая относится к региональным экономикам, нацелены на достижение «независимого экономического роста». Среди наиболее важных мероприятий в этой части можно выделить следующее.

1. Стимулирование регионального развития на основе создания специальных экономических зон, в частности индустриальных кластеров, пришедших на смену технополисам (программа 80-х годов).

2. Содействие развитию местной инфраструктуры, в том числе путем пересмотра системы распределения налоговых поступлений между центральным и местными бюджетами в целях формирования собственной финансовой базы в регионах.

3. Содействие развитию местных мелких и средних предприятий, включая всестороннюю поддержку тех малых предприятий, которые осваивают производство новых товаров и предоставление услуг с использованием местных ресурсов.

4. Превращение сектора услуг в один из двух «двигателей экономического развития страны» наряду с обрабатывающей промышленностью³⁴.

Выводы

Анализ новой комплексной долгосрочной экономической стратегии Японии приводит нас к заключению, что и правительство, и деловые круги³⁵ осознают глубину и масштабность задач, которые необходимо решить для выхода страны на новый виток экономического роста в условиях развития процессов глобализации, постиндустриализации, перехода к «новой экономике».

Вместе с тем в данном контексте интересен вопрос о том, являются ли основные направления экономической политики, предусмотренные

³⁴ New Economic Growth Strategy. June 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry, p. 13.

³⁵ В данной работе мы не рассматривали позицию бизнеса по интересующим нас проблемам, однако, судя по разработкам крупнейшей предпринимательской организации страны – Кэйданрэн, концептуально позиции бизнеса и государства по стратегическим вопросам совпадают.

в стратегии, превентивными по отношению к новой ситуации в мировой экономике и международных экономических отношениях. Иными словами, не опоздала ли Япония со своими «адаптационными» мероприятиями.

Анализ позиций Японии в глобальной экономике, проведенный нами в первой части статьи, позволяет сделать вывод о том, что страна, хотя и утратила свои позиции по некоторым традиционным показателям – экспорту товаров, капитала, конкурентоспособности, – все же обладает большим «запасом прочности», о чем свидетельствуют ее высокие рейтинги по потенциальным показателям и по индикаторам эффективности бизнеса. Кроме того, Япония сохранила свою позицию по размерам ВВП³⁶, оставаясь второй по масштабам экономикой в мире. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Япония имеет некоторый запас времени для «подтягивания» слабых сфер и направлений развития, урегулирования структурных проблем, придания динамики тем сферам, которые могут оказать существенное влияние на повышение конкурентоспособности страны в глобальной экономике.

Вместе с тем этот временной запас не очень велик, поскольку изменение позиций страны в мировой экономике лишь отчасти связано с объективными тенденциями (например, снижение доли развитых государств в мировом экспорте – объективный процесс, обусловленный изменением их специализации в международном разделении труда и переходе от экспорта товаров к экспорту услуг и технологий). Здесь сыграл свою роль и системный кризис, и необходимость избавления от основных атрибутов периода догоняющего развития, и связанная с этим необходимость проведения институциональных реформ во многих сферах в условиях меняющихся внешних условий.

Главные направления, на которых сфокусирована новая экономическая стратегия страны, были нами проанализированы. Вряд ли возможно выделить из них одно или два ключевых, поскольку и сами проблемы, и стратегии носят комплексный характер. И все же, если говорить о позиционировании Японии во внешнем мире, можно определить два стержневых направления, две национальные идеи. Это – инновации и «возвращение в Азию», но уже не в качестве региональной, а в качестве мировой державы, не единственного азиатского центра экономической силы, а в окружении сопоставимых по уровню и потенциалу экономического развития партнеров.

Концептуально важным моментом новой экономической стратегии стало то, что проблемы устойчивого роста японской экономики рассматриваются в ней не просто с учетом, а в *единстве внутренних и внеш-*

них аспектов развития. Иными словами, речь идет не о выживании в глобализирующемся мире и приспособлении к нему, а об извлечении из новой ситуации максимума выгод. Япония, как представляется авторам стратегии, должна превратиться в активного субъекта глобализационного процесса, открывая свой рынок и даже в определенном смысле «расширяя» его границы на основе реализации стратегии «со-развития» в Восточной Азии. Таким образом, используя ситуацию, когда страны Восточной Азии стали «центром динамичного экономического роста», Япония как азиатская держава будет бороться за место экономического лидера в регионе, предложив соседним странам не просто успешную модель догоняющего развития, а путь перехода к современному росту на основе «виртуального цикла инноваций» и комплексной совместной реализации конкурентных преимуществ в масштабе всего региона. Япония при таком сценарии видит себя в качестве «стержня», соединяющего глобальные рынки и экономическую систему Азии.

И, наконец, Япония готова ответить и на вызовы, связанные с общими проблемами человечества. Среди них – быстро растущие цены и ограничения по энергоресурсам, экологические проблемы (изменение климата, загрязнение атмосферы, воды и проблема отходов). Кроме того, по мнению авторов стратегии, среди проблем, которые необходимо решать вместе, – бедность в развивающихся странах, ядерная безопасность, терроризм и «компьютерная преступность». Япония раньше других стран столкнулась со многими из названных проблем (загрязнение среды, последствия урбанизации, стареющего общества), она более всех других развитых стран ощутила и ощущает на себе последствия роста цен энергоносителей и других природных ресурсов и может внести свой вклад в решение подобных проблем на глобальном уровне.

³⁶ При расчете ВВП по текущему валютному курсу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В набирающих все большую силу процессах глобализации мировой экономики Япония и США играют особую роль. Это связано не только с масштабами экономической мощи этих стран (на их долю в совокупности приходится около 40% мирового ВВП), но и с тем, что они являются одними из наиболее активных участников международной торговли, крупнейшими инвесторами и кредиторами мира, лидерами мирового научно-технического прогресса, основными донорами международных организаций и т. д.

Будучи своего рода «локомотивом» процессов интернационализации и глобализации, способствуя их расширению и углублению, экономики Японии и США сами во все возрастающей степени испытывают на себе влияние этих процессов. Существенной трансформации подвергается при этом и характер экономического сотрудничества между двумя странами. Об изменениях, происходящих в этой области в последние годы, и пойдет речь в данной статье.

Современные японо-американские экономические отношения представляют собой огромный комплекс связей различных форм и различного уровня. При этом существование особых политических отношений между Японией и США, а также интенсивные контакты между ними в области культуры, науки, спорта, туризма, образования и т. д. создают весьма благоприятную общую атмосферу для развития различных форм экономического сотрудничества.

Глобализация не только способствовала расширению и углублению всех форм японо-американских экономических отношений, но и привела к заметным сдвигам в их внутренней структуре. Однако и сейчас основной их формой остается торговля, хотя в 90-е годы и особенно в текущем десятилетии в этой области произошли знаменательные перемены.

Общее представление об объемах и динамике японо-американской торговли дают материалы табл. 1

Таблица 1.
Динамика японо-американской торговли в период 1991–2006 гг.
(млрд. долл.)*

Год	Экспорт	Импорт	Торговый баланс
1991	91,538	53,317	38,221
1992	95,793	52,230	43,563
1993	105,405	55,236	50,159
1994	117,560	62,659	54,901
1995	120,859	75,408	45,451
1996	112,277	79,724	32,553
1997	117,669	76,051	41,618
1998	117,866	66,797	51,069
1999	128,089	66,942	61,147
2000	142,911	72,432	70,479
2001	121,712	63,520	58,192
2002	118,550	57,635	60,915
2003	115,412	58,658	56,754
2004	126,839	62,435	64,404
2005	134,889	64,498	70,391
2006	145,651	68,071	77,580

* Нихон-но боэки доко (Динамика японской торговли). Токио, 2006, с. 55; JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. Tokyo, 2007, с. 78.

Как видно из приведенных данных, объемы торговли между Японией и США весьма значительны и в тенденции возрастают, хотя их динамика отличается крайней неравномерностью. Особенно ярко эта неравномерность проявилась в 90-е годы прошлого века, ставшие для японской экономики периодом глубокой и затяжной депрессии. Это говорит о том, что при безусловной значимости взаимной торговли для экономического развития обеих стран (о чем свидетельствуют ее объемы), на ее динамику сильное влияние оказывает состояние конъюнктуры в Японии и США, а также положение дел в мировой экономике и мировой торговле в целом.

Как видно из данных таблицы 1, за период 1991–2006 гг. общий объем товарооборота между Японией и США увеличился со 144,9 млрд. долл. до 213,7 млрд. долл., или в 1,47 раза. При этом японский

экспорт в США вырос в 1,59 раза, а импорт американской продукции – в 1,28 раза. Если учесть, что за эти же годы общая стоимость японского экспорта увеличилась в 1,65 раза, а импорта – почти в 2 раза, то становится очевидно, что в рассматриваемый период американское направление было далеко не самым динамичным в системе внешне-торговых связей Японии.

Тем не менее, пока США остаются крупнейшим торговым партнером Японии. В последние годы их доля в японском внешнеторговом обороте составляла около 18%, что существенно превосходит совокупную долю 25 стран Европейского союза (порядка 13%) и все еще выше доли Китая (около 17%). Однако если для японского экспорта США по-прежнему являются крупнейшим рынком (сюда направляется более 22% его общего объема), то в качестве поставщика товаров в Японию они еще в 2003 г. уступили лидерство Китаю, и сейчас на них приходится порядка 12% японского импорта (на Китай – 21%). В целом же, как показывают приводимые ниже данные, в период 1990–2006 гг. позиции США в качестве торгового партнера Японии – не только по импорту, но и по экспорту – заметно ослабели.

Таблица 2

Изменение географической структуры внешней торговли Японии за период 1990 – 2006 гг. (%)^{*}

	Экспорт					Импорт				
	1990 г.	1994 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.	1990 г.	1994 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Всего, в т.ч.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
США	31,5	31,2	29,7	24,6	22,5	22,3	22,8	19,0	15,4	11,8
Евросоюз	21,9	16,6	16,3	15,3	14,5	18,0	15,7	12,3	12,8	10,3
Китай	2,3	4,7	6,3	12,2	14,3	5,5	10,0	14,5	19,7	20,5
Прочие страны Азии	28,8	35,2	34,8	34,3	32,0	23,3	25,3	27,2	24,8	22,3

^{*} Асахи симбун. Japan Almanac. 2005, с. 96; JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, с. 78.

За снижением доли США в японском экспорте и импорте стоят огромные изменения, происходящие в системе внешнеэкономических связей Японии под влиянием глобализации. Как известно, одним из главных проявлений глобализации является создание крупными ком-

паниями производственных баз за рубежом, в том числе перенос производственных мощностей из более развитых стран в менее развитые в поисках дополнительных конкурентных преимуществ. Японские промышленные компании являются одними из наиболее активных участников этих процессов, при этом основным объектом их внимания стали государства Восточной Азии.

Еще в 80-е годы прошлого века Япония начала переводить сюда предприятия отраслей с относительно невысокой степенью наукоемкости и технической сложности (таких, как текстильная, химическая, деревообрабатывающая, металлургическая, судостроительная и т. д.), на собственной территории осваивая и развивая все более и более сложные отрасли и производства. В последующие годы масштабы этого процесса значительно возросли, а на передний план вышли отрасли, характеризующиеся достаточно высоким уровнем научно- и техноёмкости (автомобилестроение, бытовое электромашиностроение, электронное машиностроение, точное машиностроение и т. д.)¹.

В середине текущего десятилетия в Восточной Азии оперировали уже порядка 7200 предприятий, созданных японскими фирмами (около 3 тыс. – в Китае, около 2,5 тыс. – в странах АСЕАН и более 1700 – в НИЭ Азии)². Объемы выпуска продукции на них быстро нарастают, увеличивая одновременно производственный потенциал и расширяя экспортные возможности японских промышленных компаний.

Формирование в Восточной Азии мощной производственной базы японской промышленности самым непосредственным образом сказалося на позициях США во внешней торговле Японии.

Во-первых, оно сопровождается расширением и углублением разделения труда между Японией – с одной стороны, и государствами Восточной Азии – с другой, что в свою очередь приводит к быстрому нарастанию объемов взаимной торговли. В 1990-х – начале 2000-х годов темпы роста торговли Японии со странами Восточной Азии в среднем почти в два раза превышали темпы роста ее торговли с другими регионами, что позволило им выйти на лидерские позиции и существенно потеснить других ее партнеров, в первую очередь США.

Во-вторых, значительная часть предприятий японских компаний, оперирующих в Восточной Азии, была создана с целью реализации продукции не на внутреннем рынке и даже не в Японии, а на рынках третьих стран, в первую очередь США. Используя такое очевидное конкурентное преимущество стран Восточной Азии, как дешевая

¹ Подробно см.: Лебедева И. П. Япония – Восточная Азия: новые контуры экономического взаимодействия. – Япония, открытая миру. М., 2007, глава шестая.

² Асахи дэта нэнкан. Japan Almanac. 2006, с. 114.

рабочая сила, японские компании наладили здесь массовый выпуск продукции бытовой техники и электроники, компьютеров, принтеров, факсимильных аппаратов, информационной техники, мобильных телефонов и т. д. с целью последующего ее экспорта в США. Иными словами, снижение доли США в структуре японского экспорта отнюдь не означает ослабление внимания японских компаний к американскому рынку. США с их огромным экономическим потенциалом, емким внутренним рынком и высокой склонностью населения к потреблению по-прежнему остаются наиболее притягательным регионом для японских экспортеров, для завоевания которого они теперь используют не только национальный производственный потенциал, но и возможности своей производственной базы в Восточной Азии.

Следует отметить, что в последние годы в связи со значительным прогрессом NAFTA (соглашения о создании зоны свободной торговли между США, Канадой и Мексикой) для расширения экспорта в США японские компании стали все активнее использовать в качестве плацдарма Мексику. Например, при некотором сокращении объемов прямых поставок в США телевизоров и прочей электронной техники происходит быстрое наращивание объемов экспорта в Мексику деталей и компонентов для сборки продукции на месте и последующего ее экспорта в США. В частности, в 2006 г. объем японских поставок в Мексику электронных деталей и компонентов вырос почти на 40%, а мексиканский экспорт конечной продукции электроники увеличился почти на 27%, при этом более 85% его объема было направлено в США³.

В то же время, как было показано выше, США остаются пока крупнейшим рынком и для прямого японского экспорта. При этом важно отметить, что в значительной степени именно за счет расширения экспорта в США (а также в Китай) Японии удалось окончательно преодолеть многолетнюю депрессию и с 2003 г. выйти на путь устойчивого (хотя и умеренного) экономического роста.

Как показывают данные таблицы 1, за период 2003–2006 гг. Япония вывезла в США различной продукции на сумму более половины трлн. долл. (522, 8 млрд. долл.). Среднегодовые темпы роста японского экспорта в США в этот период составили 8,1%, что на 0,5% превысило среднегодовые темпы роста японского экспорта в целом. При этом принципиально важное значение имел тот факт, что американский рынок поглощал в первую очередь продукцию именно тех отраслей японской промышленности, которые оказались в эпицентре

³ JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, с. 59.

экономического оживления – автомобилестроения, общего машиностроения, электромашиностроения.

Несомненно, что существенное расширение объема поставок японской продукции на американский рынок в последние годы в немалой степени было связано с благоприятной экономической конъюнктурой в США. Однако в целом сохранение за США роли наиболее крупного экспортного рынка Японии свидетельствует об адекватности потребностей американской экономики производственным возможностям японской промышленности, о соответствии уровней техники и технологии обеих стран, а главное – о высокой конкурентоспособности японского экспорта, позволяющей японским компаниям не только удерживать, но и расширять свою долю на столь зрелом и насыщенном рынке, каким являются США.

Японский экспорт в США представлен, прежде всего, продукцией машиностроения (в последние годы на нее приходилось около 80% общей его стоимости), а главной его статьёй являются автомобили. В 2004 г. в США было поставлено 1 523 220 автомобилей (на сумму 33,1 млрд. долл.), в 2005 г. – 1 624 685 автомобилей (на сумму 36,2 млрд. долл.), а в 2006 г. – 2 206 347 автомобилей (на сумму 45,4 млрд. долл.). При этом к 2006 г. доля поставок в США в общем выпуске автомобилей в Японии возросла до 22,7%, а в общей стоимости их экспорта – до 43%⁴. Иными словами, для японских автомобильных компаний американский рынок имеет первостепенное значение, и, как будет показано ниже, для его завоевания они используют возможности не только отечественных предприятий, но и предприятий, созданных ими в самой Америке. С последним обстоятельством связан, в частности, тот факт, что весьма крупной статьёй японского экспорта в США (порядка 9–10 млрд. долл.) являются детали и компоненты для автомобилей. Всего же на автомобили, автомобильные детали и компоненты в последние годы приходилось до 40% общей стоимости японского экспорта в США.

Следующей по важности статьёй японского экспорта в США является продукция общего машиностроения – на ее долю приходится порядка 21–22% общей его стоимости (более 30 млрд. долл.). Япония поставляет на американский рынок различные виды офисной техники (в том числе оборудование для автоматической обработки информации), моторы и двигатели, металлообрабатывающие и металлорежущие станки, различные виды строительной техники, оборудование для шахт, нагревательные и охлаждающие установки, насосы и центри-

⁴ //http://www.JAMA.org/ststatistics. JETRO White paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, с. 79.

фуги, погрузочно-разгрузочную технику и т. д. Объем поставок за 2003–2006 гг. увеличился почти на 30% (с 24,4 млрд. долл. до 31,3 млрд. долл.), при этом на долю США приходится примерно 1/4 общей стоимости экспорта Японией этой продукции.

Значительная часть японского экспорта в США (16–18%) представлена продукцией электромашиностроения. Правда, в результате все большего замещения прямых поставок из Японии поставками с зарубежных предприятий японских компаний с начала 2000-х годов объемы ввоза этой продукции практически не увеличиваются и составляют порядка 23–23,5 млрд. долл. в год. Однако, если с зарубежных предприятий японских компаний (особенно с тех, что расположены в странах Восточной Азии) в Америку ввозится в основном продукция относительно невысокого уровня науко- и техноёмкости, то из Японии – главным образом высокотехнологичная, наукоёмкая продукция. Она представлена такими товарами, как цифровые видеокамеры, телевизоры с плоским экраном (плазменные и жидкокристаллические), телевизионные камеры, DVD, видеоманитофоны, контрольно-измерительная аппаратура, компьютеры, средства связи и информации и т. д.

В то же время для расположенных в США сборочных предприятий, созданных японскими компаниями с целью преодоления торговых ограничений, из Японии ввозятся различные электронные детали и компоненты (транзисторы, интегральные схемы, термоэлементы, трубки и т. д.), которые так же, как и конечная продукция, относятся в основном к категории наукоёмких, высокотехнологичных. Правда, следует отметить, что с начала 2000-х годов объемы поставок этой продукции начали сокращаться, поскольку в связи с заметным повышением технического уровня азиатских предприятий стало возможным заменить ее экспорт из Японии поставками из стран Восточной Азии.

Наконец, около 3% японского экспорта в США (порядка 3,5–4 млрд. долл.) приходится на продукцию точного машиностроения, представленную главным образом научным оборудованием и оптическими приборами. Характерно, что примерно такой же суммой измеряется и объем поставок аналогичной продукции из США в Японию. Это говорит о существовании между ними взаимовыгодного разделения труда в этой области, позволяющего обеим странам обеспечивать свои лаборатории и конструкторские бюро первоклассными приборами и оборудованием за счет дополнения собственных достижений на одних направлениях достижениями партнера – на других.

Таким образом, высокотехнологичная наукоёмкая продукция различных отраслей машиностроения, а также автомобили, воплощающие

последние достижения конструкторской и инженерной мысли и отвечающие высшим мировым стандартам с точки зрения качества и безопасности, формируют основу японского экспорта в США. В то же время в той или иной степени на американском рынке представлена и продукция других отраслей японской промышленности – сталь, цветные металлы, продукты органической химии, пластмассы, металлоизделия, текстиль, фарфор, продовольственные товары и т. д. Однако в отличие от продукции машиностроения, обладающей высокой конкурентоспособностью и занимающей весьма прочные позиции на американском рынке, эти товары сталкиваются с сильной конкуренцией со стороны аналогичных товаров, поставляемых из менее развитых стран (Южной Кореи, Китая, Индии, Бразилии, Мексики и т. д.), где в силу очевидных причин издержки производства ниже, чем в Японии. Объемы поставок этой продукции на американский рынок относительно невелики, и поэтому их влияние на положение соответствующих отраслей японской промышленности оказывается незначительным. Среди товаров этой группы высокой конкурентоспособностью обладают японские сталь и стальной прокат, однако расширению их поставок на американский рынок препятствует протекционистская политика правительства США, воздвигающая на пути японских экспортеров разного рода преграды (от высоких таможенных пошлин до обвинений в демпинге).

Перейдем теперь к рассмотрению положения дел в области японского импорта из США. Как видно из данных таблицы 1, объемы импорта Японии из США существенно уступают объемам ее экспорта в эту страну. Размеры дефицита США в торговле с Японией не могут не поражать: в 1991–2006 гг. они колебались в пределах 50–80 млрд. долл. Несбалансированность торговли – это весьма застарелая болезнь японо-американских экономических отношений. Она возникла еще в 70-х годах прошлого века и резко обострилась во второй половине 80-х годов, когда, несмотря на резкое повышение курса иены, размеры дефицита США в торговле с Японией достигли астрономических сумм – более 50 млрд. долл.⁵

Важно при этом отметить, что, несмотря на огромные и продолжавшие возрастать размеры американского дефицита, доля США в общей стоимости японского импорта долгие годы оставалась практически стабильной. Так, в период второй половины 80–90-х годов она составляла в среднем 22–23%. Однако на рубеже веков ситуация из-

⁵ Шевченко Н. Ю. Японо-американские экономические отношения на современном этапе. М., 1990, с. 127.

менилась: достигнув в 1998 г. 23,9% , этот показатель начал стремительно падать и в 2006 г. составил всего лишь 11,8% ⁶.

Как уже отмечалось, ослабление позиций США в качестве внешне-торгового партнера Японии (особенно заметное в области импорта) является следствием перестройки системы внешнеэкономических связей Японии под влиянием глобализации и, прежде всего, резкого возрастания в последние годы объемов и значимости товарообмена между Японией и государствами Восточной Азии.

Кроме того, следует иметь в виду и такой фактор, как значительный рост цен на нефть и другие энергоносители, начавшийся с 2003 г., в результате которого происходит не только рост стоимости импорта этой продукции и повышение ее доли в общем объеме японского импорта (последняя поднялась с 20,3% в 2000 г. до 21,7% в 2004 г. и 27,7% в 2006 г.), но и относительное усиление позиций стран-экспортеров нефти (в данном случае арабских государств и Ирана) в качестве торговых партнеров Японии.

Наконец, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что, как и в случае с японским экспортом в США, часть прямого американского экспорта в Японию все больше замещается поставками с зарубежных предприятий американских компаний, расположенных в самых разных странах мира. В частности, вполне резонно предположить, что в нарастающих из года в год потоках китайского экспорта в Японию (достигшего к 2006 г. 118,5 млрд. долл.) немалую долю составляет продукция, произведенная на расположенных здесь предприятиях американских компаний. Ведь американский капитал пришел в Китай одним из первых, а доля США в накопленных прямых иностранных инвестициях в Китае, на конец 2005 г. превысивших 560 млрд. долл., составила 8,5% (около 50 млрд. долл.)⁷.

Отмеченные обстоятельства, безусловно, нужно иметь в виду, говоря об ослаблении позиций США на японском рынке. Однако они не отменяют главной проблемы японо-американских экономических отношений – хронического и нарастающего в тенденции торгового дисбаланса. Поскольку по сравнению с 80-ми и даже 90-ми годами прошлого века в последние годы степень открытости японской экономики значительно возросла, сохранение торгового дисбаланса и вялая динамика американского экспорта означают, что и в новых условиях американские компании не смогли расширить свою долю на японском рынке и продолжают проигрывать в конкурентоспособности как японским предприятиям, так и компаниям третьих стран.

⁶ Асахи дэта нэнкан. Japan Almanac. 2006, с. 136; JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, с. 78.

⁷ ДЖЭТРО Бозки тоси хакусэ (Белая книга по торговле и инвестициям). Токио, 2006, с. 73.

Тем не менее, этот тезис не должен вводить в заблуждение относительно значимости для Японии тех товаров и товарных групп, которые уже не одно десятилетие составляют основу ее импорта из США.

В этой связи, прежде всего, следует отметить значительные контрасты между товарной структурой японского экспорта в США и товарной структурой встречных потоков – американского экспорта в Японию. Как было показано выше, японский экспорт в США состоит почти исключительно из продукции обрабатывающей промышленности, причем 4/5 его стоимости приходится на продукцию машиностроения. Что же касается американского экспорта в Японию, то достаточно высокую долю в нем (в среднем 28–30%) продолжают занимать продовольствие и сырьевые товары. Правда, по сравнению с 70–80-ми годами прошлого столетия доля сырьевых товаров (таких, как уголь, лес, кожа, лом черных и цветных металлов, целлюлоза и т. д.) существенно снизилась (с 30% в 70-е и 20% в 80-е годы до 6–7% в середине текущего десятилетия). Но что касается продовольствия, то его доля практически не изменилась и в последние годы составляла в среднем 20–21% (порядка 13 млрд. долл.).

Не будет преувеличением сказать, что поставки продовольствия из США имеют критически важное значение для Японии. Как известно, из-за низкой конкурентоспособности японского сельского хозяйства уровень самообеспеченности страны продовольствием неуклонно снижается – с 53% в 1980 г. он снизился до 47% в 1990 г. и 40% в последние годы (при расчете по калориям)⁸. США являются крупнейшим поставщиком продовольствия в Японию. На них приходится более четверти общей стоимости японского импорта продовольствия, при этом по некоторым позициям их доля значительно выше. Так, из США поступает более 70% импорта соевых бобов (при уровне самообеспеченности около 6%), более 60% зерна и мучных изделий (при уровне самообеспеченности 13–14%), более 50% мяса (при уровне самообеспеченности немногими более 50%) и т. д.⁹ Помимо названных товаров, США ввозят в Японию кукурузу, фрукты, овощи, рыбу, морепродукты, алкогольную продукцию и т. д.

Следует отметить, что для США Япония уже давно стала одним из важнейших рынков сбыта отечественной сельскохозяйственной продукции, и они всегда выступали в роли самых жестких критиков японского аграрного протекционизма, требуя полной либерализации импорта продовольствия.

⁸ Асахи дэта нэнкан. Japan Almanac. Tokyo, 2006, с. 150.

⁹ Асахи симбун. Japan Almanac. 2005, с. 122; 2006, с. 133, 150–151. В 2003 г. импорт из США мяса был приостановлен в связи с регистрацией там случаев коровьего бешенства.

Что касается машин и оборудования, то хотя к настоящему времени по сравнению с периодом 70–80-х годов прошлого столетия их доля в японском импорте из США существенно возросла (с 25–30 % до 47–48%), в абсолютном выражении разница между объемами японских и американских поставок этой продукции огромна. Так, в 2001–2003 гг. она составляла в среднем 65–68 млрд. долл., в 2004 г. – более 72 млрд. долл., в 2005 г. – более 77 млрд. долл., а в 2006 г. превысила 84 млрд. долл.¹⁰

Очевидно, что именно перекосы в торговле машиностроительной продукцией и являются основной причиной колоссального хронического дефицита США в торговле с Японией. Как отмечалось выше, лишь в торговле продукцией точного машиностроения (научными приборами и оптическим оборудованием) между Японией и США сложились паритетные отношения, по продукции всех прочих отраслей Япония имеет огромное превосходство. Особенно поражают масштабы превосходства Японии в торговле автомобилями. Так, в первой половине текущего десятилетия объемы японских поставок автомобилей в США составляли в среднем 33–36 млрд. долл. в год, а в 2006 г. превысили 45 млрд. долл., в то время как объемы встречных поставок колебались в пределах 600–700 млн. долл.¹¹

Огромные структурные перекосы в японо-американской торговле продукцией машиностроения выглядят тем более странно, что в мировом экспорте этой продукции США занимают более весомые позиции, чем Япония. Так, например, в 2005 г. доля США в общем его объеме составила 11,2%, а доля Японии – 9,6%, в 2006 г. – 11,3% и 9,9% соответственно. Примерно та же степень различий между их позициями наблюдается и в мировой торговле продукцией, объединяемой в категорию «информационная техника и технологии»: доля США в мировом экспорте этой продукции в 2006 г. составила 9,7%, а Японии – 7,3%.¹²

Оставляя в стороне вопрос о причинах и характере структурных перекосов в японо-американской торговле продукцией машиностроения (требующий специального исследования), подчеркнем, что импорт из США отдельных видов машин и оборудования имеет для Японии крайне важное значение. К этой группе относятся самолеты, сверхмощные компьютеры, ядерные реакторы, сверхсложная медицинская техника. Кроме того, в рамках ряда товарных групп, чья продукция формирует и основу японского экспорта в США, в Японию ввозятся

¹⁰ Нихон-но боэки доко. 2006, с. 57–58; JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, p. 79.

¹¹ Там же.

¹² JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, p. 35–36.

те виды машин и оборудования, которые сама она либо не выпускает, либо находит более выгодным закупать в США. Это – моторы и двигатели, различные виды конторского оборудования, электронные детали и компоненты с высокой долей добавленной стоимости, аудио- и видеотехника, средства связи и информации. В целом же не только по объему, но и по ассортименту американский экспорт машиностроительной продукции в Японию существенно уступает встречным японским поставкам.

Около 20% стоимости японского импорта из США приходится на продукцию таких отраслей, как химическая, фармацевтическая, металлургическая, текстильная, швейная, деревообрабатывающая и т. д. В этой группе и по объемам поставок, и по их по значимости для японского рынка выделяется химическая промышленность. В стоимости американского экспорта в Японию доля химической продукции составляет порядка 12–13% (8–9 млрд. долл.), а в общей стоимости японского импорта этой продукции на поставки из США приходится порядка 20%. В частности, США обеспечивают около 20% японского импорта лекарств и медикаментов.

Огромные перекосы в японо-американской торговле продукцией материального производства, за которыми, в конечном счете, стоит тот факт, что Япония может предложить Соединенным Штатам гораздо больший объем конкурентоспособной продукции, чем США – Японии, до последнего времени несколько смягчались благодаря положительному для США балансу двухсторонней торговли услугами.

США являются крупнейшим в мире экспортером и импортером услуг: в 2006 г. на них пришлось 14,3% (387,4 млрд. долл.) в мировом экспорте и 11,7% (306,6 млрд. долл.) в мировом импорте услуг. Доля Японии существенно ниже – соответственно 4,5% (121,4 млрд. долл.) и 5,5% (142,8 млрд. долл.). На протяжении многих лет Япония имела отрицательный баланс в торговле услугами, размеры которого в конце 90-х годов достигали 65–68 млрд. долл., при этом существенная часть этой суммы приходилась на торговлю с США (30–40%). Однако с начала 2000-х годов размеры этого дисбаланса стали быстро сокращаться (в том числе и благодаря приходу с японскую сферу услуг иностранного капитала) и в 2006 г. составили всего лишь 18,3 млрд. долл., из которых на долю США пришлось менее половины. В результате существенно сузились и возможности некоторой балансировки расчетов между США и Японией по текущим статьям платежного баланса за счет торговли услугами.

В условиях расширения и углубления процессов глобализации все большее значение в международных экономических отношениях приобретает движение капиталов и, прежде всего, прямых инвести-

ций. Объемы, динамика и структура потоков прямых инвестиций во все большей степени определяют не только состояние торговых связей и взаимных расчетов между странами, но и сами перспективы их экономического развития.

Будучи крупнейшими экономиками мира, Япония и США являются, с одной стороны, крупнейшими мировыми инвесторами, а с другой – весьма привлекательным объектом для иностранных прямых инвестиций. Иными словами, значимость их друг для друга в качестве партнеров для сотрудничества в этой области совершенно очевидна.

Между тем двусторонние потоки прямых инвестиций между США и Японией долгое время были весьма незначительными. Что касается Японии, то до середины 80-х годов она просто не имела достаточно средств для масштабного зарубежного инвестирования. А что касается США, то приток их прямых инвестиций в Японию тормозило существование здесь разного рода формальных и неформальных ограничений, а также высокая степень регламентации хозяйственной жизни со стороны государства.

Японские инвестиции в США стали быстро нарастать со второй половины 80-х годов, когда в результате резкого роста курса иены стала очевидной целесообразность замены экспорта организацией производства за рубежом. Что же касается США, то они начали активно вкладывать деньги в японскую экономику с конца 90-х годов, поскольку к этому времени в результате проведения ряда реформ (прежде всего реформы государственного регулирования финансовой системы) привлекательность предпринимательской деятельности в Японии заметно возросла.

О том, насколько усилились в последнее десятилетие позиции США в качестве инвестора японской экономики и реципиента ее прямых инвестиций, можно судить по приводимым ниже данным (см. табл. 3).

Как показывают приведенные данные, США являются безусловным лидером среди зарубежных инвесторов Японии: на них приходится почти 40% суммы накопленных иностранных прямых инвестиций в японскую экономику (около 42 млрд. долл.). До недавнего времени США оставались также основным объектом «притяжения» зарубежных инвестиций японских компаний, и хотя в самые последние годы их доля в общем объеме накопленных инвестиций несколько снизилась (в первую очередь за счет усиления внимания к восточно-азиатскому региону, где формируется мощная производственная база японской промышленности), по абсолютным показателям (более 156 млрд. долл. на конец 2006 г.) их позиции намного превосходят как позиции Восточной Азии (105,2 млрд. долл., или 23,4%), так и позиции Западной Европы (118,7 млрд. долл., или 26,4%).

Таблица 3
Прямые японские инвестиции в США и прямые американские инвестиции в Японии (на конец года, млрд. долл.)*

Год	Прямые японские инвестиции в США	Доля США в японских зарубежных прямых инвестициях, %	Прямые американские инвестиции в Японии	Доля США в иностранных прямых инвестициях в Японии, %
1996	94,336	36,5	15,394	51,4
1997	102,336	37,6	13,621	50,3
1998	111,108	41,0	14,653	56,0
1999	118,435	47,6	18,712	40,5
2000	132,222	47,5	14,147	28,0
2001	140,651	46,7	18,465	36,6
2002	136,190	44,6	35,743	45,5
2003	139,195	41,4	36,612	40,8
2004	142,302	38,3	40,872	42,0
2005	150,152	38,7	43,888	43,3
2006	156,411	34,8	41,989	39,0

* Составлено по: Нихон-но кунти тикикибэцу тайгай тэкусэцу тоси дзандака. Нихон-но кунти тикикибэцу тайгай тэкусэцу тоси дзандака (Накопленные прямые зарубежные инвестиции Японии по странам и регионам. Накопленные иностранные инвестиции в Японии по странам и регионам). – www.jetro.go.jp/en/stats

Что касается роли Японии в качестве инвестора и реципиента американских прямых инвестиций, то она существенно скромнее. Так, в середине текущего десятилетия в общей сумме вложенных в экономику США прямых иностранных инвестиций более 1,47 трлн. долл. доля Японии составила порядка 10%, а в накопленных зарубежных прямых инвестициях американских компаний 2,18 трлн. долл. – всего лишь 2%¹³.

Конечно, в определенной степени несоразмерность потоков прямых инвестиций между Японией и США объясняется различиями в масштабах их экономик (ВВП Японии составляет около 35% ВВП США). Кроме того, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что с начала 90-х годов и вплоть до 2003 г. японская экономика переживала глубокую затяжную депрессию, в то время как американская эконо-

¹³ World Investment Report. UNCTAD. 2005. Annex, table B2.

мика находилась на подъеме. Но главное, что стоит за значительными различиями в абсолютных и относительных показателях, характеризующих японо-американские отношения по линии прямых инвестиций, это то, что с точки зрения привлекательности бизнес-среды японская экономика пока все еще существенно уступает американской. Иными словами, если японским компаниям американская экономика представляется чрезвычайно привлекательным объектом для инвестирования, то американские компании японскую экономику таковой не считают (по крайней мере, не считали до последнего времени).

Хотя в последние годы в Японии много было сделано для привлечения иностранного капитала, и к концу 2006 г. накопленные иностранные прямые инвестиции превысили 107 млрд. долл. (т. е. удвоились по сравнению с началом 2000-х годов), сохраняется целый ряд моментов, затрудняющих работу иностранных инвесторов на японском рынке. Это – и высокая заработная плата японских рабочих, и дороговизна земли, и высокие транзакционные издержки, и языковой барьер, и особенности деловой этики и деловых отношений, и существование закрытых предпринимательских структур, и все еще сохраняющаяся закрытость японского общества и т. д.¹⁴

Что же касается американской экономики, то ее конкурентные преимущества как объекта для инвестирования совершенно очевидны – это и огромная емкость внутреннего рынка, и высокая степень безопасности для иностранных инвестиций, и отсутствие проблем с наймом рабочей силы необходимой квалификации, и наличие высокоразвитой инфраструктуры, и высокий уровень культуры производства и т. д.

Следует отметить, что дополнительную привлекательность в глазах японских инвесторов американская экономика получила после резкого повышения в середине 80-х годов курса иены по отношению к доллару, так как это привело к значительному удешевлению всех видов издержек японских компаний в США (в иеновом выражении). Поскольку в последующие годы курс иены продолжал в тенденции возрастать, этот фактор сохранил свое значение вплоть до последнего времени. И, наконец, в период депрессии 90-х – начала 2000-х годов и даже после выхода из нее еще одним мотивом, побуждавшим японские компании вкладывать деньги в США, стала высокая деловая активность, резко контрастировавшая с положением дел в самой Японии. В частности, если в Японии в первой половине текущего десятилетия коэффициент открытия бизнеса находился в пределах 4–4,9%, а

¹⁴ Подробно см.: *И. Л. Тимонина*. Иностраный капитал на японском рынке. – Япония, открытая миру. М., 2007, глава пятая, с.138–161.

коэффициент закрытия бизнеса – 4–4,8%, то в США первый показатель составлял около 13%, а второй – около 11%¹⁵.

В период второй половины 80-х – начала 90-х годов, на который пришлось первая волна масштабного притока японских прямых инвестиций в США, основная часть капиталов – около 60% – была направлена в создание предприятий оптовой и розничной торговли, а еще порядка 20% – в банковскую сферу. Иными словами, на этом этапе первостепенное внимание уделялось обустройству каналов сбыта продукции японских экспортеров на американском рынке и обслуживанию их финансовых операций. Доля же обрабатывающей промышленности была невелика и составляла порядка 14–15%¹⁶.

Однако в последующие годы одним из главных мотивов инвестиций японских компаний в американскую экономику становится стремление обойти разного рода ограничения, воздвигавшиеся на пути японских товаров на американский рынок, путем замены экспорта продукции организацией ее производства на территории самих США. Это привело к значительному росту абсолютных размеров инвестиций в обрабатывающую промышленность и повышению их доли в отраслевой структуре японских инвестиций. По данным Банка Японии, на конец 2006 г. в накопленных прямых инвестициях на долю обрабатывающей промышленности приходилось уже более половины, в то время как на сферу финансов и страхования – 12%, а на оптовую и розничную торговлю – 13,5%¹⁷. При этом по мере роста числа промышленных предприятий и увеличения объема их выпуска торговые, финансовые и прочие компании, созданные для «проталкивания» на американский рынок японского экспорта, все больше переключались на содействие реализации продукции, произведенной на филиалах японских компаний в США.

По данным ДЖЭТРО, в 2006 г. в США насчитывалось 2079 промышленных предприятий, принадлежащих японскому капиталу (20 лет назад, в 1987 г., их было 640). Они представляют весьма широкий спектр отраслей современной промышленности. Так, 140 предприятий оперируют в производстве электронных деталей и компонентов, 98 – в электромашиностроении, 33 – в автомобильной промышленности, 411 – в производстве автомобильных деталей и компонентов, 53 – в точном машиностроении, 145 – в общем машиностроении, 278 – в химической промышленности, 65 – в строительно-керамической промышленности,

¹⁵ Японский опыт для российских реформ. М., 2004, выпуск второй, с. 44.

¹⁶ *Шевченко Н. Ю.* Японо-американские экономические отношения на современном этапе. М., 1990, с. 176.

¹⁷ www.boj.or.jp/en/

62 – в черной металлургии, 81 – в металлообработке, 33 – в цветной металлургии, 169 – в пищевой промышленности и т. д.¹⁸

Следует отметить, что в отличие от других регионов в США промышленные предприятия, принадлежащие японскому капиталу, работают главным образом на внутренний рынок. Так, в 2006 г. более 90% продукции этих предприятий было реализовано на американском рынке, около 2% – направлено на экспорт в Японию и около 8% – на экспорт в третьи страны. Для Западной Европы соответствующие показатели составили 60%, 1,3% и 38,7%, для государств Восточной Азии (без Китая) – 52%, 18% и 30%, а для Китая – соответственно 50,5%, 27,4% и 22,1%¹⁹.

Региональные отличия в стратегии реализации продукции зарубежными предприятиями японских компаний особенно заметны в таких отраслях, как общее машиностроение и электромашиностроение. В то время как в США они реализуют на внутреннем рынке около 90% продукции общего машиностроения и около 85% – продукции электромашиностроения, в странах АСЕАН – соответственно лишь 30% и 16%, а в Китае – 32% и 30%²⁰. Иными словами, если в других регионах, прежде всего в Восточной Азии и Китае, местные предприятия японских компаний в значительной степени используются как база для расширения японского экспорта в третьи страны или импорта определенных товаров в Японию, то в США их целью является сам американский рынок.

По масштабам инвестиций, объемам производства и значимости как для японской, так и для американской экономики безусловным лидером среди различных отраслей промышленности является автомобилестроение. Выше уже говорилось о том, насколько велика доля продукции автомобилестроения в японском экспорте в США и насколько важны поставки на американский рынок для японских автомобилестроительных компаний. Однако еще с 80-х годов прошлого века для расширения своей доли на американском рынке японские компании стали налаживать производство автомобилей на территории самих США. Объем выпуска автомобилей на американских предприятиях японских компаний стремительно нарастал и в 1993 г. впервые превзошел объем их импорта из Японии. В последующие годы разрыв между этими показателями в тенденции продолжал увеличиваться,

¹⁸ ДЖЭТРО Хокубэй никкэй сэйдогё-но кэйэй дзиттай. (Положение японских предприятий обрабатывающей промышленности в Северной Америке). 2006. с. 37

¹⁹ Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. October 2007, Chart 31. Для Западной Европы и Восточной Азии (без Китая) экспорт в третьи страны включает и поставки внутри соответствующего региона.

²⁰ JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, с. 85

достигнув максимума в 2005 г., когда объем произведенных в США японских автомобилей более чем на 1800 тыс. штук превысил объем их импорта. О том, как менялось соотношение между этими двумя показателями в период 1993–2006 гг. дают представление материалы таблицы 4.

Таблица 4
Динамика и соотношение объемов японского экспорта автомобилей в США и выпуска автомобилей на американских предприятиях японских компаний*

Год	ВСЕГО		Экспорт из Японии		Производство в США	
	тыс. штук	%	тыс. штук	%	тыс. штук	%
1993	3445	100,0	1617	46,9	1828	53,1
1994	3796	100,0	1643	43,3	2153	56,7
1995	3529	100,0	1228	34,8	2301	65,2
1996	3415	100,0	1098	32,2	2317	67,8
1997	3583	100,0	1271	35,5	2312	64,5
1998	3696	100,0	1314	35,6	2382	64,4
1999	3983	100,0	1556	39,1	2427	60,9
2000	4231	100,0	1669	39,4	2562	60,6
2001	4050	100,0	1607	39,7	2443	60,3
2002	4453	100,0	1842	41,4	2611	58,6
2003	4463	100,0	1594	35,7	2869	64,3
2004	4721	100,0	1560	33,0	3161	67,0
2005	5152	100,0	1663	32,3	3489	67,7
2006	5620	100,0	2262	40,2	3358	59,8

* Составлено по: Cars and Trucks for a Vibrant America and a Better World. JAMA. 2007, с.8.

Сейчас на японские автомобили (как экспортированные, так и произведенные на американских филиалах) приходится порядка 35% общего объема продаж автомобилей в США, причем особенно быстро японская ниша на американском рынке расширялась в последние годы, когда началось повышение цен на нефть, а соответственно – и на бензин²¹.

К настоящему времени в США построили свои заводы все ведущие автомобилестроительные фирмы Японии. По состоянию на 2006 г. их

²¹ Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. 2007, October, Chart 29.

совокупные мощности составили 4050 тыс. единиц, инвестиции в оборудование – около 31 млрд. долл., а общая численность занятых – более 60 тыс. человек. Всего же в производстве, реализации и послепродажном обслуживании японских автомобилей в США занято около 430 тыс. человек²².

Наряду со сборочными заводами в США функционирует и множество японских предприятий, производящих детали, компоненты и прочую продукцию, необходимую для сборочных производств. По данным за 2006 г., их насчитывалось более 400. Среди этих предприятий есть как те, что были созданы небольшими японскими фирмами, пришедшими в Америку вслед за своими головными компаниями, так и те, что были приобретены японским капиталом из числа местных производителей. Их роль в обеспечении сборочных заводов комплектующими материалами из года в год возрастает, в то время как роль поставок из Японии, напротив, уменьшается. Так, если производство японских автомобилей в США за период 1993–2006 гг. увеличилось в 1,84 раза, то объем поставок деталей и компонентов с местных предприятий возрос в 3,14 раза (до 48,8 млрд. долл. в 2006 г.)²³.

Однако в стратегии глобализации производства японских автомобилестроительных компаний США отводится роль не только производителя конечной продукции и комплектующих, но и одного из центров по проведению НИОКР и разработке новых моделей. К настоящему времени большая часть японских компаний уже создали либо специальные отделения, либо центры, где наряду с контролем качества двигателей и комплектующих проводятся работы по дизайну корпуса новых моделей, разработке новых двигателей и новых деталей, созданию опытных образцов. Уже сейчас в этих центрах работают около 3600 ученых и специалистов.

О несомненных успехах японских компаний в завоевании американского автомобильного рынка свидетельствуют не только высокие темпы роста продаж японских автомобилей и неуклонное повышение их доли в общем объеме продаж, но и явный перелом в восприятии их деятельности самими американскими потребителями. Если в 80-е годы, в начале экспансии японских компаний, в Америке было широко распространено негативное или, по крайней мере, настороженное отношение к японским производителям, то сейчас преобладают прямо противоположные оценки. Так, по данным JAMA (Японской ассоциации производителей автомобилей), 86% американцев считают, что для американской экономики важное значение имеет создание новых ра-

²² Cars and Trucks For a Vibrant America and a Better World. JAMA, 2007, p. 9, 11, 12.

²³ Ibid, p. 10.

бочих мест благодаря приходу японских производителей, 82% полагают, что конкуренция со стороны японских компаний подталкивает американские фирмы к производству более экологически чистых и экономичных моделей, а 70% вообще считают выпускаемые японскими предприятиями в США автомобили не японскими, а американскими²⁴.

Весьма успешно действуют на американском рынке и компании других отраслей – общего машиностроения, электромашиностроения, пищевой промышленности, химические, металлургические и т. д. Согласно последнему обследованию ДЖЭТРО, в 2006 г. более 80% американских филиалов японских промышленных компаний свели свои балансы с профицитом и предполагают и дальше развивать свой бизнес в США. В то же время у примерно 11% предприятий дела обстоят не слишком хорошо, и они даже подумывают закрыть дело²⁵. Интересно отметить, что, хотя по японским меркам это довольно высокий показатель (напомним, что в Японии коэффициент закрытия бизнеса составляет порядка 4–4,5%), он вполне соответствует среднему для США уровню, так как здесь процессы обновления предпринимательской среды идут гораздо интенсивнее, чем в Японии.

Хотя по такому показателю, как отношение прибыли к объему продаж американские филиалы японских компаний уступают и их азиатским филиалам и отечественным предприятиям, на них приходится весьма солидная доля прибыли, получаемой японскими компаниями от зарубежного производства. Так, в конце 90-х – начале 2000-х годов на американские филиалы приходилось порядка 45–55% всех доходов японских фирм от зарубежных предприятий. В последующие годы в результате значительного расширения масштабов предпринимательской деятельности японских компаний в Азии доля США начала снижаться (до 34% в 2006 г.), но в абсолютном выражении прибыли американских филиалов продолжали расти и вплоть до 2004 г. превосходили доходы от азиатских предприятий²⁶.

Следует отметить, что дополнительную устойчивость бизнесу японских компаний в США придает то, что он носит комплексный характер. Абсолютное большинство оперирующих здесь японских фирм имеют региональные штаб-квартиры, центры по проведению НИОКР и разработке новых продуктов, располагают собственной сетью торговых предприятий и предприятий послепродажного обслуживания, а также хорошо отлаженной сетью поставщиков деталей, материалов и

²⁴ Ibid, p. 2.

²⁵ ДЖЭТРО Хокубэй никкэй сэйдзогё-но кэйэй дзиттай. 2006, с. 20.

²⁶ METI White Paper on Foreign Trade. Tokyo, 2007, с. 331.

компонентов²⁷. И хотя, как отмечалось выше, в последнее время все большая доля зарубежных прямых инвестиций японских компаний направляется в страны Восточной Азии, несомненно, что США и впредь будут притягивать немалую часть этих инвестиций, особенно в наукоемкие, высокотехнологичные производства, где их конкурентные преимущества совершенно очевидны.

Что касается прямых инвестиций американских компаний в Японию, то, как было показано выше, в силу целого ряда причин они до последнего времени занимали довольно скромное место в общем комплексе японо-американских экономических отношений. На конец 2006 г. американские прямые инвестиции в Японию составили 42 млрд. долл. (около 40% общей суммы накопленных иностранных инвестиций), т. е. почти в четыре раза уступали японским прямым инвестициям в США (см. табл.3). Однако ситуация довольно быстро меняется. Так, по данным ДЖЕТРО, к концу сентября 2007 г., т. е. спустя всего лишь девять месяцев, американские прямые инвестиции в Японию достигли 8,6 трлн. иен (порядка 78 млрд. долл.), а доля США в общей сумме накопленных иностранных инвестиций поднялась до 57,3%²⁸.

Есть основания полагать, что и в дальнейшем американские инвестиции в японскую экономику будут прирастать довольно высокими темпами.

Во-первых, доходность предпринимательской деятельности американских компаний в Японии весьма высока. При этом во многих отраслях уровень прибыли оказывается гораздо выше, чем в других развитых странах.

Как показывают приведенные данные, уровень доходности американских инвестиций в Японию в среднем примерно в 1,5–2 раза превышает показатели других развитых стран. При этом особо прибыльными оказываются инвестиции в сферу информации, деловых услуг (профессиональное консультирование, научные исследования, техническое обслуживание и т. д.), автомобилестроение и производство электронных приборов и компонентов.

Во-вторых, преодолев многолетнюю депрессию, Япония вошла в полосу устойчивого роста, что существенно повысило ее привлекательность как объекта инвестирования и усилило целый ряд ее конкурентных преимуществ. Среди последних особо следует выделить высокий уровень техники и технологии производства (в том числе на мелких и средних предприятиях), самые высокие среди развитых

²⁷ Japanese Manufacturing Plants in the U.S.: JETRO's Annual Survey 2002, с. 12.

²⁸ www.jetro.go.jp/en/invest 22.02.2008.

стран показатели инновационности и наукоемкости экономики, один из самых высоких в мире уровень потребительских расходов на душу населения с ярко выраженной склонностью потребителей к поиску новых товаров и услуг²⁹.

Таблица 5
Уровень доходности американских прямых инвестиций в различных странах мира (в среднем за 2001–2005 гг., %)*

	Япония	Канада	Франция	Германия	Италия	Велико-британия	В среднем по другим странам
В среднем по всем отраслям	13	10	7	7	9	5	10
В среднем по обраб. промышленности	15	10	7	7	8	7	10
Химическая промышленность	14	12	18	11	11	6	12
Металлообработка	—	6	3	14	-1	3	8
Общее машиностроение	9	13	13	4	10	9	11
Пр-во компьютеров и электронной техники	10	11	-5	5	7	7	9
Пр-во электронных приборов и компонентов	19	12	3	0	6	3	8
Транспортное машиностроение	15	5	2	6	0	-5	5
Оптовая торговля	11	10	23	23	11	10	17
Сфера информации	22	3	1	2	31	1	11
Финансы, страхование (кроме депозитных институтов)	13	8	6	8	9	2	6
Деловые услуги	19	4	9	9	5	8	10

* *Kendo Moro*. U.S. Direct Investments in Japan Offer the Highest Yields Among Major Industrialized Nations, p.1 (www.jetro.org/content/)

²⁹ Для Японии индекс инновационности экономики составил 0,65, для США – 0,60, для Великобритании – 0,48; показатель наукоемкости (отношение расходов на НИОКР к ВВП) в Японии составил 3,4%, в США – 2,6%, в Германии – 2,5%. По уровню потребительских расходов на душу населения (20,6 млн. долл. в год) Япония занимает третье место в мире (после США и Великобритании), но по склонности населения к приобретению последних новинок – первое (при семибальной шкале оценок показатель Японии – 6,2, США – 6,1, европейских стран – в среднем 5,5–5,7). 10 Advantages to Investing in Japan. JETRO Invest Japan. www.investjapan.

Кроме того, как ни парадоксально, огромное поле деятельности для иностранных компаний создает такая болезненная для японского общества проблема, как быстрое старение населения. Как отмечают японские специалисты, пожилые граждане Японии обладают финансовыми активами, размеры которых составляют порядка 130 трлн. иен (1,2 трлн. долл.), и они готовы потратить их на путешествия, разного рода хобби, приобретение новых знаний и прочие виды услуг³⁰. Все эти моменты чрезвычайно важны для американских компаний, поскольку, согласно данным одного из последних обследований ДЖЭТРО, более 90% из них приходят в Японию с целью завоевания именно японского рынка.

В-третьих, благодаря усилиям, предпринятым в последние годы и центральным правительством, и местными органами власти, условия деятельности иностранных фирм в Японии существенно улучшились. Положительную роль сыграло введение финансовой отчетности компаний, соответствующей стандартам западных стран, внесение ряда поправок в законодательство, облегчающих для иностранцев открытие дела в Японии (в частности, отмена требования в отношении минимального размера капитала при создании нового предприятия, облегчение процедуры слияний и поглощений), а также принятие законов о защите интеллектуальной собственности и создание Верховного суда по интеллектуальной собственности. В целом, по данным ДЖЭТРО, по сравнению с серединой 90-х годов и даже началом текущего десятилетия сейчас гораздо меньший процент иностранных компаний указывают на такие препятствия для успешной работы на японском рынке, как высокие издержки ведения бизнеса, существование традиционной системы деловых отношений, сложность административных процедур.

Основные сферы деятельности американских предприятий в Японии – финансы и страхование (около 34% общей суммы накопленных прямых инвестиций на конец 2006 г.), обрабатывающая промышленность (более 50%, из которых 35% приходится на электромашинно-строение), оптовая и розничная торговля (5,6%) и сфера связи (6,1%)³¹. Свои филиалы в Японии имеют практически все крупные американские банки, страховые фирмы и промышленные компании. Но высокий инновационный потенциал японской экономики привлекает к ней внимание и более мелких американских фирм, в том числе имеющих опыт работы в венчурном бизнесе. Их приход в Японию особенно усилился в последнее время, после внесения в 2005–2006 гг. в законо-

³⁰ Ibid, p. 12.

³¹ www.boj.or.jp/en/

дательство отмеченных выше поправок, облегчающих работу иностранных фирм на японском рынке.

Отмечая быстрое нарастание объема прямых американских инвестиций в японскую экономику, следует иметь в виду, что поскольку основными их «носителями» являются крупнейшие банки и компании, оперирующие многомиллиардными суммами, их динамика сильно зависит от конкретных решений и действий этих гигантов. Так, снижение общей суммы накопленных американских инвестиций, произошедшее в 2006 г., объясняется главным образом продажей «Дженерал моторз» крупного пакета своих акций в компании «Судзуки» (на сумму около 2 млрд. долл.). В то же время резкий рост этой суммы в 2007 г. был связан, прежде всего, с такими крупными сделками, как приобретение брокерской компании «Никко кордиал групп» американским «Ситибэнк» (за 7,9 млрд. долл.) и покупка сети отелей «АНА» компанией «Морган Стэнли групп» (за 2,4 млрд. долл.)³².

В целом же не вызывает сомнений, что масштабы американских прямых инвестиций в Японии будут нарастать, и они будут становиться все более значимой частью двусторонних экономических отношений.

Помимо прямых инвестиций Японию и США связывают интенсивные потоки портфельных инвестиций (т. е. вложения в акции, облигации и другие ценные бумаги, не дающие права управления бизнесом). На конец 2006 г. накопленная сумма портфельных инвестиций Японии в США составила 93 678 млрд. иен, или 33,6% от общей суммы ее зарубежных портфельных инвестиций. На тот же период накопленные портфельные инвестиции США в Японии составили 68 320 млрд. иен, или 32,6% от общей суммы американских зарубежных портфельных инвестиций³³. Эти цифры говорят не только о значимости сторон друг для друга в качестве источника средств для инвестирования в экономическое развитие, но и о высокой степени доверия деловых сообществ обеих стран друг к другу.

Картина японо-американских экономических отношений была бы неполной без рассмотрения положения дел в области взаимной торговли технологией.

Как известно, свою промышленность в послевоенный период Япония практически полностью создала на основе западной техники и технологии. При этом львиная доля (60–70%) всех закупленных на западе лицензий и ноу-хау пришлась на США. Однако с течением времени ситуация начала меняться: по мере роста научно-технического по-

³² JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, с. 74, 88.

³³ BOJ. Japan's International Investment Position at Year-end 2006. www.boj.or.jp/en/

тенциала Японии стала не только во все большей степени опираться на собственные идеи и разработки, но и все более активно экспортировать их, в том числе и в США. Правда, даже в конце 80-х годов ее платежи за американскую технологию почти в четыре раза превосходили объем американских платежей за японскую технологию.

В последующие годы Япония продолжала наращивать свою научно-техническую мощь и к середине текущего десятилетия по числу полученных международных патентов вышла на второе место в мире после США, оттеснив Германию (в 2006 г. из общего числа полученных международных патентов, достигшего 145,3 тыс., на долю США пришлось 44,8 тыс., или 31%, а на долю Японии – 26,9 тыс., или 18,5%)³⁴. Коренным образом изменилось для Японии и соотношение между объемами поступлений и выплат за технологию. Если в 1990 г. оно составило 0,9, в 1995 г. – 1,43, то в 2000 г. – уже 2,39, в 2003 г. – 2,68, в 2005 г. – 3,47. При этом следует иметь в виду, что наблюдавшийся в последние годы быстрый рост поступлений за японскую технологию (за период 2002–2007 гг. их объем увеличился с 1512 млрд. иен до 2735 млрд. иен, или в 1,8 раза) в немалой степени был связан со значительным увеличением объема выплат роялти материнским японским компаниям их зарубежными производственными и сбытовыми филиалами, прежде всего азиатскими и американскими.

США и сейчас остаются для Японии и главным источником поступления иностранной технологии и главным покупателем японских технологий (в 2005 г. на них пришлось почти 3/4 японского импорта технологий и почти половина ее экспорта), однако баланс поступлений и платежей в двусторонней торговле технологией теперь складывается в пользу Японии. Так, в 2005 г. соотношение между ними составило 1,79, а в абсолютном выражении положительное сальдо Японии превысило 415 млрд. иен³⁵.

Отмечая эти изменения, следует в то же время подчеркнуть, что сейчас покупка иностранной (американской) технологии в общем комплексе усилий Японии по научно-техническому развитию занимает весьма скромное место. Несравненно большее значение для нее имеют различные формы сотрудничества в сфере НИОКР и технологий, связывающие крупнейшие японские и американские фирмы, университеты, исследовательские центры. Это сотрудничество охватывает все наиболее важные направления научно-технического прогресса, помогая обеим сторонам путем объединения усилий достигать желаемых результатов с меньшими затратами времени и материальных ресурсов.

³⁴ www.stat.go.jp/english/data/handbook Table 8.4.

³⁵ Ibid. Table 8.2, Figure 8.4.

При этом благодаря особым политическим отношениям оно распространяется и на сферы, важные с точки зрения обеспечения интересов национальной безопасности (наиболее яркий пример – подключение Японии к работам в рамках американской программы СОИ).

Наконец, следует отметить, что развитию всех форм японо-американских экономических отношений способствуют и тесные контакты между сторонами, постоянный обмен информацией между ними. Наряду с постоянным диалогом на уровне соответствующих министерств и ведомств Японии и США связывают интенсивные контакты между предпринимательскими организациями обеих стран, отраслевыми и региональными ассоциациями, органами местного самоуправления, а также по линии проведения многочисленных научных симпозиумов и конференций, на которых обсуждаются злободневные вопросы двусторонних экономических отношений.

О том, какую значимость придают Япония и США гармонизации двусторонних экономических отношений, свидетельствует введение в действие в 2001 г. новой системы межгосударственного взаимодействия, получившей название «Японо-американское экономическое партнерство во имя развития» (Japan – U.S. Economic Partnership for Growth). В течение последних шести лет в рамках этой системы шла кропотливая работа по приведению в соответствие друг другу систем регулирования в обеих странах, сокращению числа ненужных регламентаций, облегчению доступа на рынки друг друга, созданию условий для усиления конкуренции. В частности, в октябре 2007 г. были опубликованы «Рекомендации правительства Японии правительству США по вопросам реформы регулирования и политики содействия конкуренции», в которых изложены детальные предложения японской стороны по этим вопросам.

Итак, как было показано выше, Японию и США связывают мощные двусторонние потоки товаров, прямых и портфельных инвестиций, технологий. Под влиянием глобализации в структуре японо-американских связей происходят заметные изменения. Значение торговых связей несколько снижается, но при этом быстро нарастают масштабы предпринимательской деятельности компаний и банков обеих стран на рынках друг друга, а также объемы портфельных инвестиций. Благодаря этому в определенной степени снижается острота такой застарелой проблемы, как огромное положительное сальдо в японо-американской торговле, так как на макроуровне, т. е. на уровне межстрановых расчетов, отток средств из США из-за торгового дефицита компенсируется нарастающими потоками прямых и портфельных японских инвестиций в американскую экономику.

Хотя двусторонние экономические отношения, состояние взаимных расчетов продолжают сохранять свое значение, а наличие в них дисбалансов и перекосов может серьезно осложнять межгосударственные отношения, главными субъектами международных экономических отношений в эпоху глобализации становятся уже не страны, а транснациональные корпорации. Если в двухсторонних отношениях перевес пока принадлежит Японии (и по объему экспорта, и по накопленным суммам прямых и портфельных инвестиций), то в противоборстве на глобальном уровне японские компании пока проигрывают американским. Наиболее сильны их позиции в мировом промышленном экспорте, но что касается торговли услугами или размеров накопленных зарубежных инвестиций, то не только по абсолютным, но и по относительным показателям (т. е. по отношению к размерам ВВП) они уступают американским конкурентам. Для изменения ситуации, для ответа на вызовы глобализации у Японии есть мощные внутренние резервы, к которым она может добавить и внешние (прежде всего, прямые зарубежные инвестиции). Насколько успешно она воспользуется этими возможностями – покажет время.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

АЗИАТСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В СФЕРЕ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

Глобализационные процессы вносят существенные изменения в понятие «национальных интересов» государств. Поскольку все в мире становится более взаимосвязанным и взаимозависимым, для ответственного актора любое действие должно планироваться и реализовываться на основе глубокого понимания этой взаимозависимости, предвидения всех последствий, которыми чреват тот или иной шаг не только для него самого, но и для всех участников международных процессов. Ответственные акторы по мере углубления степени своего участия в этих процессах, оставаясь самостоятельными субъектами, все более проникаются чувством принадлежности к «одной команде», коллективные интересы которой во многих случаях имеют превалирующее значение. Иными словами, в условиях глобализации жизнь заставляет отказываться от узкоэгоистического понимания «национальных интересов».

Подобное понятийное переосмысление хорошо прослеживается на примере проводимой Японией политики международного сотрудничества в энергетической области. Наблюдаемые с начала 2000-х годов изменения в ее содержании объективно отражают новое качество Японии как страны-лидера, берущей на себя все большую долю ответственности за обеспечение международной экономической безопасности, создание стабильной и транспарентной среды внешнеэкономической деятельности.

Трансформация этой политики происходит на фоне обострения мировой энергетической ситуации, формируемой под действием целого ряда разноплановых факторов. Прежде всего, это серьезный и энергоемкий рост в Китае и Индии. Именно в эти страны переводится мировая перерабатывающая промышленность. Активный рост промышленного потенциала Китая и Индии сопровождается огромным спросом на

энергоносители. На эти страны приходится около 40% прироста мирового потребления нефти и существенная доля дополнительного спроса на уголь. Так, потребление нефти в КНР за последние 40 лет увеличилось более чем в 25 раз, составив 8,55% мирового потребления. Здесь же отмечается наибольший рост темпов потребления: в 2004 г. он составил в Китае 31%¹. По прогнозам, рост потребностей в энергоносителях к 2030 г. удвоится и в Китае, и в Индии. Усиление спроса на углеводороды со стороны этих стран объективно создает все условия для ужесточения конкуренции с Японией за надежные источники энергоносителей.

Свою роль в обострении глобального энергетического кризиса играет и усилившаяся к середине первого десятилетия 2000-х годов нехватка в мире свободных мощностей по добыче и переработке нефти. Кроме того, имеет значение и увеличение политических рисков, связанное с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке и в других нефтедобывающих странах (ситуация в Ираке, кризис вокруг иранской ядерной программы, политическая нестабильность в Нигерии и т. д.)

Между тем Япония была и остается страной, фактически лишенной собственных источников энергии (уровень обеспеченности энергоносителями составляет около 4%). Около 99% необходимой ей сырой нефти она импортирует. Высокая степень уязвимости в отношении изменений внешней среды, чреватых сбоями в поставках энергоносителей, заставляет Токио уделять традиционно повышенное внимание так называемой «ресурсной дипломатии», направленной на долгосрочное обеспечение стабильных поставок энергии.

Основную часть сырой нефти Япония получает из тех же регионов, что и азиатские страны, переживающие период бурного экономического подъема, – Ближнего и Среднего Востока. В условиях тесной взаимосвязанности всех элементов глобального рынка энергоресурсов Япония не может рассчитывать на получение каких-либо преференций в доступе к ним, например, за счет предоставления особых условий либо монополизации определенных маршрутов поставок.

С учетом роста на энергоносители на мировых рынках Токио оказался перед альтернативой: либо наращивать конкуренцию со своими азиатскими соседями, либо налаживать с ними отношения сотрудничества и взаимопомощи в энергетической области. Большинство стран региона оказалось в равном положении, находясь перед лицом поиска надежных поставщиков энергоносителей и заоблачных цен на углеводороды. Между тем выбор средств при решении проблемы энергетической

¹ Россия в глобальной политике. 2006, № 6, ноябрь – декабрь. – <http://www.globalaffairs.ru/numbers/23/6687.html>

ческой безопасности должен быть рационален с экономической точки зрения, учитывая критерии самоокупаемости и прибыльности. Осуществление энергетической безопасности предполагает достижение оптимальных показателей рынка по признаку наличия избыточных мощностей, т. е. дополнительного потенциала поставок на случай колебаний спроса, который должен быть в сфере производства энергоносителей (резервные месторождения), их складирования (резервные нефте- и газохранилища), а также транспортировки (трубопроводная инфраструктура, мощности танкерного флота и т. д.) Кроме того, дополнительная «подушка безопасности» может быть создана с помощью кооперативистских механизмов международного сотрудничества, направленных на регулирование и снижение спроса на энергоносители, например, путем внедрения энергосберегающих технологий. С учетом осознания факта, что все эти сложные задачи невозможно решить в одиночку, к которому пришли как Япония, так и ее азиатские партнеры, в регионе постепенно стало преобладать мнение о необходимости создания прочной системы международного сотрудничества.

Ранее, после «нефтяных шоков» 70-х годов прошлого столетия, Япония уделяла первоочередное внимание в основном внутренним аспектам политики энергетической безопасности. Более 30 лет она последовательно проводила политику энергосбережения, которая позволила ей снизить энергоемкость единицы ВВП более чем на 30%. К числу ее несомненных успехов следует отнести в первую очередь внедрение энергосберегающих технологий, которые позволяют ей с полным на то основанием называться «мировой энергетической державой». Именно за счет успехов политики энергосбережения Японии удастся обеспечить стабильность своего экономического положения в период высоких мировых цен на углеводороды. Вывод о высокой степени резистентности японской экономики к перепадам конъюнктуры на мировых рынках нефти подтверждается специальными экономическими исследованиями. По данным одного из них, даже в случае повышения цен на нефть до 120 долл. за баррель японская экономика продолжит свой рост, замедление которого до 0,6% может произойти в основном лишь за счет внешних факторов, например, снижения темпов экономического развития США и Китая, ведущего к сокращению японского экспорта².

Рамки настоящей главы не позволяют привести исчерпывающий список тех достижений в сфере энергосбережения, которые позволяют добиться существенного снижения потребностей в углеводородных энергоносителях. Приведем некоторые из них. Это, – конечно же, разработка экономических двигателей в автомобилестроении, постепенная

² Toyo Keizai Monthly Statistics. 2006, №.10.

популяризация «гибридных автомобилей», совмещающих использование электродвигателя и двигателя внутреннего сгорания, которые позволяют существенно снизить уровень потребности в нефтепродуктах. В 2004/05 фин. г. легковой автомобиль на одном литре бензина проехал в среднем 15 км, что на 20% больше чем 10 лет назад³. К 2030 г. правительство ставит амбициозную цель довести средний уровень потребления топлива в расчете на один автомобиль до одного литра на 20 км, или пяти литров на 100 км⁴. Именно японские нормативы энергопотребления диктуют направление дизайнерской и конструкторской мысли в автомобилестроении всего азиатского региона, да и мира в целом.

Законодателем моды выступает Япония и в области перехода на биологические виды топлива, к числу которых относится биоэтанол. Этот вид топлива, изготавливаемый в основном из сахарного тростника и кукурузы, может использоваться либо в качестве прямой альтернативы бензину, либо в виде добавки к нему. В целях диверсификации энергоресурсов японское правительство обозначило курс на активное внедрение биоэтанола и других альтернативных видов топлива. Министерство окружающей среды Японии до 2010 г. планирует обеспечить готовность вновь выпускаемых автомобилей использовать альтернативное топливо «E10», доля биоэтанола в котором составляет 10%⁵. Кроме того, японские автомобильные корпорации «Тойота» и «Хонда» опубликовали планы производства и продаж в США и Бразилии автомобилей, в которых в качестве топлива будет использоваться чистый биоэтанол⁶.

Япония является мировым лидером по переработке природного газа в жидкое топливо (по технологии «GTL»). В стране ведутся исследовательские работы по использованию в качестве топлива диметилэфира (ДМЭ), получаемого из природного газа или каменного угля, который считается топливом следующего поколения. Передовые позиции занимает Япония в разработках так называемых «новых источников энергии», в частности энергии солнца и ветра. Более половины мирового производства, как отдельных солнечных батарей, так и готовых модулей-генераторов приходится на Японию. Японские компании «Шарп», «Кёсера», «Санъё», «Мицубиси дэнки» являются крупнейшими в мире производителями солнечных батарей.

Анализ достигнутого Японией позволяет сделать вывод о том, что страна заняла прочную позицию «инкубатора технологий» в сфере

³ Нихон кэйдай симбун. 29.04.2006.

⁴ <http://eneken.ieej.or.jp/en/data/pdf/408.pdf>, слайд 2,4.

⁵ В соответствии с ныне действующими в Японии ограничениями в бензин можно добавлять до 3% биоэтанола.

⁶ Нихон кэйдай симбун. 11.11.2006.

энергосбережения. Международный признанный авторитет Японии дает повод говорить о ней как о «великой энергетической державе», опыт которой в решении собственной энергетической проблемы становится своего рода «путеводной звездой» для стран, лишенных собственной базы энергетических ресурсов, и в первую очередь для государств восточноазиатского региона, вступивших в стадию интенсивного индустриального развития. Для самой же Японии, традиционно занимающей нишу «технологического донора» этих стран, задача активизации помощи в сфере энергосбережения приобрела особую актуальность на рубеже двух тысячелетий в условиях лавинообразного повышения мировых цен на углеводородное сырье.

Содействуя азиатским странам, являющимися ее важнейшими внешнеэкономическими партнерами, Япония решает для себя стратегическую задачу стабилизации внешних поставок энергоносителей. Страна исходит из того, что политика энергосбережения позволяет развивающимся государствам сократить потребление энергии и обеспечить высокий уровень энергетической безопасности, что, в конечном счете, отвечает интересам и самой Японии, внешние условия существования которой оказываются более стабильными в условиях предсказуемого спроса на энергоносители. Немаловажно и то, что энергосбережение является важной частью задач сохранения окружающей среды и предотвращения мирового потепления, решение которых в нынешних условиях неотделимо от целей экономического развития.

Основные программные документы по вопросам энергетической политики, принятые японским правительством на протяжении первого десятилетия XXI в. отражают повышение значимости международных аспектов политики энергосбережения. Наиболее важным из документов последнего времени следует считать одобренную правительством в мае 2006 г. «Новую государственную энергетическую стратегию»⁷, которая является средне- и долгосрочной программой энергетического развития. Дальнейшее развитие положения этого документа получили в «Основном плане государственной политики в сфере энергетики» МЭП Японии (март 2007 г.)⁸. В разделе, посвященном международному сотрудничеству в сфере энергетики и охраны окружающей среды, перед правительством поставлены задачи укрепления международного сотрудничества в многосторонних форматах, в частности в Международном энергетическом агентстве, АСЕАН, Международном энергетическом форуме и т. д., углубления координации государственной политики с зарубежными странами во всех сферах энергетики, включая

⁷ <http://www.enecho.meti.go.jp/english/newnationalenergystrategy2006.pdf>

⁸ <http://www.enecho.meti.go.jp/topics/kihonkeikaku/keikaku.pdf>, с. 48–49.

нефтяную и газовую отрасли, дальнейшего развития новых источников энергии, ядерной энергетики, а также сферы энергосбережения.

«Основным планом» обозначены следующие меры по развитию сотрудничества с азиатскими странами в сфере энергетики:

- развитие и распространение технологий энергосбережения в тех странах Азии, которые имеют низкую эффективность энергопотребления при больших его объемах, с учетом позиций Японии как страны-лидера по эффективности энергопотребления;

- содействие разработкам в сфере биоэнергетики с учетом того обстоятельства, что страны Азии имеют хорошие возможности для развития биоэнергетики, а также для их превращения в средне- и долгосрочной перспективе в поставщиков биомассы для нужд Японии;

- содействие передаче странам Азии технологий экологически безопасного использования углей, технологий производства жидкого топлива из угля, строительству угольных шахт глубокого залегания и обеспечения их безопасности, с учетом использования в этих странах угля, с соблюдением мер по защите окружающей среды,

- содействие формированию региональных структур, нацеленных на создание в регионе резервов сырой нефти и сжиженного природного газа, а также обеспечение ядерной безопасности;

- содействие региональному сотрудничеству путем активного использования многосторонних форматов, в противоположность двусторонним.

Важнейшим инструментом международного сотрудничества Японии с азиатскими странами в сфере энергосбережения является официальная помощь развитию (ОПР). Энергетика наряду со сферой водоснабжения и канализации является той областью, в которой Япония занимает лидирующие по объемам ОПР позиции среди стран комитета помощи развитию. Стоимостной объем предоставляемой ею финансовой помощи в сфере энергетики занимает около 50%, тогда как США – 24%, Германией – 10%⁹.

Традиционно, в 80-е и отчасти 90-е годы, зарубежная помощь по линии ОПР направлялась главным образом на расширение национального потенциала стран-реципиентов в сфере производства электроэнергии – строительство гидро- и тепловых электростанций, создание инфраструктуры энергопередачи и пр. Таким образом, Токио «убивал двух зайцев»: обеспечивался дополнительный импульс экономического развития этих стран, что содействовало японским инвестициям, и одновременно дезавуировалась критика со стороны этих стран колоссального торгового дефицита в пользу Японии.

⁹ <http://www.milano.it.emb-japan.go.jp/doc/oda.ing.pdf>

Актуализация японского опыта в сфере энергосбережения, которая произошла на фоне обострения глобального энергетического кризиса, заставляет вносить коррективы в энергетическую составляющую программ помощи развитию. Теперь на первый план в содержании проектов ОПР стали выходить технологии энергосбережения. Этому способствовала и смена приоритетов в политике Японии в области ОПР¹⁰. В связи с переживаемыми государственным сектором финансовыми трудностями Токио с 2004 г. взял курс на сокращение ассигнований, выделяемых на нужды ОПР, и поставил задачу повышения эффективности расходования выделяемых средств. С этих позиций большими преимуществами стали пользоваться проекты, связанные с передачей странам-реципиентам передовых технологий, в том числе в области энергосбережения. Такие проекты, имеющие в основном демонстрационный характер и требующие от страны-донора лишь ограниченных расходов, выгодно отличаются от традиционных проектов инфраструктурного строительства, предполагающих гораздо более высокий уровень затрат. По этой причине они в меньшей степени подвержены критике за неэффективное расходование средств налогоплательщиков и более устойчивы к политизации помощи развитию, будучи применимы к «авторитарным» и «недемократическим» странам¹¹.

Представление о содержании азиатской политики Японии в сфере энергосбережения можно получить на базе анализа ряда официальных документов, в частности, «Белой книги по энергетике», а также документов министерства иностранных дел Японии и Организации развития новых видов энергии и промышленных технологий (NEDO). Так, согласно «Белой книге по энергетике» за 2007 г., политика Японии в сфере энергосбережения проводится по следующим основным направлениям¹².

1. Информационное и консультативно-методологическое сотрудничество: сбор и анализ информации состояния дел в энергетике, проведение международных контактов между ведомствами и организациями, обмен специалистами, организация учебы и стажировок. В документе особенно выделяется организация подобного обмена с Индией и Китаем. (845 млн. иен в 2006/07 фин.г.)

¹⁰ Подробно о японской ОПР см.: Стрельцов Д. В. Официальная помощь развитию. – Японский опыт для российских реформ. 2006, выпуск второй. – <http://www.japan-assoc.ru/de/publikacii/nauka/japon-opyt-2007-1/oficialnaja-pomoshch-razvitiju-vazhnyi-instrument-vneshnei-politiki-japonii.html>

¹¹ Например, с ноября 2007 г. Япония прекратила помощь Китаю по линии ОПР в виде низкопроцентных «иенных кредитов» и взяла курс на прекращение программ ОПР с момента проведения в Пекине Олимпийских игр 2008 г.

¹² <http://www.enecho.meti.go.jp/topics/hakusho/2007/3-5.pdf>, p.285–286.

2. Проведение модельных проектов по повышению эффективности энергосбережения (2850 млн. иен в 2006/07 фин.г.).

Речь идет о проектах по внедрению японских технологий в сфере энергосбережения, проведение которых позволяет существенно повысить эффективность использования энергоносителей, а также внедрить альтернативные нефти виды топлива.

3. Меры помощи по оценке результатов модельных проектов и их внедрению на предприятия той же или смежных отраслей (270 млн. иен в 2006/07 фин.г.)

4. Меры по развитию многостороннего сотрудничества в сфере энергосбережения, включая международные проекты по исследованию ситуации в области региональной энергетики стран АТЭС, развитие баз данных, меры по достижению общих подходов в сфере энергетики и т. д. (550 млн. иен в 2006/07 фин.г.)

Основным правительственным органом, координирующим международные проекты помощи в сфере энергосбережения, является Организация создания новых видов энергии и промышленных технологий (The New Energy and Industrial Technology Development Organization – NEDO). Она была создана в 1980 г. для разработки новых видов энергии, альтернативных нефти. В 1993 г. перед NEDO была поставлена задача содействия технологиям новых видов энергии и технологий энергосбережения. После обретения организацией в 2003 г. статуса самостоятельного административного юридического лица NEDO стала полномасштабной структурой по реализации государственной проектной политики в сфере энергосбережения и разработки новых видов энергии.

Применительно к сфере международного сотрудничества следует выделить ряд проводимых NEDO в странах Азии модельных проектов, направленных на повышение эффективности энергосбережения (см. табл.1). Каждый из проектов проходит ряд стадий: предварительную стадию обследования ситуации в какой-либо области, где наблюдается чрезмерно высокий уровень потребления энергии, основную стадию реализации, предполагающую внедрение передовых технологий энергосбережения на одном из предприятий страны-реципиента, наконец, стадию распространения полученных результатов на другие предприятия отрасли. При этом особенностью политики NEDO является то, что для реализации своих проектов она делает ставку на активное привлечение частного японского бизнеса.

Для проведения технического руководства на всех стадиях предусматривается большой объем мероприятий, включающих обучение и стажировки ИТР из стран АТР в Японии, командирование японских

специалистов в страны-реципиенты, так называемые «проекты зеленого шлема» (Green Helmet Projects), проведение обмена информацией и совместных исследований, организацию международных семинаров и конференций и т. д. Например, в Таиланде Япония в 2002–2005 гг. израсходовала около 450 млн. иен на реализацию «Проекта подготовки менеджеров в сфере энергетики» («Energy Manager Training Center Project»). Успеху данного проекта способствовало принятие в Таиланде специального закона, обязывающего предприятия и жилищные организации иметь в своем штатном расписании специальную ставку менеджера в сфере энергопотребления. В Турции в течение 2000–2005 гг. был реализован целевой проект по энергосбережению (около 670 млн. иен), позволивший повысить рост эффективности энергопотребления в индустриальном секторе Турции на 5%¹³.

Среди проводимых Японией проектов помощи следует выделить сферу солнечной энергетики, где страна занимает передовые позиции в мире. Во многих азиатских странах, например, Таиланде, Малайзии, Вьетнаме, Китае, Мьянме, Монголии и Камбодже, Япония еще с первой половины 90-х годов проводит демонстрационные проекты по внедрению электрогенерирующих модулей, включающих блок солнечных батарей и аккумуляторные подстанции. Такие модули позволяют оптимизировать потребление электроэнергии в течение суток и предотвратить скачки напряжения в сети, обеспечивая аккумулирование энергии в дневное время и ее расходование в ночные часы.

Отдельного упоминания заслуживают проекты по модернизации в угольной промышленности, продукция которой продолжает играть ключевую роль в энергетическом балансе Китая, Индонезии, Вьетнама и других стран региона. В этой сфере Япония проводит целый ряд модельных проектов, позволяющих добиться более высокой степени очистки и десульфуризации угля, снизить водопотребление в процессе добычи угля, обеспечить более эффективное сжигание низкокалорийных углей и т. д. С середины 2006 г. NEDO приступила к испытаниям в Китае экспериментальной технологии сжижения угля для производства бензина и дизельного топлива.

Особое место в сфере энергосбережения занимают проекты Японии по сокращению эмиссии парниковых газов. Спецификой подхода Токио к сотрудничеству с азиатскими странами является достаточно тесная увязка предпринимаемых в этой области шагов с принятыми Японией по Киотскому протоколу обязательствами по сокращению эмиссии парниковых газов. По мнению Японии, помощь в сфере энергосбережения создает дополнительные возможности для устойчивого

¹³ <http://www.milano.it.emb-japan.go.jp/doc/oda.ing.pdf>

Таблица
Некоторые международные проекты помощи,
проводимые Японией в сфере энергосбережения (2002 – 2007 гг.)¹⁴

Название проекта	Страна	Партнерская организация из состава правительственной структуры страны-реципиента	Предприятие, где реализуется проект	Японская компания-подрядчик	Период реализации
Модельный проект по использованию побочного тепла на цементном производстве	Китай	Комиссия национального развития и реформ	Guangxi Yu Feng Group Cement Co., Ltd.	Kawasaki Heavy Industries,	2002 – 2004 гг.
Проект по энергосбережению на пивном производстве («механизм чистого развития»)	Вьетнам	Министерство промышленности и министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды	Thanh Hoa Brewery Company, Hanoi Beer Alcohol Beverages Corporation	Mayekawa Mfg. Co., Ltd.	2003 – 2005 гг.
Проект внедрения высокопроизводительных промышленных печей	Индонезия	Министерство промышленности и торговли	PT. Gunung Garuda	Nippon Steel Corp.	2003 – 2006 гг.
Проект по энергосбережению и водосбережению на текстильном производстве	Таиланд	Департамент промышленных инноваций, министерство промышленности	Thong Thai Textile Co., Ltd.	KRI, Inc.	2004 – 2005 гг.
Получение этанола из черной патоки и жмыха сахарного тростника на сахарном заводе	Таиланд	Отдел сахарного тростника и сахара, министерство промышленности	Thong Thai Textile Co., Ltd.	Marubeni Corporation	2006 – 2007 гг.
Введение технологии сухого гашения кокса на металлургическом производстве («механизм чистого развития»)	Индия	Департамент экономических вопросов, министерство финансов, министерство металлургии	Tata Steel Limited	Nippon Steel Corp.	2006 – 2009 гг.

¹⁴ см. http://www.nedo.go.jp/kankobutsu/pamphlets/kouhou/2007gaiyo_e/87_140.pdf, p.129.

развития этих стран и достижения «Целей развития тысячелетия», выдвинутых ООН в 2000 г., а также способствует решению стратегической задачи борьбы с глобальными изменениями климата. Не случайно одним из трех столпов японской ОПР в 1997 г., направленной на реализацию киотской инициативы, наряду с сотрудничеством в деле создания потенциала развития и подготовки специалистов по проблемам глобального потепления климата, явилось эффективное использование и передача японских технологий и ноу-хау в сфере энергосбережения¹⁵.

Согласно Киотскому протоколу, при расчете эмиссии парниковых газов разрешается учитывать объем сокращаемых выбросов, приобретаемых данной страной за рубежом. В соответствии с принятыми на себя обязательствами, к 2012 г. Япония должна снизить ежегодный объем выбросов парниковых газов в среднем на 6% по сравнению с уровнем 1990 г. Между тем в условиях экономического оживления середины первого десятилетия 2000-х годов, а также более низких, чем ожидалось ранее, темпов сокращения энергопотребления в домашних хозяйствах никакого прогресса в снижении эмиссии внутри страны не наблюдается. Например, в 2004/05 фин. г., по оценке министерства по охране окружающей среды, общий объем эмиссии парниковых газов Японии в пересчете на CO₂ составил около 1,33 млрд. т, что превышало уровень 1990/91 фин.г. на 7,4%¹⁶. В этих условиях только внутренних мер по энергосбережению оказывается недостаточно для достижения необходимого уровня выбросов.

На этом фоне японское правительство, опираясь на достигнутый национальным бизнесом технологический потенциал, взяло курс на сокращение эмиссии парниковых газов за рубежом. В азиатских странах Япония проводит целый ряд проектов относящихся к классу «механизмов чистого развития» (CDM, Clean Development Mechanism) и «проектов совместного осуществления» (JI, Joint Implementation), направленных на выполнение Японией собственной квоты по сокращению выбросов.

Показательным примером в сфере передачи новых технологий энергосбережения с целью снижения зависимости страны-реципиента от углеводородного сырья и одновременного снижения квоты самой Японии на эмиссию явилось японо-египетское сотрудничество в деле создания ветряных энергогенерирующих установок. В рамках одного из проектов ОПР Япония выделила в 2003 г. около 13,5 млрд. иен на создание ветряной электростанции в г. Зарафана (Египет) мощностью

¹⁵ <http://www.enecho.meti.go.jp/topics/hakusho/2007/3-5.pdf>, c.285–286.

¹⁶ Нихон кэйдай симбун. 17.02.2006.

около 120 мВт. Выведение станции на проектную мощность позволит, как ожидается, добиться снижения эмиссии парниковых газов на 250 тыс. т в год по сравнению с выбросами, производимыми тепловой станцией аналогичной мощности¹⁷.

Другим интересным примером служит проект по использованию попутного газа на нефтяном месторождении Ландонг во Вьетнаме, предполагающий улавливание газа, его транспортировку по специально построенному трубопроводу и сжиганию на тепловой электростанции. Данный проект, как предполагается, обеспечит Японии сокращение эмиссии на 680 тыс. т двуокиси углерода в год¹⁸.

Сотрудничество с азиатскими странами в сфере энергосбережения проводится Японией в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, заключаемых на межправительственном уровне. Формат каждого из таких соглашений выбирается соответственно особенностям промышленной и энергетической структуры страны-партнера, ее готовности принять японскую технологическую помощь, а также политических факторов (значимость той или иной страны во внешнеполитической доктрине Токио, уровень и характер двусторонних отношений и т. д.).

Одним из основных партнеров по сотрудничеству заслуженно является Китай. Именно он испытывает острую потребность в японских энергосберегающих технологиях, потребляя все больше растущих в цене углеводородных энергоносителей. Начиная с 1996 г. Китай поддерживает постоянный межправительственный диалог по вопросам энергетического сотрудничества, когда между правительствами двух стран были установлены первые рабочие контакты на уровне начальников департаментов профильных министерств (МЭТП Японии и Национальной Комиссии по развитию и реформам Китая). В продолжение начавшихся контактов в мае 2006 г. в Токио был проведен Японо-китайский форум по энергетике и защите окружающей среды. В декабре 2006 г. в ходе состоявшейся в Пекине встречи министра экономики, торговли и промышленности Японии А. Амари с Председателем Национальной комиссии по развитию и реформам Китая Ма Кай был подписан меморандум по вопросу о реализации модельного проекта в сфере энергосбережения и защиты окружающей среды. Тогда же в Японии был создан Японо-китайский совет деловых кругов по развитию отношений в сфере энергосбережения и защиты окружающей среды.

С 2007 г. энергетический диалог двух стран на уровне министров (МЭТП Японии и НКРР Китая) был поставлен на регулярную основу.

¹⁷ <http://www.milano.it.emb-japan.go.jp/doc/oda.ing.pdf>, с.3.

¹⁸ <http://www.nedo.go.jp/english/publications/reports/pdf/kyoto.pdf>, с.20.

В апреле 2007 г. в ходе встречи двух министров было опубликовано межправительственное заявление, в котором декларировалось намерение сторон развивать отношения в энергетической сфере. Стороны констатировали общее понимание в отношении того, что развитие двустороннего сотрудничества в энергетической сфере между правительственными органами и частным бизнесом двух стран будет способствовать энергетической безопасности не только их самих, но и Восточной Азии и мира в целом.

В мае 2006 г. прошел первый, а в сентябре 2007 г. – второй Японо-китайский форум в области энергосбережения и защиты окружающей среды. На втором форуме участвовало более 1000 правительственных чиновников, экспертов, представителей деловых кругов двух стран. С японской стороны в профильных комиссиях форума были сделаны доклады, представляющие опыт в деле создания нормативно-правовой базы развития энергетики, ориентирующей компании на внедрение энергосберегающих технологий, проведения в жизнь мер помощи со стороны правительства, решения вопросов ценообразования и т. д. Представители правительств обеих стран оценили сотрудничество в сфере энергосбережения и защиты окружающей среды как «основу взаимовыгодных стратегических отношений»¹⁹. На форуме были подписаны соглашения между частными компаниями и организациями двух стран о начале 10 новых проектов в сфере энергосбережения (например, проекта по повышению эффективности угольных ТЭС Китая и т. д.)

Плодотворно развивается сотрудничество Японии и с Индией, которая также стоит перед необходимостью повышения эффективности в сфере энергопотребления. Диалог на министерском уровне между МЭТП Японии и министерства нефти и природного газа Индии, в том числе и по вопросам энергосбережения, начался с апреля 2005 г., когда в Нью-Дели прошла японо-индийская встреча на высшем уровне.

В декабре 2006 г. в ходе визита в Японию премьер-министра Индии М. Сингха было подписано соглашение о начале «Японо-индийского диалога по энергетике» на уровне правительств обеих стран. Стороны также опубликовали «Совместную декларацию о стратегическом и глобальном партнерстве между Японией и Индией», важной частью которой стал пункт о намерении сторон развивать сотрудничество в сфере энергосбережения. В апреле 2007 г. в Токио прошел первый межправительственный диалог по энергетике, в ходе которого стороны признали важность усилий в сфере энергосбережения, а также необходимость развивать двустороннее сотрудничество по вопро-

¹⁹ Асахи симбун. 13.10.2007.

сам обеспечения энергетической безопасности, в том числе в рамках многосторонних форматов.

Вопросы сотрудничества в сфере энергосбережения занимают видное место в повестке дня встреч на высшем уровне, а также межминистерского диалога Японии со многими другими азиатскими странами, например, Индонезией, Таиландом, Вьетнамом, Филиппинами и т. д. При этом Токио активно развивает диалог не только с правительственными структурами, но и бизнес- и экспертными сообществами страны-партнера. Например, в марте 2007 г. в Ханое прошел Японо-вьетнамский энергетический форум с широким уровнем представительства, в котором приняли участие более 300 человек.

Что касается многосторонних форматов сотрудничества в энергетической области в целом и в области энергосбережения в частности, то здесь следует выделить, пожалуй, три наиболее крупных международных структуры, в которых наблюдается наибольшая активность японской энергетической дипломатии: Пятистороннее совещание министров энергетики, Восточноазиатский саммит и Азиатско-тихоокеанское партнерство в интересах чистого развития и сохранения климата. Обращает на себя внимание тот факт, что формирование всех этих структур шло практически параллельно и относится к самому последнему периоду, а именно к 2005–2007 гг. На этот отрезок времени пришелся наиболее стремительный рост мировых цен на углеводородное сырье, который заставил правительства стран-потребителей уделять первоочередное внимание вопросам международной координации энергетической политики.

Совещание министров энергетики пяти крупнейших потребителей энергоресурсов, составляющих в совокупности около половины мирового потребления – США, Китая, Японии, Индии и Южной Кореи – состоялось по инициативе Китая в Пекине в декабре 2006 г. Принятое на совещании «Совместное заявление», в частности, содержало пункты о необходимости улучшения энергосбережения и повышения эффективности использования энергоресурсов, диверсификации структуры энергопотребления с целью более широкого использования «чистых» и альтернативных источников энергии, а также возобновляемых видов энергии. Меры по поощрению энергосберегающих технологий и повышению эффективности энергопотребления, по разработке и внедрению экологически безопасных технологий в сфере энергетики были перечислены в качестве важных составляющих политики международного сотрудничества, направленной на достижение глобальной энергетической безопасности²⁰.

²⁰ <http://www.erna.or.jp/en/Publications/er/pdf/Er77.pdf>, с. 44.

Подписанием совместного заявления о сотрудничестве в восьми промышленных секторах (металлургия, цемент, производство и передача электроэнергии, алюминий, углеводородные энергоносители, угольная промышленность, возобновляемые источники энергии, строительство и электробытовые приборы) в целях контроля над эмиссией парниковых газов завершилась 12 января 2006 г. министерская конференция «Азиатско-тихоокеанского партнерства в интересах чистого развития и сохранения климата», проводившаяся в Сиднее с участием шести стран – Японии, США, Китая, Индии, Южной Кореи и Австралии. В совместном заявлении новая структура сотрудничества характеризуется как дополняющая Киотский протокол. Ее цель заключается в том, чтобы оказывать содействие, в том числе финансовое (льготное налогообложение, ОПР и пр.), передаче различным странам энергосберегающих технологий, не устанавливая по каждой стране объемы сокращения выбросов парниковых газов²¹.

Решение о начале сотрудничества в рамках партнерства было принято в июле 2005 г. на состоявшейся в США встрече, в которой приняли участие Япония, Китай, Индия, РК и Австралия. На долю этих шести стран приходится половина мирового объема выбросов парниковых газов, причем доля США составляет 23%, КНР – 14%. Несмотря на то, что Япония, Китай, Индия и РК ратифицировали Киотский протокол, ни одна из этих стран, за исключением Японии, не несет обязательств по сокращению выбросов парниковых газов. США и Австралия вообще не являются участниками данного протокола. Тем не менее, очевидно, что реализация в США и КНР мер по контролю над вредными выбросами будет способствовать повышению эффективности деятельности, направленной на предотвращение глобального потепления климата в целом. Достигнута договоренность о том, что с 2013 г., по истечении срока действия Киотского протокола, США также будут участвовать в форме «диалога» в обсуждении мер, направленных на противодействие глобальному потеплению. Предполагается, что Япония как мировой лидер в сфере энергосбережения будет сотрудничать в рамках данной структуры, прежде всего, с США и Китаем, которые являются крупнейшими странами, загрязняющими атмосферу и не имеющими обязательств по сокращению выбросов парниковых газов²².

Другим важным международным форумом, в рамках которого Токио проявляет существенную активность по вопросам международного энергетического сотрудничества, является Восточноазиатский саммит.

²¹ Нихон кэйдзай симбун. 12.01.2006.

²² Там же.

Например, на втором Восточноазиатском саммите, который состоялся в филиппинском городе Себу в середине января 2007 г., с активным участием Японии была разработана и принята декларация стран Восточной Азии по энергетической безопасности, в которой были провозглашены следующие цели дальнейшего сотрудничества²³:

- улучшать эффективность и экологическую безопасность использования ископаемых видов топлива;
- снижать зависимость от традиционных видов топлива за счет программ повышения эффективности сжигания энергоносителей и улучшения энергосбережения, развития гидроэнергетики, расширения сфер применения возобновляемых видов энергии, производства и применения биологических видов топлива, а также использования ядерной энергии теми, кто заинтересован в этом виде энергоресурсов;
- содействовать развитию открытых и конкурентных региональных и международных рынков, которые бы обеспечивали на всех уровнях доступные виды энергии;
- сокращать эмиссию парниковых газов путем проведения эффективных видов политики, что послужило бы делу уменьшения изменений глобального климата;
- придерживаться курса на поощрение инвестиций в разработку источников энергии и развитие инфраструктуры путем более активно привлечения частного бизнеса.

На саммите Япония выдвинула инициативу проведения в странах региона политики энергетического сотрудничества. Она получила название «Топливное обеспечение Азии – инициатива Японии в пользу чистых источников энергии и устойчивого развития» («Fueling Asia – Japan's Cooperation Initiative for Clean Energy and Sustainable Growth»). Четыре основных положения этой инициативы прозвучали в выступлении на саммите бывшего премьер-министра Японии С. Абэ 15 января 2007 г.²⁴

1. Развитие сотрудничества в области энергосбережения.
2. Развитие биоэнергетики.
3. Экологически безопасное использование каменного угля.
4. Ликвидация «энергетической бедности».

Для развития международного сотрудничества в области энергосбережения Япония предложила принять у себя в течение пяти последующих лет одну тысячу стажеров и направить в страны региона 500 японских специалистов для реализации программ развития энергосберегающих технологий в странах Восточной Азии и программ кадрового

²³ <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/eas/state0701.html>

²⁴ подр. см. <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/eas/pdfs/initiative.pdf>

обеспечения энергопотребляющих отраслей этих стран. Кроме того, было предложено организовать в Восточной Азии Центр азиатского сотрудничества по вопросам энергосбережения, который бы стал по своему профилю головным информационным и методическим учреждением региона. Уже в июне 2007 г. при финансовой поддержке правительства такой центр был создан на базе существующего с 1978 г. Японского центра по вопросам энергосбережения (ECCJ, The Energy Conservation Center, Japan). Этот центр имеет большой опыт реализации технической помощи развивающимся странам по вопросам энергосбережения²⁵. Для финансового обеспечения программ международного сотрудничества было предложено активно использовать механизмы «иеновых кредитов», а также кредитов по линии Японского банка международного сотрудничества.

Япония предложила создать постоянно действующую исследовательскую группу по вопросам энергетики биомассы в странах Азии для развития сотрудничества в сфере биоэнергетики. Такая группа была создана при Комплексном институте промышленных технологий²⁶. Япония обязалась принять в течение пяти лет 500 стажеров из стран Восточной Азии, организовать проведение ряда международных семинаров по административным и техническим вопросам развития биоэнергетики, а для координации работы создать специализированный «Офис по развитию международного сотрудничества с азиатскими странами в области биоэнергетики».

В сфере сотрудничества по вопросам экологически безопасного использования каменного угля Япония предложила создать у себя специализированный Центр содействия по внедрению технологий сжижения каменного угля, который будет заниматься вопросами распространения этих технологий в странах Восточной Азии на основе их коммерциализации. Кроме того, было предложено развивать сотрудничество со странами региона в сфере «чистых технологий» применения каменного угля.

Что касается политики ликвидации «энергетической бедности», под которой понимается отсталость многих стран региона в области энергетической инфраструктуры, то здесь Япония предложила реализацию в течение трех лет проектов помощи странам Восточной Азии по линии ОПР на общую сумму около 2 млрд. долл. В частности, речь идет о проектах технической и финансовой помощи, касающихся наращивания технической базы электроэнергетики восточноазиатских стран, развития их региональной энергетической инфраструктуры, проведения национальных проектов в области энергосбережения и т. д.

²⁵ <http://www.asiaeec-col.eccj.or.jp/contents01.html>

²⁶ <http://unit.aist.go.jp/btrc/ci>

* * *

Опыт политики международной помощи Японии в сфере энергосбережения в азиатском регионе имеет большую практическую ценность для России, для которой повышение эффективности энергопотребления остается одной из актуальнейших задач экономического развития. Например, удельная энергоемкость российского ВВП в 2,5 раза превышает показатели США и в четыре с лишним раза показатели Японии²⁷. В этих условиях объективной потребностью становится переориентация энергетических отношений с Японией, которые в основном развиваются в плоскости отношений поставщика и покупателя энергоресурсов, в направлении технологического сотрудничества. На передний план наших взаимоотношений в сфере энергетики должны выходить проекты помощи в сфере энергосбережения, реализация которых позволила бы России достичь реального снижения энергозатрат на производство единицы ВВП и повышения эффективности энергопользования. С этой точки зрения формат и содержание действующих межправительственных соглашений Японии с азиатскими странами, регулирующих вопросы сотрудничества в области энергосбережения, заслуживают пристального внимания со стороны российских внешнеполитических структур, которые занимаются стратегическим планированием на японском направлении.

Стратегическое планирование нефтегазовой отрасли с учетом процессов энергетического сотрудничества в Азии, и в том числе в сфере энергосбережения, приобретает особое значение для России и в связи с ростом значения восточноазиатского региона, которое зафиксировано в принятой Москвой долгосрочной стратегии развития энергетической отрасли. Россия намерена уделять странам АТР все большее внимание по той причине, что именно этот регион является наиболее активным покупателем энергоресурсов, обеспечивая до 45% перспективного прироста мирового спроса на нефть. По словам главы Минпромэнерго РФ В. Христенко, если в настоящее время более 90% экспортируемых российских энергоносителей поставляется в страны Европы, то к 2020 г. доля стран Азии в российском экспорте возрастет с 3% в 2005 г. до 30% по нефти и с 5% до 25% по газу²⁸. В этих условиях знание реалий азиатского рынка, перспективный анализ динамики потребностей отдельных стран региона позволили бы своевременно внести коррективы в планы развития добывающих мощностей Сибири и Дальнего Востока.

²⁷ См., например: <http://www.cemi.rssi.ru/mei/articles/zvet-1p07-1.pdf>, с. 6.

²⁸ Энергия промышленного роста. 2005, № 2, декабрь. – <http://www.epr-magazine.ru/archive/2005/2-2>

Кроме того, актуализации данного вопроса для российского внешнеполитического истеблишмента способствует и тот факт, что вопросы энергетического сотрудничества занимают все более заметное место в деятельности крупнейших международных организаций. Помимо уже упомянутого Восточноазиатского саммита, принявшего Декларацию по энергетической безопасности, следует отметить, что энергетическая тематика получила прочную «прописку» в повестке дня ежегодных встреч на высшем уровне стран «большой восьмерки», например, в 2006 г. в Санкт-Петербурге и в 2008 г. на озере Тоя (Япония). В целом наблюдается процесс политизации сферы международной энергетической безопасности, в рамках которой особую значимость приобретают не столько усилия отдельных стран по поиску новых возможностей поставок (имеющие по понятным причинам естественные пределы), сколько политика снижения потребностей в энергоресурсах (расширяющая свои возможности по мере развития научно-технического прогресса). В этом смысле роль Японии как «инкубатора технологий» энергосбережения в многосторонних структурах международного сотрудничества будет неизбежно возрастать.

Как представляется, подобные структуры получают в азиатском регионе дальнейшее развитие как прообраз более мощных интеграционных объединений, подобно тому, как процесс европейской интеграции пошел с момента создания в 1951 г. Европейского объединения угля и стали. Россия должна быть готова к тому, что такие интеграционные структуры, помимо координации энергетической политики и технологического сотрудничества, объективно возьмут на себя функцию субъекта переговорного процесса во взаимоотношениях с поставщиками энергоресурсов, отстаивающего консолидированную позицию региона-потребителя. Станет ли подобной структурой активно формирующееся «восточноазиатское сообщество», или это будет другой региональный форум, покажет время. Однако ясно, что именно Япония имеет все необходимое для того, чтобы занимать в подобных структурах позицию лидера: заслуженную репутацию «технологического донора», мощные финансовые ресурсы, высокий международный авторитет среди большинства стран региона.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ИННОВАЦИИ – ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ XXI В.

Важнейшей особенностью послевоенной экономики Японии является широкое использование наиболее весомых мировых достижений в области науки и техники. Хорошо понимая, что передовые технологии – это основа эффективности экономического процесса, и правительство, и предприниматели принимают серьезные меры по укреплению финансовой, кадровой и материальной базы науки. Не меньшее внимание уделяется производственной сфере – постоянному обновлению оборудования, совершенствованию технологий, развитию методов контроля качества, воспитанию у персонала органической потребности к повышению квалификации и активному использованию новых знаний.

В результате японцы приобрели уникальную возможность развивать экономику на основе самых передовых и эффективных достижений мировой науки и инженерного искусства, позволяющих не только снижать производственные издержки, но и регулярно предоставлять массовому потребителю новые виды товаров и услуг. Именно инновации оказываются самым убедительным ответом японцев на вызовы, периодически испытывающие на прочность как экономику Японии, так и ее социально-политические институты.

В наши дни среди наиболее серьезных вызовов, требующих незамедлительной адекватной реакции, особое место занимает старение японского общества. Его последствия обещают стать весьма чувствительными, поскольку с 2005 г. в связи со снижением рождаемости началось уменьшение численности населения страны. Согласно прогнозам к 2050 г. она составит 100,6 млн. человек, т. е. снизится до уровня 1967 г. Существенно, до 54%, уменьшится численность жителей в возрастном интервале от 15 до 64 лет, тогда как в 2000 г. на него приходилось 68%. Особую тревогу вызывает то, что около 36% от общей численности японского населения будет представлено лицами в воз-

расте 65 лет и старше. В 2000 г. их доля была вдвое меньше¹. Гораздо более благополучным является положение дел в США, где в 2050 г. на этот возрастной интервал придется лишь примерно 20% от числа жителей страны, а темпы прироста населения будут характеризоваться хотя и не очень большим, но все же положительным числом (около 0,5%). Таким образом, демографические процессы приведут к тому, что японцы и американцы, эти давние партнеры и конкуренты, окажутся в различных условиях дальнейшего развития, и позиции Японии в мировой экономической системе станут ощутимо слабее.

Безусловно, это станет очень серьезным препятствием и на пути достижения Японией ее приоритетных общенациональных целей, перечень которых даже в самом кратком виде представляется достаточно амбициозным².

1. Продолжать лидировать в науке, технике и технологиях, т. е. добиваться здесь серьезных успехов, демонстрировать эти достижения всему миру и передавать свой опыт другим странам, являясь тем самым активным участником общецивилизационного процесса.

2. Вносить существенный вклад в познание неизученных научных областей и создание принципиально новых технологий. Для этого активно развивать и проявлять креативность, формировать модели будущего общества, наполненного новыми достижениями науки и техники. Это должно способствовать созданию положительного эмоционального настроения как в самой Японии, так и за ее пределами.

3. Активно участвовать в решении глобальных проблем. Особое внимание при этом уделять направлениям, обеспечивающим сохранение окружающей среды, продовольственную безопасность, устранение последствий природных катаклизмов, включив в приоритеты и гуманитарную сферу.

4. Обеспечивать высокую международную конкурентоспособность благодаря непрерывному созданию новых производств. Для этого расширять применение самых совершенных производственных технологий и создавать условия для разработки «прорывных» технологий, осуществлять политику энергосбережения, использовать международные стандарты. Повышать квалификацию работников, создавать системы их подготовки и переподготовки по новым специальностям. Учитывать индивидуализацию потребительского спроса, помогать стартующим компаниям в освоении тактики, связанной с риском.

5. Формировать основы устойчивой социальной системы. Повысить внимание к участию региональных производств в глобальных

¹ White Paper on Science and Technology 2006. Tokyo, 2006, p. 3–7.

² NISTEP Report № 99. Tokyo, 2005, May, p. 46–47.

процессах, поддерживать участие городов в развитии регионов, улучшать качество жилищных условий. Обеспечивать рациональное распределение воды, пищи и энергии. Развивать отрасли, активно утилизирующие ранее произведенную продукцию по истечении ее срока службы. Создавать хорошие условия для иностранных работников. Активно поддерживая национальную культуру и традиции, проявлять благоприятное отношение к другим религиям и культурам.

7. Обеспечивать мирные, спокойные и безопасные условия жизнедеятельности. В этих целях активно способствовать предотвращению войн, преступлений, актов терроризма. Создавать безопасные транспортные системы и сводить к минимуму последствия аварий. Анализировать перспективы науки, техники и технологий, выявлять и показывать оптимальные пути их развития и практического использования.

8. Предотвращать стихийные бедствия и минимизировать их последствия. Не допускать серьезных последствий природных и иных катастроф, повысить точность их прогнозирования. Немедленно и эффективно реагировать на чрезвычайные происшествия.

9. Обеспечивать здоровые условия жизни общества. Создавать и использовать новые медицинские технологии. Для каждого индивидуума сделать доступной информацию о состоянии его здоровья и способах лечения. Оказывать поддержку всем, кто самостоятельно укрепляет свое здоровье. Реализовать концепцию активного долголетия.

10. Создавать максимально благоприятные условия для расширения индивидуальных возможностей членов общества. Исключить беспокойство по поводу занятости и получения средств к жизни как у молодежи, так и у пожилых. Создать условия для максимального проявления индивидуальных способностей, в том числе для инвалидов и престарелых. Понижать стоимость жизни и одновременно улучшать бытовые условия. Уравнять в возможностях мужчин и женщин.

11. Обеспечить благоприятные условия для самовыражения и взаимопомощи в быту и общественной сфере. Создавать условия для поддержки и развития взаимного партнерства, сочетания личных интересов с общественными, способствуя этим повышению удовлетворенности своими достижениями. Поддерживать в обществе интерес к жизни и активной деятельности. Способствовать свободному и независимому развитию детей и молодежи.

12. Создать систему непрерывного и целенаправленного обучения. Разработать новые, в том числе индивидуальные, методы обучения, развивающие интеллект и делающие процесс приобретения знаний более интересным. Привести программы обучения в соответствие

с международными стандартами. Обеспечивать развитие общества на основе научных взглядов на мир.

О последствиях относительного сокращения наиболее эффективной части трудовых ресурсов, а также об оптимальном использовании труда пожилых работников в Японии задумывались еще на рубеже 60–70-х годов. Было очевидно, что эти проблемы будут иметь долгосрочный и серьезный характер, сочетаясь с непростой проблемой обеспечения достойных условий жизни для неработающих пожилых людей и особенно лиц преклонного возраста.

Естественно, что научно-технические и организационные инновации представлялись главным средством преодоления или хотя бы смягчения названных проблем. Общий подход к решению последних предполагал активизацию усилий ученых и разработчиков одновременно на четырех направлениях. Первое направление – это обеспечение экономики более производительными средствами труда и дальнейшее совершенствование трудосберегающих технологий. Научно-технический прогресс и улучшение организации труда по-прежнему рассматривались в качестве основного фактора экономического роста.

Второе направление — это создание такой техники и технологий, которые бы позволяли эффективно включить в экономический процесс дополнительные трудовые ресурсы. Речь идет в основном об активном вовлечении в этот процесс женщин, а также мужчин старших возрастов. В первом случае задача состоит в том, чтобы создать такие технические средства, которые были бы приемлемы для использования в домашних условиях. Женщины могли бы выполнять эти работы в ряду прочих домашних занятий, соответствующим образом распределив их по времени. Этот подход, в принципе, применим и для определенной части пожилых мужчин, для которых поездки к местам работы слишком утомительны, а режим производства препятствует выполнению определенных индивидуальных процедур (лечебное питание, прием лекарств, частые перерывы для отдыха и др.).

В то же время значительная часть пожилых людей, главным образом мужчин, вполне могли бы работать и на своих прежних рабочих местах при условии, что последние будут оснащены оборудованием, учитывающим возрастные особенности работников – замедление умственной и физической реакции, ослабление зрения, более быстрая утомляемость и др. Также необходимо снизить уровень шума, вибрации, термических воздействий, запыленность или загазованность воздуха, уменьшить требуемые усилия на органах управления машинами и механизмами и т. д. Крайне желательно и применение удобных приборов для быстрой диагностики состояния работника и специальной аппаратуры для снятия напряжения (релаксации).

Третье направление, на котором следует искать решение проблем стареющего общества, – это обеспечить активное долголетие в масштабах всего населения, т. е. отодвинуть возрастной рубеж наступления старости. Для этого необходимо расширить исследования, обеспечивающие лучшее понимание механизма старения и открывающие пути к созданию соответствующих медицинских средств. Весьма перспективным здесь является подход, основанный на глубоком анализе роли питания в старении организма и в провоцировании тех или иных заболеваний. Предполагается, что в результате удастся создать более здоровые технологии выбора и приготовления пищи, причем не только для пожилых людей, но и для любого возрастного интервала. «Жизнь без болезней», кроме всего прочего, обеспечила бы относительное снижение численности занятых в сфере медицины и здравоохранения, а также государственных расходов на медицинское обслуживание.

И, наконец, четвертое направление, на котором требуются приложить дополнительные усилия в сфере науки и техники, – это создание в помощь долгожителям различных средств, способных в какой-то степени смягчить проблемы старости. В их числе устройства, облегчающие посадку в автобус, «движущиеся тротуары» на пересадочных станциях, более удобные торговые автоматы, звуковые информационные системы и др. Особая группа технических средств должна быть создана для обслуживания больных. В первую очередь – это специальные роботы-ассистенты, способные не только к сложным манипуляциям, но и к звуковому общению с больными.

Целенаправленная политика по формированию курса на всестороннее оздоровление жизнедеятельности общества на основе новейших научных достижений уже имеет достаточно долгую историю. После того как в 1971 г. Совет по науке и технике (Кагаку гидзюцу кайги), разрабатывающий рекомендации по обеспечению наиболее эффективного научно-технического курса страны, подчеркнул особую актуальность «наук о жизни» (иными словами, исследований в области живой материи), началось формирование государственных крупномасштабных программ по этой тематике. Активизировалась и исследовательская деятельность в промышленных компаниях. Расходы на проведение работ по тематике «наук о жизни» быстро росли и уже десять лет спустя вдвое превышали общие ассигнования на работы по проблемам атомной энергии.

В начале 80-х годов Совет по науке и технике подготовил общую программу работ по проблематике «наук и жизни». В нее входили такие темы, как выяснение механизма жизненных процессов и биологических функций, установление объективной взаимосвязи между чело-

веком и биосферой, развитие исследований в области умственной деятельности человека, обеспечение совместимости между промышленными и живыми системами и др.

В ходе реализации этой программы под руководством Управления по науке и технике (УНТ), министерства внешней торговли и промышленности (МВТП), министерства здравоохранения и министерства образования были осуществлены крупные проекты в области ранней диагностики опухолевых заболеваний и эффективной борьбы с ними. Кроме того, министерство здравоохранения обеспечило проведение работ по такой тематике, как профилактика болезней, нажитых вследствие неправильного питания; фундаментальные проблемы старения, особенно в плане снижения умственных способностей пожилых людей; создание специальных видов оборудования для домашнего ухода за больными. Министерство транспорта организовало исследования, направленные на усовершенствование транспортных средств для возможности их активного использования престарелыми и инвалидами, а министерство труда изучило вопросы создания производственного оборудования для более широкого привлечения в производство пожилых работников, уделив особое внимание тому, чтобы оно было абсолютно безопасным и не могло нанести ущерба здоровью работника.

Проблемы пожилых и престарелых людей дали новый импульс развитию японской робототехники. Последняя, как известно, сыграла важную роль как в повышении производительности труда в японской промышленности, так и в его гуманизации. Роботизация обеспечила широкомасштабное освобождение работников от опасных, вредных и дискомфортных производственных функций – работ с прессовым, штамповочным, литейным, гальваническим, покрасочным и другим оборудованием, где требовалось выполнять однообразные и примитивные по своему содержанию операции, связанные, однако, с большим физическим напряжением в условиях вибрации, шума и загрязненности воздуха, что, естественно, приводило к преждевременному старению и профессиональным заболеваниям. Уже самые простые роботы с пневматическим приводом позволили решить эту проблему, а вскоре начали широко применяться и более совершенные роботы – с системами программного управления, способные производить сложные сварочные операции и высокоточную сборку.

По данным Всемирной федерации робототехники, в 2004 г. на Японию приходилось 42% мирового парка роботов, т. е. на этом направлении автоматизации производства Япония является мировым лидером³. Роботизация не только обеспечивает улучшение условий труда и рост его производительности, но и самым радикальным обра-

³ Japan 2007. An International Comparison. Tokyo, 2006, p. 44.

зом повышает качество продукции, поскольку устраняет операции, выполняемые вручную и потому являющиеся основным источником производственного брака. Одновременно снижается потребность в найме молодежи, поскольку роботизированное производство не предъявляет особенно высоких требований к физическим данным и здоровью работника.

В наши дни японские специалисты по робототехнике активно переключаются на создание еще более сложных типов роботов – антропоморфных, т. е. «человекообразных» конструкций, в которых воспроизводится скелетно-мышечная схема человеческого тела и на основе новейшей электроники реализуются их «очувствление» и некоторые интеллектуальные функции. Конечная цель состоит в создании роботизированной инфраструктуры повседневной жизни.

Компании «Ясукава дэнки» и «Фудзицу» совместно разработали робот специально для больных и престарелых, который может доставлять подносы с едой к постели. Фирма «Нихон дэнки» также создала робот для домашнего обслуживания, который в соответствии с командой, поданой обычным голосом, включает осветительные приборы, телевизор или другую технику, обеспечивает вход в Интернет и с использованием синтезатора речи читает сообщения, пришедшие по электронной почте. Как выясняется, в число основных трудностей, с которыми встретились конструкторы антропоморфных роботов, входит обеспечение безопасности при их использовании. Роботы обладают немалой массой и потому должны быть абсолютно устойчивы, в том числе при столкновении с каким-либо препятствием или при поломке механизма.

Согласно последнему японскому прогнозу развития науки, техники и технологий на период до 2035 г., значительный вклад в решение проблем здоровья и активного долголетия внесут принципиально новые, более точные и щадящие методы диагностики. О развитии опухолей позволят судить биохимические исследования крови, оценивать состояние желудочно-кишечного тракта и производить лечение будут самостоятельно перемещающиеся внутри него миниатюрные приборы, появятся количественные оценки стресса, на основании которых станет возможным корректировать психологическое состояние и настроение. Большой прогресс ожидается в сфере «превентивной» медицины, т. е. в предотвращении болезней. Широкое распространение получают методы био-, иммуно- и генотерапии. Результаты геномного анализа позволят оценивать степень наследственной подверженности различным заболеваниям. Войдут в стандартную практику методы количественной оценки «степени старости», т. е. биологического воз-

раста человека, позволяющие производить соответствующую коррекцию для замедления процесса старения.

Отыскивая пути выхода из трудностей, связанных с демографической проблемой, японцы вынуждены одновременно столь же активно реагировать и на другие вызовы эпохи, в частности, на непрерывное возрастание экономической мощи других стран современного мира, в результате чего к началу 2000-х годов стали проявляться тенденции к снижению конкурентоспособности японской продукции на мировых рынках. С одной стороны, это касалось продукции, относящейся к информатике и биотехнологиям, в разработке и производстве которой лидирующие позиции занимали американские компании, однако очень быстро росли и объемы продукции, выпускаемой компаниями азиатских стран. В результате по многим товарным позициям (персональные компьютеры, запоминающие устройства, принтеры, жидкокристаллические и плазменные панели, мобильные телефоны и др.) японцы утратили значительную долю рынка⁴.

Наиболее серьезным конкурентом становится Китай с его огромными людскими и природными ресурсами, а главное, активно использующий самые передовые производственные технологии. В 2007 г. по объему ВВП он более чем в полтора раза превзошел Японию, а темпы его экономического развития производят не меньшее впечатление, чем японские в 60-е годы прошлого века. Китайский курс на использование достоинств рыночной системы хозяйствования и ослабление ее недостатков за счет сильного государственного контроля уже показал и продолжает показывать свою высокую эффективность. Японии ничего не остается, как искать асимметричный ответ на этот вызов, так как следовать аналогичным курсом в наши дни она уже не может – времена «Japan Inc.» давно прошли, и их не возродить.

Важно отметить, что испытанный подход к решению сложных проблем развития за счет интенсификации инновационных процессов сегодня активно используется не только Японией, но и ее конкурентами, что способствует выравниванию позиций и больше не может служить для японцев стратегическим средством борьбы. В частности, Китай в 2006 г. уже опередил Японию по расходам на исследования и разработки, направив в эту сферу 144 млрд. долл. (Япония – 131 млрд. долл.), а по ряду научно-технических направлений (в области освое-

⁴ Так, в 2006 г. японские компании уже не входили в первую тройку фирм-производителей персональных компьютеров (здесь лидерами были США и Китай), жидкокристаллических панелей (лидеры Корея и Тайвань), запоминающих устройств (лидеры Корея и Германия), мобильных телефонов (лидеры Финляндия, США и Корея). См.: Nikkei Market Share Survey. 02.08.2007.

ния космоса, атомной энергетики, биотехнологий и др.) приблизился к группе мировых лидеров⁵. Если же проводить сравнение с США, то отставание японцев от американцев по основным параметрам научно-технического потенциала непрерывно увеличивается и в силу отмеченных выше демографических факторов будет продолжаться (затраты США на исследования и разработки в 2006 г. равнялись 344 млрд. долл.).

Таким образом, в этих непростых условиях Японии остается делать главную ставку на развитие и приумножение своего интеллектуального капитала и на его основе еще более энергично форсировать инновационное развитие. К этому она достаточно хорошо подготовлена – ведь курс на максимальную научно-технологическую самостоятельность начал активно формироваться еще в 80-е годы. Так, в 1984 г. Совет по науке и технике особо подчеркнул в своих рекомендациях, что основой экономического могущества Японии должен стать ее собственный научно-технический потенциал, поскольку зарубежные компании, видя в Японии серьезнейшего конкурента, стали сопровождать приобретение ею патентов и лицензий, относящихся к высоким технологиям, жесткими условиями и ограничениями. В 1985 г. совет, как бы подытоживая и обобщая свои предыдущие рекомендации, выступил с программным документом – «Основы научно-технической политики», который в своем переработанном и дополненном издании (1992 г.) очертил главные направления развития японской науки до конца столетия. Были выделены следующие семь направлений:

- обеспечение гармонии в системе «наука и техника – человек и общество»;
- поддержка занятых в сфере науки и техники;
- увеличение расходов на НИОКР;
- развитие научно-исследовательской инфраструктуры;
- стимулирование оригинального мышления и творчества исследователей;
- интенсификация международной научно-технической деятельности;
- содействие научно-техническому развитию периферийных районов страны.

Важнейшим официальным документом, в котором были сконцентрированы организационные принципы научно-технической деятельности Японии явился «Базовый закон о науке, технике и технологиях», вступивший в силу 15 ноября 1995 г. Он констатировал, что наука, техника и технологии формируют основы развития как японского общества, так и человечества в целом, поэтому главная задача состоит в том, чтобы обеспечить сбалансированное взаимодействие между раз-

⁵ Main Science and Technology Indicators. 2007/2. OECD, Paris, 2007, p. 14, 91.

личными направлениями науки и техники и тесное сотрудничество между участниками исследовательского процесса. Закон требовал, чтобы и государственные органы, и общество в целом постоянно проводили эту идею в жизнь. Он предписывал обеспечивать тесную кооперацию между государственными НИИ, вузами и частным сектором, а также указал на обязательность поддержки и поощрения инициатив частного сектора при организации и проведении научных исследований⁶.

В законе отражены практически все факторы, на которых основывается современный научно-исследовательский процесс, указано, что они должны быть в центре внимания государственных структур и общества в целом, в то же время подчеркнута необходимость существенно повысить общественный интерес к науке и ее результатам⁷.

Закон также устанавливал, что основные положения государственной научно-технической политики следует систематически корректировать, и это должно находить свое отражение в пятилетних «Базовых планах научного и технического развития», утверждаемых правительством после согласования с Советом по научно-технической политике (Сого кагаку гидзюцу кайги), который в 2001 г. стал преемником Совета по науке и технике.

В результате анализа общемировых тенденций и социально-экономических задач, стоящих перед японским обществом, совет в 2001 г. сформировал план национальной стратегии в области научно-технического развития. В ее основе – придание ранга базового национального приоритета фундаментальным исследованиям и выделение двух крупномасштабных приоритетных областей. Первая из них включает в себя четыре раздела: науки о жизни, информатику и телекоммуникации, нанотехнологии и материалы, экологию. Вторая область, преимущественно прикладной ориентации, представлена такими разделами, как энергетика и ресурсы, промышленные технологии, производственная и социальная инфраструктура, Земля и космос. Все перечисленные разделы являются в Японии приоритетами инновационного развития и в настоящее время.

⁶ Наиболее весомым результатом стала активизация взаимодействия компаний с исследовательскими группами университетов. Число совместных проектов, выполненных компаниями и государственными университетами, возросло с 216 в 1985 г. до 11 362 в 2005 г. (Indicators of Science and Technology. Tokyo. 2007, p. 105).

⁷ Хотя говорить об отсутствии такого интереса пока не приходится, некоторые данные настораживают японских аналитиков. Так, согласно социологическим наблюдениям, в возрастной группе до 30 лет отмечено снижение интереса к научно-технической тематике. Если в 1976 г. интерес к ней обнаруживало 2/3 респондентов из этой группы, то в 1990 г. таковых было 50%. (White Paper on Science and Technology. 2006. Tokyo, 2006, p. 93).

В 2005 г. Национальный институт научно-технической политики (National Institute of Science and Technology Policy – NISTEP) опубликовал свой очередной прогноз мирового научно-технического развития на период до 2035 г., выделив в нем 130 главных инновационных направлений и установив соответствие между действующей в Японии системой приоритетов инновационного развития и конкретизирующими их инновационными направлениями. В результате была построена матрица «приоритеты – инновационные направления», фрагмент которой представлен ниже.

Матрица «приоритеты – инновационные направления»*

Инновационные направления	Науки о жизни	Информатика и телекоммуникации	Экология	Нанотехнологии и материалы	Энергетика и ресурсы	Промышленные технологии	Инфраструктура	Земля и космос	Прочее
Высокопроизводительные компьютеры		•							
Системы искусственного интеллекта		•							
Новые принципы информатики и связи		•							
Системы хранения информации		•		•					
Электроника для систем безопасности		•					•		
Молекулярная и органическая электроника		•		•					
Биоэлектроника	•	•		•					
Информатика для медицины	•	•							
Превентивная медицина	•								
Исследования мозга	•								
Нанобиология	•			•					
Технологии освоения Мирового океана			•					•	
Глубинные исследования Земли			•					•	
Космические транспортные средства								•	

Системы преобразования энергии			•	•					
Новые принципы атомной энергетики				•					
Возобновляемые энергетические источники			•	•					
Методы оценки ресурсов				•					
Технологии переработки отходов			•	•					
Предотвращение природных катастроф			•					•	
Наноанализ и наноизмерения				•					
Технологии нано- и микрообработки				•			•		
Производственные системы «человек-робот»							•		
Новые транспортные системы								•	
Системы производства знаний									•
Методы оценки технологий									•

* NISTEP Report № 97. Tokyo. 2005, May, p. 88.

Для успешной реализации национальных приоритетов, как отмечено в японском Базовом плане научного и технического развития на 2006–2010 гг., первоочередной задачей становится создание эффективной национальной инновационной системы, ключевым звеном которой являются высококвалифицированные кадры. Их подготовка и «взращивание» до высшего мирового уровня приобретают ранг общенационального приоритета. Причем в указанном выше плане поставлена и другая, не менее масштабная задача – выработать меры, которые бы позволили японцам стать нацией, активно формирующей передовые знания и технологии.

Жизненные реалии наглядно показывают, что серьезным тормозом инновационного развития являются нерешенные проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью. Выступая в парламенте в январе 2002 г., премьер-министр Д. Коидзуми призвал рассматривать интеллектуальную собственность как важнейший национальный ресурс и наращивать усилия по его приумножению. Был сформирован Стратегический совет по интеллектуальной собственности (Титэки дзайсан

сэнряку хомбу), который тщательно проанализировал сложившуюся ситуацию и подготовил развернутые рекомендации.

Японские аналитики в первую очередь внимательно изучили, что и как делают в этой области американцы, располагающие большим опытом в этой области. Особый интерес они проявили к такому основополагающему документу, как объявленные еще в 1979 г. президентом Картером «Инициативы в сфере промышленных инноваций», которые положили начало целой серии законодательных актов, регулирующих распространение информации о новых научно-технических достижениях. Важнейшими среди них явились федеральные законы Стивенсона-Уайдлера и Бэя-Доула, принятые в 1980 г. Согласно первому из них, распространение объектов интеллектуальной собственности, представленных успешными результатами исследований и разработок, стало осуществляться через специальное управление, в задачи которого входило как выявление экономических объектов, требующих содействия в повышении их конкурентоспособности, так и организация надлежащих мер в плане информационного обеспечения, работ по стандартизации и патентных процедур.

Одновременно закон Бэя-Доула резко активизировал научную деятельность в университетах, поскольку передавал им право на изобретения, сделанные в ходе работ, финансируемых государством. Уже за первые десять лет после принятия этого закона годовой уровень подачи патентных заявок университетами и их доходы от продажи лицензий возросли в десятки раз. В результате промышленность получила значительный приток новых технологий, а университеты повысили финансирование научных исследований. Кроме того, возрос и интерес инвесторов к деятельности университетских лабораторий, что обеспечило их дополнительное финансирование⁸.

Японские специалисты пришли к выводу, что высокий уровень расходов на оформление патентной документации не просто тормозит наращивание национального потенциала интеллектуальной собственности, а во многих случаях оказывается совершенно неприемлемым для малых и средних фирм, университетов и венчурных компаний. По их мнению, в этих случаях следовало бы закреплять патентные права не за изобретателями и правительством, как это обычно делается, а, например, за университетами и специальными лицензирующими организациями, выступающими в качестве посредников. Кроме того, следует активнее развивать контрактную систему, хорошо зарекомендовавшую себя в США. Ориентируя университетские исследования на заказы промышленных компаний, она предоставляет последним право

⁸ Голценко О. Г. Национальная инновационная система России. М., 2006, с. 163–165.

быть совладельцами патента, что снижает финансовую нагрузку на разработчиков.

Предметом особых забот является оформление прав на интеллектуальную собственность, относящуюся к национальным приоритетам инновационной политики Японии, к которым относятся: а) живые системы; б) информатика и связь; в) нанотехнологии и материалы; г) технологии сохранения окружающей среды. Именно в этих областях ожидаются принципиально новые научные и технические решения, своевременная коммерциализация которых обеспечит инноваторам самые серьезные преимущества – однако все эти решения должны быть быстро и грамотно защищены во избежание использования конкурентами. В этих целях было увеличено число специалистов, работающих в патентной сфере. В результате к 2001 г. на решение юридических вопросов по патентованию стало уходить 18 месяцев (в 1993г.– 32). Было также усилено правовое обеспечение гарантий против нарушений авторских прав: в 2002 г. были пересмотрены как Патентный закон, так и Закон о торговых знаках, что обеспечило защиту авторства на компьютерные программы и торговые знаки, используемые в деловых операциях с применением Интернета⁹.

Большое внимание уделяется и «расчистке» путей прохождения результатов исследований и разработок в промышленность. В частности, задача состоит в том, чтобы создать эффективную систему из организаций-посредников, обеспечивающих передачу научно-технических достижений из университетских лабораторий и государственных НИИ в частный промышленный сектор. С этой целью были введены в действие Законы о трансфере технологий из университетов в промышленность, о специальных мерах по оживлению промышленности и о совершенствовании промышленных технологий. Одновременно это способствовало активизации исследований и разработок в университетах и НИИ, поскольку широкое практическое использование их результатов являлось весьма весомым стимулом для ученых и инженеров.

Серьезной проблемой стала утрата внутрифирменных секретов в связи с естественной текучестью рабочей силы, переходом работников в другие фирмы. Диверсифицируя свою деятельность или открывая новые отделения, компания привлекает в них новых специалистов, т. е. «носителей секретов» других компаний. В то же время она вынуждена сокращать часть своих работников, теряя при этом часть своего интеллектуального капитала. Эти процессы в последнее время интен-

⁹ Task Force on Industrial Competitiveness and Intellectual Property Policy. METI, Tokyo, 2002, p. 5.

сифицируются и в Японии в силу активного глобального развития новых междисциплинарных направлений. Успешно развивать эти направления без перестройки профессиональной структуры и, следовательно, кадрового состава своих работников компании не в состоянии.

Хотя охрана интеллектуальной собственности с помощью патентов является главным методом, обеспечивающим права авторов, было признано целесообразным шире использовать и такой метод охраны объектов интеллектуальной собственности, как недопущение в открытое пользование описаний, раскрывающих сущность нового технического решения, т. е., по существу, их засекречивание. Наконец, важной проблемой в сфере интеллектуальной собственности, по мнению японских экспертов, является организация условий, обеспечивающих ее динамичное приумножение, «скоростное поточное производство» новых знаний.

Правовым фундаментом, обеспечивающим форсированное инновационное развитие Японии, в настоящее время является «Основной закон об интеллектуальной собственности», который вступил в силу в декабре 2002 г. Согласно этому закону, задача состоит в том, чтобы в условиях, когда вследствие изменений социальной и экономической ситуации в стране и за рубежом возросла необходимость в существенном повышении международной конкурентоспособности японской промышленности, обеспечить динамичное развитие экономики и общества. И поскольку этот процесс основывается на производстве добавленной стоимости путем создания и эффективного использования новой интеллектуальной собственности, то предлагаемая базовая концепция состоит в том, чтобы организовать в масштабах всего японского общества «цикл интеллектуального созидания». Схематически он может быть представлен в виде трех узловых позиций, объединенных в замкнутую систему: интеллектуальное созидание – приобретение и охрана прав на интеллектуальную собственность – коммерциализация интеллектуальной собственности. Именно последний этап становится источником средств для следующего аналогичного цикла¹⁰.

Закон устанавливает, что ответственность за разработку общенациональной политики, обеспечивающей формирование и непрерывное воспроизводство цикла, а также за ее проведение в жизнь возлагается на государство. В то же время региональные власти обязаны обеспечивать реализацию этой политики на своих территориях с учетом местных обстоятельств. В частности, они отвечают за состояние кадровых ресурсов и организацию сотрудничества между компаниями, университетами и государственными научными учреждениями.

¹⁰ Journal of Japanese Trade and Industry. 2003, № 3, p. 22.

Целый ряд статей этого закона содержит установки на более эффективное использование знаний и опыта исследователей и инженеров, а также на создание наиболее благоприятных условий для их деятельности – ответственность за это возлагается на государство и университеты. Перед государством ставится задача создать систему обновленного патентования в целом ряде стран, чтобы исключить патентование в разных странах и тем самым существенно его удешевить, а также установить тесное сотрудничество по вопросам интеллектуальной собственности с развивающимися странами, в первую очередь, относящимися к азиатскому региону.

Конечная цель, на достижение которой в Японии в настоящее время направляются основные усилия, состоит в том, чтобы сформировать более совершенную, значительно улучшенную в качественном плане, модель инновационного развития, которая смогла бы обеспечить стране, как минимум, сохранение прочных позиций среди мировых лидеров в области инноваций. Однако инновации, определяющие ход общецивилизационного процесса, отнюдь не ограничиваются сферой науки, техники и технологий. Поэтому японцы, уделяя надлежащее внимание научно-технической стороне дела, внимательно смотрят и в сторону организационно-управленческих инноваций. Так, весьма перспективной тематикой они считают разработку теории социальных сетей и других теорий, касающихся социальных взаимоотношений и социальной организации. Немалый интерес вызывают методы построения системы, которая бы позволяла компаниям количественно оценивать свои операционные риски и требовала периодически публиковать результаты этих оценок. Чтобы расширить возможности управления рисками с использованием государственных рычагов, представляется актуальным разработать технологию управления совокупными рисками. Это даст возможность определять и изучать риски, оценивать их влияния и ранжировать по приоритетности, что в итоге позволило бы создать эффективную систему минимизации рисков.

Полагают, что для снижения потерь, возникающих из-за колебаний валютных курсов и цен на ключевые товары (например, на энергоносители), крупные японские компании должны получить в свое распоряжение методики, позволяющие ежедневно измерять и контролировать итоговые значения рисков. Особенно важно разработать более точные методы прогнозирования и технологий сценарного анализа, применимые к рыночной среде, в том числе для рынка страхования и рынка ценных бумаг.

Сфера научной и инженерной деятельности также нуждается в радикальных организационных инновациях. На повестке дня создание

методов планирования, выполнения, контроля и оценки исследовательских проектов, которые бы позволили повысить производительность труда в научной сфере в среднем на 50%. Полагают, что в ряде случаев может оказаться оправданным такой подход, когда разработка нового продукта будет производиться в рамках конкурсного проекта, в котором смогут участвовать и сотрудники, не связанные с компанией. Существует даже предложение испробовать такой путь к повышению эффективности исследований и разработок, при котором некоторые научно-технические проблемы компаний и отраслей будут сообщаться общественности с целью проведения дискуссий и «общенационального» поиска решения этих проблем.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что нынешняя научно-техническая политика Японии, построенная на тщательно продуманных и весьма рациональных принципах, вполне соответствует задачам инновационного развития японского общества. Вместе с тем, в Японии хорошо понимают, насколько важно в самые короткие сроки усилить творческое, креативное начало научной деятельности. Сознательный отказ от развития уникальных направлений, связанных с большим риском потерпеть неудачу, особенно, если они не обещают выхода на массовое производство, сформировало в японских исследователях и разработчиках сугубо прагматический тип мышления, ориентированный на непрерывные доработки и улучшения изделий и процессов, созданных ранее.

Сегодня подобные приемы инновационного развития (в Японии их называют «кайдзэн») освоены многими странами, весьма успешно конкурирующими с Японией. Для энергичного отрыва от преследователей и выхода на радикальные высокотехнологичные инновации мирового класса Японии потребуется обеспечить самую активную и многостороннюю реализацию провозглашенной ею новой концепции – а именно, концепции интеллектуального созидания.

Из прогнозных оценок, выполненных экспертами японского Национального института научно-технической политики, следует, что японцы смогут добиться особенно значительных успехов при создании новых материалов на основе нанотехнологий, при реализации ряда биологических процессов на наноуровне, а также в нанотехнологиях для производственных и экологических целей. Весьма прочные позиции Япония будет занимать и в таких областях, как высокопроизводительные компьютерные системы, средства хранения и отображения информации, оптоэлектроника и фотоника, беспроводная техника связи. По-прежнему будут высоко котируются японские энергосберегающие технологии, системы переработки отходов, не загрязняющие

окружающую среду, робототехника и многие другие научные и инженерные достижения. Таким образом, прогресс в области высокотехнологичных инноваций, с которыми все более тесно связывается образ современных мировых лидеров, безусловно, станет серьезным и убедительным ответом Японии на вызовы нового столетия.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЯПОНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ДЕРЕВНЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На сегодня среди глобальных вызовов для японского хозяйства и деревни, производства и продажи сельскохозяйственной продукции, а также импорта, имеют значение, прежде всего, экономические и экологические проблемы. Не менее важен и социокультурный аспект, ибо именно деревня, несмотря на все новшества, привносимые в том числе и процессами глобализации, является хранительницей национальных традиций Японии.

В экономической сфере здесь сталкиваются интересы либеральной и регулируемой экономики, крупных промышленных компаний и сравнительно неэффективного сельского хозяйства. Еще более остро стоит вопрос о ввозе относительно дешевой сельскохозяйственной продукции и соответственно угрозе разорения японского фермерства. И в этой же связи постоянно возникают противоречия между странами-импортерами, в число которых, как известно, входит Япония¹, и странами-экспортерами сельскохозяйственной продукции на международной арене.

В условиях глобальных вызовов исключительно важным является ведение хозяйства на уровне последних достижений науки и техники. В этом отношении в послевоенный период Япония достигла хороших результатов – вначале в условиях догоняющей модели развития, заимствуя в той или иной области сельскохозяйственной науки опыт ведущих государств, затем уже и на основе своих фундаментальных ис-

следований. Началось техническое оснащение отрасли, обустройство производственной инфраструктуры, использование в широких масштабах минеральных удобрений (которые до войны практически не применялись), химикатов для борьбы с вредителями и болезнями растений (которых тоже почти не было), а также внедрение машин (механизация рисоводства, которое являлось основой японского сельскохозяйственного производства, началась лишь в середине 50-х годов).

Все это привело к тому, что за два-три десятилетия японское сельское хозяйство превратилось из отсталой, основанной на ручном труде отрасли во вполне современную область экономики, применяющую прогрессивные технологии (в том числе highteck) и передовые методы производства, имеющую высокий уровень урожайности и продуктивности животноводства. В растениеводстве используются главным образом сортовые семена, в животноводстве и птицеводстве – наиболее продуктивные породы скота и птицы. Были созданы практически заново такие современные отрасли сельского хозяйства, как выращивание продукции в закрытом грунте, в том числе методом гидропоники. Полным ходом идет компьютеризация сельскохозяйственного производства.

Механизация и химизация производства, применение трудосберегающих технологий, технологическая специализация производства и прочие факторы привели к росту производительности труда (за 1960–2002 гг. она выросла в среднем в шесть раз). Однако сегодня пока еще не решен вопрос о повышении эффективности сельскохозяйственного производства и продажи продукции, что столь необходимо в современных условиях развернувшегося процесса глобализации. В большинстве своем японская продукция неконкурентоспособна на внешнем рынке.

Именно поэтому одним из ответов на процесс глобализации является серьезное, можно сказать даже радикальное, реформирование японского аграрного сектора, предусматривающее рост крепких хозяйств и выпуск продукции с высокой долей добавленной стоимости. Одним из главных направлений преобразований является процесс дерегулирования, который должен дать новый стимул развитию инициативы и появлению новых возможностей для роста производства и снижения его издержек.

Как известно, по сравнению с другими развитыми странами в Японии уровень государственного регулирования всегда был очень высок. Особенно всякого рода регламентациями был связан аграрный сектор народного хозяйства. По Закону о контроле над продовольствием, который был принят еще в 1942 г., производство, продажа и потребление основных видов сельскохозяйственной продукции находи-

¹ Япония является нетто-импортером продовольствия, она ввозит свыше 30% необходимой сельскохозяйственной продукции из расчета ее стоимости, что соответствует 60% ее калорийности.

лись под строгим контролем государства. Оно устанавливало квоты на производство и цены на большинство видов продукции, осуществляло ее закупки и передавало в розничные магазины² или на перерабатывающие предприятия. По Закону о сельскохозяйственной земле существовали ограничения на землевладение и землепользование.

Под государственным контролем осуществлялся и импорт сельскохозяйственной продукции, на многие виды которой в течение долгого времени, практически до конца прошлого века, существовали количественные ограничения. Снятие ограничений на импорт продукции шло в Японии наиболее медленно (в 1972 г. из еще не либерализованных 33 групп товаров, 20 относились к сельскому хозяйству). С 1973 г., после задержки экспорта соя-бобов из США и по ряду других причин либерализация импорта этой продукции была практически прекращена.

Кроме того, появилась так называемая концепция продовольственной безопасности, являющаяся составной частью концепции национальной безопасности³. Одновременно государство предоставляло определенные льготы сельскохозяйственным производителям, постоянно повышая цены на покупаемую им продукцию, выдавало субсидии и кредиты. Все эти меры, с одной стороны, защищали аграрный сектор от конкуренции импортной продукции и повышали доходы производителей, но, с другой – ограничивали возможности повышения эффективности производства. Несмотря на ряд принятых правительством мер, уровень самообеспеченности продовольствием продолжал падать, ибо развитие производства не поспевало за ростом потребления, и конкурентоспособность оставалась на низком уровне, поскольку издержки производства не снижались.

Постепенно под влиянием требований экономических организаций промышленных компаний и в связи с необходимостью повысить эффективность производства, а также руководствуясь положениями таких международных договоров, как, например Генеральное соглашение по торговле и тарифам (ГАТТ)⁴, отдельные положения, регулирующие, в том числе и функционирование аграрного сектора, смягчались. Так,

² Карточная система на рис сохранялась в стране еще в 70-х годах прошлого века, когда имело место уже его перепроизводство.

³ Она предусматривала гарантированное обеспечение населения продовольствием как за счет внутренних ресурсов (для чего предусматривался рост производства той продукции, которая может быть произведена в стране), так и путем стабильных поставок по импорту путем заключения долгосрочных договоров с поставщиками и их диверсификации, а также путем создания резервов важной продукции продовольственного назначения.

⁴ Япония вступила в ГАТТ в 1954 г., в 1964 г. приняла на себя обязательства в соответствии со ст.8 устава МВФ и ст.11 ГАТТ (общая отмена количественных ограничений).

ослаблялись ограничения на землевладение и землепользование, расширялись возможности продажи крестьянами продукции по частным каналам. Кроме того, принимались меры для изменения структуры производства. Были сняты ограничения на ввоз некоторых видов сельскохозяйственной продукции (которые в стране либо не производились, либо не очень сильно конкурировали с отечественной продукцией), хотя даже такая выборочная либерализация часто влекла за собой весьма негативные последствия для производства ряда важных для страны культур.

Проблема дерегулирования, которая была обусловлена как внутренними, так и внешними причинами, наиболее остро встала в конце 80-х годов и в 90-е годы. Уже в начале 80-х годов встал вопрос о необходимости сокращения ассигнований на сельское хозяйство, так как дефицит специального счета контроля над продовольствием⁵ вырос до огромных размеров, а рост сравнительно крепких хозяйств практически стабилизировался, издержки производства оставались высокими.

Одновременно на внешнем рынке со стороны международных организаций и внешнеторговых партнеров Японии, все громче звучали требования о либерализации ее сельскохозяйственной продукции. В середине 80-х годов США предъявили практически ультиматум – Япония должна была либерализовать 12 сельскохозяйственных позиций, в том числе таких важных для страны, как говядина и апельсины. Несмотря на все усилия, предпринимаемые Японией, чтобы не выполнить эти требования, в начале 1988 г. на очередной сессии ГАТТ в Женеве под давлением общественного мнения, она дала согласие на снятие количественных ограничений на импорт ряда позиций, поддерживая таким образом свое реноме приверженца принципов свободной торговли и политики интернационализации. В то же время японская сторона сумела выторговать определенный срок (три-четыре года), который отодвинул осуществление полной либерализации важных для нее видов продукции (количественные ограничения на ввоз говядины и апельсинов были сняты в 1991 г.), и перейти на тарификационную систему при ввозе некоторых других видов.

В декабре 1993 г. в соответствии с заключительным соглашением в ходе Уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ Япония согласилась на постепенное (с 1995 г.) введение тарификационной системы в отношении импорта всех еще не либерализованных видов продукции и даже на ввоз риса, хотя и весьма ограниченный, – этого столпа растениеводства и наиболее уязвимого с точки зрения конкурентоспособности продукта (в конце века количественные ограничения на ввоз

⁵ Японский бюджет состоит из общего счета и специальных счетов.

риса были также сняты, но это было сделано и в интересах самой Японии, так как ей было выгоднее резко повысить тарифы). Таким образом, с конца 80-х годов под влиянием глобализации практически начал терять силу один из важных компонентов защиты отечественного сельского хозяйства – количественное ограничение на импорт более дешевой продукции.

Ответом на углубление процессов глобализации и их влияния на эту сферу является борьба в защиту отечественного аграрного сектора. Она ведется в двух направлениях – осуществление более жесткой аграрной политики внутри страны с целью повышения уровня конкурентоспособности отрасли и продолжение протекционистской политики на внешнем рынке.

Уже с середины 80-х годов государство начало замораживать и даже снижать закупочные цены на основные виды продукции, прежде всего на рис. В 90-е годы были приняты новые законы⁶ и положения, направленные на устранение административных методов регулирования в области производства и сбыта продукции и более широкое внедрение рыночных механизмов, на адресную поддержку только крепких хозяйств, на внедрение частного несельскохозяйственного сектора в производство и обращение сельскохозяйственной продукции, т. е. на увеличение ее конкурентоспособности. В результате число крупных хозяйств постепенно увеличивается, намечается тенденция снижения издержек производства, но в целом господствующее положение мелкотоварного хозяйства пока остается неизменным.

На внешнем рынке ответ Японии на необходимость снятия количественных ограничений на ввоз продовольствия был достаточно весомым: она установила весьма высокие пошлины на ряд наиболее важных для ее экономики позиций. На рис, бобовые и масло они составили от 300 до 500% (на рис – 490%), на пшеницу, сухое молоко и крахмал – от 200 до 300%, на арахис и съедобный корень конняку они были выше 500% (на конняку, например, 990%; столь высокий тариф объясняется тем, что в районе выращивания этой культуры от нее зависит экономическое положение занятых).

И сейчас в рамках международных соглашений Япония продолжает вести борьбу за сохранение этих высоких таможенных тарифов. Страна занимает оборонительную позицию по этому вопросу и настаивает на наличии особых условий для стран-импортеров сельскохозяйственной

⁶ Прежде всего, надо упомянуть Закон о спросе и предложении основных видов продовольствия и стабилизации цен 1995 г., заменивший Закон о контроле над продовольствием 1942 г., и Основной закон о продовольствии, сельском хозяйстве и деревне 1999 г., принятый взамен Основного сельскохозяйственного закона 1961 г.

продукции. Эта позиция зиждется на необходимости признания «существования различных типов сельского хозяйства», «установления правил торговли, обеспечивающих баланс между странами-экспортерами и странами-импортерами»⁷. Более конкретно кредо японской стороны на переговорах в ВТО по аграрной тематике сводится к следующему:

- учет многофункционального значения аграрного сектора, которое нельзя оценивать, используя только рыночный механизм;
- признание необходимости обеспечения продовольственной безопасности в условиях открытого рынка в каждой стране и сельскохозяйственного производства как базы ее обеспечения;
- допущение определенного уровня государственной поддержки отрасли, особенно для стран-импортеров;
- установление приемлемых тарифных ставок для каждого продукта с учетом баланса производства и потребления его в стране и ситуации на мировом рынке.

Усилия Японии по защите стран-импортеров сельскохозяйственной продукции нередко находят понимание. Так, например, в ноябре 1996 г. японский представитель приложил максимум усилий, чтобы в декларацию, принятую в Риме на специальной конференции ФАО (посвященной решению продовольственной проблемы в глобальном масштабе), были внесены рекомендации странам-экспортерам сельскохозяйственной продукции не использовать продовольствие в качестве политического или экономического давления.

На переговорах в рамках ВТО Япония выступает в группе десяти⁸, члены которой придерживаются оборонительной тактики по сельскохозяйственной тематике. Она делает упор на «неторговую» проблематику, в частности, на необходимость поддержания оптимального уровня продовольственной безопасности и многофункциональной роли сельского хозяйства⁹. На переговорах о снижении ввозных пошлин на значительную часть сельскохозяйственных товаров группа десяти добивается исключить из этой меры по крайней мере 10–15% товарных позиций (США готовы согласиться на подобные исключения для 1% таких товарных позиций)¹⁰.

Именно сельскохозяйственная тематика (субсидирование аграрного сектора и таможенные пошлины) стала одной из основных причин

⁷ Имеется в виду, что в настоящее время правила для стран-экспортеров менее строгие.

⁸ Кроме Японии в нее входят Швейцария, Южная Корея, Норвегия и ряд других стран.

⁹ Речь идет о системе землепользования, не нарушающей экологического равновесия и роли сельского хозяйства для социально-экономического благополучия сельских районов.

¹⁰ БИКИ. 10.02.2007, с.4.

приостановки переговоров в рамках Дохийского раунда в 2003 г. и в середине 2006 г. В июле 2004 г. между участниками ВТО все же было достигнуто рамочное соглашение о торговле сельскохозяйственной продукцией. Было принято решение ликвидировать экспортные субсидии и снизить ввозные пошлины. И как очередную серьезную победу группы десяти на этих переговорах можно рассматривать согласие их участников на то, что государства-импортеры будут иметь право устанавливать достаточно высокие пошлины на ввоз тех видов продукции, которые они сочтут наиболее значимыми для своей экономики¹¹. Однако многие вопросы, в том числе о верхнем пределе тарифов и количестве видов продукции, на которое распространяются высокие пошлины, еще предстоит согласовывать. Но пока японские производители остаются защищенными перед странами-экспортерами, а Япония продолжает бороться в защиту своего сельского хозяйства.

Снижение тарифов и тем более их отмена на такую продукцию, как, например рис, оказало бы негативное влияние не только на аграрный сектор, но и на все японское общество. По имеющимся подсчетам, стоимость валовой сельскохозяйственной продукции снизилась бы на 40%, а уровень самообеспеченности продовольствием – до 12%¹².

Именно необходимость снижения тарифов на сельскохозяйственную продукцию является камнем преткновения и при заключении так называемых двусторонних соглашений о свободной торговле, в которых очень заинтересованы промышленные компании и за которые ратуют японские экономические организации¹³. Это – одна из причин, почему Япония сравнительно поздно начала заключать соглашения об экономическом партнерстве и о свободной торговле¹⁴.

Первой страной, с которой Япония заключила такое соглашение в 2002 г. был Сингапур, откуда импорт сельскохозяйственной продукции был ничтожен. Переговоры о заключении аналогичных соглашений с Таиландом и Мексикой в 2003 г. зашли в тупик из-за разногласий по вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные товары. В сентябре 2004 г. соглашение с Мексикой было подписано. Япония согласилась на снижение тарифов на мексиканское куриное мясо, говядину, сви-

¹¹ Нихон кэйдзай симбун. 03.08.2004.

¹² Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. FY 2006, p.12. В настоящее время этот уровень при подсчете по калориям составляет около 40%.

¹³ По оценке министра экономики, торговли и промышленности, если бы имелось соглашение о свободной торговле с Мексикой, Япония не теряла бы ежегодно 400 млрд. иен и 30 тыс. рабочих мест (Нихон кэйдзай симбун. 22.12.2002)

¹⁴ В отличие от соглашения о свободной торговле, соглашение об экономическом партнерстве предусматривает, кроме снижения пошлин на товары и услуги, более широкое экономическое сотрудничество.

нину и апельсины взамен беспошлинных поставок в Мексику своего стального проката и автомобилей.

В сентябре 2005 г. в принципе была достигнута договоренность с Таиландом, который снял свое требование о снижении тарифов на рис в обмен на согласие японской стороны ликвидировать или снизить тарифы на импорт тайландских цыплят¹⁵, сахара и крахмала (в 2002 г. эта страна покрывала 35% японского импорта цыплят, или 10% объема потребления, и 27% – сахара). Кроме того, в соглашение вошли пункты о сотрудничестве между сельскохозяйственными кооперативами по вопросу о подготовке кадров для Таиланда, о помощи в повышении уровня безопасности продукции и пр. Таиланд, в свою очередь, обещал снять пошлины при экспорте японских фруктов¹⁶. В декабре 2005 г. соглашения аналогичного типа были подписаны с Малайзией (Япония была вынуждена согласиться на беспошлинный ввоз определенной квоты бананов, но категорически отказалась от увеличения их экспорта уже при уплате тарифов¹⁷), в сентябре 2006 г. – с Филиппинами, в апреле 2007 г. – с Австралией и т. д.

В связи со все возрастающим в условиях развития процессов глобализации потоком через границы товаров, в том числе продовольственных, Япония принимает серьезные меры для предотвращения ущерба, который может быть нанесен отечественному сельскому хозяйству и населению из-за некачественной зарубежной продукции. В частности, страна увеличивает инспекционные возможности, ужесточает правила санитарных норм на продовольствие, требует обязательной маркировки продуктов и пр.

Например, Японская ассоциация по инспекции зерна удвоила свои мощности по проверке ДНК; Японская ассоциация по санитарному контролю над продовольствием построила новое здание инспекции, площадь которого в три раза превышает имеющуюся; Японская ассоциация замороженной продукции открыла в Иокогаме новый центр по проверке импортного продовольствия с мощностью, вдвое превышающей старый¹⁸.

Согласно поправкам к Закону о санитарных нормах на продовольствие (2000 г.), появилась возможность запретить импорт продукции при неоднократном обнаружении в нем остаточного количества химикатов, превышающего норму. Импортёр такой продукции может быть подвергнут аресту на срок до шести месяцев или штрафу в размере

¹⁵ Япония до конца отстаивала пошлины на цыплят, но вынуждена была уступить.

¹⁶ Нихон кэйдзай симбун. 10.10.2004; Annual Report... 2006, p.12; Ногэ то кэйдзэй.2006, №10, спец. вып., с.95.

¹⁷ Нихон кэйдзай симбун. 15.01.2005.

¹⁸ Нихон кэйдзай симбун. 17.12.2003.

300 тыс. иен¹⁹. В мае 2006 г. нормы остаточного количества химикатов в сельскохозяйственной продукции и продовольствии вообще были ужесточены²⁰, в результате, например, значительно сократился ввоз из Китая овощной продукции и грибов сиитакэ, поскольку они не отвечали японским требованиям.

Важной мерой по обеспечению населения безопасной для здоровья продукцией стала обязательная маркировка продовольственных товаров с указанием места (страны) производства и состава ингредиентов. Создана также специальная сертификационная система на органическую, а также на генетически модифицированную продукцию (ГМП). С этой целью в 2001 г. в Закон о сельскохозяйственных стандартах были внесены необходимые изменения. Всем импортерам вменялось в обязанность проводить проверку ввозимой в страну ГМП в соответствии с Законом о санитарных нормах на продовольствие. В случае продажи неразрешенных продуктов они подлежат изъятию, а виновные должны быть привлечены к суду. В июле 2003 г. был принят Основной закон о безопасности продовольствия, в мае 2005 г. создана Комиссия по продовольственной безопасности (отвечает, в частности, за установление норм остаточного количества химикатов и микроорганизмов в продуктах). В рамках министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства создан комитет по вопросам продовольственной безопасности и проблемам потребителя.

По вопросу о ГМП Япония наряду с другими странами (всего 130 государств) подписала в 2000 г. специальное соглашение – Картахенский договор о биологической безопасности, но он не предусматривал ни обязательной маркировки, ни конкретных указаний о содержании ГМП. Речь шла лишь о процедуре предварительного уведомления для получения разрешения на поставку такого товара от страны-импортера²¹.

И, наконец, в Японии один из самых строгих по сравнению со многими странами контроль скота на выявление такой страшной болезни, как коровье бешенство. В 2003 г. Япония запретила ввоз американского мяса и отказывалась категорически снять этот запрет, пока США не будут проводить поголовной проверки скота, предназначенного для отправки в Японию (в Европе проверке подвергаются скот с 24-месячного возраста, в США – с 30-месячного). В декабре 2005 г. он был снят, так как комитет по безопасности продовольствия несколько смягчил свою позицию по поводу возраста скота, подлежащего инспекции. Однако в январе 2006 г. он снова вошел в силу (в мясе был обнаружен спинной

¹⁹ Нихон кэйдзай симбун. 31.07.2002.

²⁰ В соответствии с введением нового перечня норм остаточного количества химикатов, не вошедших ранее в Закон о санитарных нормах на продовольствие (Ногё то кэйдзай. 2006, №10, спец. вып., с. 22).

²¹ БИКИ.08.10.2002, с.6; 14.06.2001, с. 7.

мозг, являющийся возможным источником заражения этой болезнью) и только в июле 2006 г. импорт говядины был возобновлен²².

В условиях новых вызовов современности более остро встает вопрос о защите интеллектуальной собственности, тем более что это связано не только с недопущением в страну контрафактных товаров, но и с уровнем конкурентоспособности японской сельскохозяйственной продукции. В последние годы было немало случаев нарушения авторских прав селекционеров: нелегальных вывозов семян и саженцев из страны и последующего экспорта выращенной продукции в Японию. В марте 2007 г. в министерстве сельского, лесного и рыбного хозяйства была сформулирована «Стратегия гарантии прав интеллектуальной собственности». Она предусматривает помощь в создании интеллектуальной собственности, ее защиту и содействие в ее реализации²³.

Своеобразным ответом на вызовы глобализации в экономической сфере является активизация продвижения японской стороной своей сельскохозяйственной продукции на рынки других стран, в том числе развитых. За 2000–2005 гг. стоимость ее экспорта (без учета морепродуктов) выросла более чем на 30%. Эта кампания началась несколько лет назад, отражая «наступательную» аграрную политику, которую Япония провозгласила в новом Основном сельскохозяйственном законе 1999 г.

Японский экспорт сельскохозяйственной продукции растет с каждым годом. За границей пользуется популярностью такая сельскохозяйственная продукция, как яблоки, японские груши, зеленый чай, ямс (*нагаимо*), *сёю*, *мисо* и некоторые другие продукты переработки, а также цветы. Хотя японская продукция достаточно дорогая (на Тайване, например, японские яблоки стоят на 30–50% дороже, чем такие же из США), спрос на нее постоянно растет. Она славится своим высоким качеством, и в целом японская диета весьма ценится в мире как образец здоровой пищи. Видимо, не даром за рубежом, по подсчетам компании «Киккоман», в 2004 г. работало 24 тыс. ресторанов японской кухни (в том числе в Северной Америке – 10 тыс., в России – 500), а число людей, попробовавших в год хотя бы один раз японскую пищу, достигало 600 млн. человек²⁴.

Японские власти задалась целью довести стоимость экспорта продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства к 2013 г. примерно до 1 трлн. иен. С этой целью в 2003 г. JETRO создал комитет по продвижению японских продовольственных товаров в страны Азии. Министер-

²² Нихон кэйдзай симбун. 14.04.2004; Annual Report...2005, p. 26; 2006, p. 20.

²³ Annual Report... 2006, p.42.

²⁴ Ногё то кэйдзай. 2006, № 10, спец.вып., с.158.

ство сельского хозяйства призвало муниципалитеты содействовать расширению экспорта из своих сельских районов под маркой «Японский бренд». Министерство также собирается установить систему экспортных субсидий для японских фирм и региональных властей, действующих за рубежом, чтобы они смогли открыть там постоянные отделения в универмагах и классы японской кухни. В марте 2005 г. правительство приняло решение об удвоении стоимости экспорта сельскохозяйственной продукции к 2009 г. С апреля того же года для координации деятельности общественного и частного секторов при правительстве начал функционировать Всеяпонский совет форсирования экспорта продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства²⁵.

Для пропаганды своей продукции японские компании и общественные организации участвуют в сельскохозяйственных ярмарках и различных выставках. В целях продвижения правительственного проекта под названием «*Wasёку* – попробуй японскую хорошую еду» (WASHOKU-Try Japan's Good Food) выработан специальный знак качества с надписью на английском языке «Japanese Food Quality». В марте 2007 г. правительство запустило проект под названием «Предложения по программе пропаганды японских ресторанов» с целью еще больше популяризировать японскую еду²⁶.

Важную роль в условиях глобализации играет **экологическая сфера – защита окружающей среды**. Япония принимает посильное участие в сохранении окружающей среды, снижении возможностей потепления климата на планете. Принятые меры по предотвращению экологических загрязнений – одни из наиболее жестких в мире и строго соблюдаются²⁷. В 1993 г. появился новый Основной экологический закон, который закрепил имеющуюся практику по охране окружающей среды.

Что касается сельского хозяйства, то в 1970 г. был принят Закон о борьбе с загрязнением почв (в котором, в частности, были указаны технические меры борьбы с загрязнением воды и почвы промышленными отходами), а в 1984 г. вошел в силу Закон о повышении почвенного плодородия. В соответствии с этими законами проводились мероприятия по мелиорации сельскохозяйственных земель (реконструкция старых и строительство новых оросительных и дренажных систем, внутрихозяйственных дорог, перепланировка полей, насыпка грунта, проведение почвозащитных мер с целью предотвращения водной и ветровой эрозии земель, загрязнения почв и воды, создание условий для универсального использования полей). Надо, кстати,

²⁵ Annual Report...2005, p.20; Ногё то кэйдай. 2006. №10, с.15.

²⁶ Annual Report...2006, p. 5, 45, 46.

²⁷ Подробнее см.: *Тимонина И. Л.* Япония. Экономика и окружающая среда. М., 1988.

отметить, что, видимо, именно благодаря всем этим мероприятиям постепенно все меньше обрабатываемых земель выходит из оборота из-за стихийных бедствий.

Вместе с тем сельское хозяйство не только страдает от загрязнения окружающей среды отходами промышленного производства (в частности, водоемов для орошения), но и само является источником этого загрязнения. Прежде всего, речь идет о негативном влиянии химизации сельского хозяйства на близлежащие водоемы и на сами обрабатываемые земли, поскольку она нередко снижает почвенное плодородие.

Увлечение чрезмерно большими дозами химикатов и повсеместное использование машин, которые уплотняют почву, привели к ухудшению состояния окружающей среды, в том числе и атмосферы (из-за распыления химикатов с воздуха), и снижению плодородия почв и качества продукции, не говоря уже об остаточном количестве их в продуктах²⁸. Кроме того, негативно воздействуют на экологию отходы сельскохозяйственного производства и бытовые отходы (канализационное оборудование в сельской местности – канализация в домах, стоки и резервуары, очистные сооружения – распространено в незначительных масштабах, особенно в горных и лесных районах²⁹).

Для разрешения этой проблемы в стране начали снижать нормы химизации сельскохозяйственного производства (только удельное потребление минеральных удобрений снизилось примерно за 20 лет более чем на 1/4), началась разработка машин, выполняющих за один проход несколько операций. Все большее внимание начали уделять применению органических удобрений, почвенных мелиорантов, севооборотов, биологическим методам защиты растений и животных путем использования патогенных микробов, вирусов, феромонов и энтомофагов.

В 90-е годы было объявлено приоритетным решение вопроса о ведении сельского хозяйства с учетом сохранения окружающей среды. Это стало основой Новой сельскохозяйственной политики, провозглашенной в 1992 г. в соответствии с «Концепцией об устойчивом развитии сельского хозяйства», принятой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по окружающей среде и развитию³⁰. В Японии Закон о содействии внедрению принципа «устойчивого развития

²⁸ Подробнее см.: *Маркаръян С. Б.* Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М., 1987.

²⁹ В 1995 г. в среднем в 73% сельских поселений сточные воды и экскременты попадали непосредственно в дренажную систему, используемую в сельском хозяйстве, и в реки (Нихон ногё нэнкан. Токио, 1996, с.87).

³⁰ О проблемах развития данной концепции в контексте глобализации см. материалы научного семинара «Современные проблемы развития» (Мировая экономика и международные отношения. 2007, № 6, с.66–79).

сельскохозяйственного производства» вошел в силу в 1999 г. В данном случае имеется в виду такое развитие, при котором удовлетворение текущих потребностей общества (снабжение его качественными продуктами питания в необходимом количестве) не наносило бы ущерб жизни будущих поколений, иными словами, не ухудшало бы состояние окружающей среды. Речь идет о ведении сельского хозяйства с учетом поддержания гармонии с природой, т. е. о создании экологически сбалансированного производства.

На основе этого закона с 2000 г. в префектурах начали разрабатывать соответствующие «руководства» и выделять так называемые «экофермы». Была создана специальная сертификационная система на «органическую продукцию». Она признавалась таковой, если была выращена на почве, в которую минеральные удобрения и пестициды не вносились в течение двух (для многолетних растений – трех) лет. И хотя производство экологически чистой продукции без применения химии или с ее ограниченным использованием еще не приняло больших масштабов, оно постепенно расширяется. Число так называемых экоферм не достигало в 2002 г. и 30 тыс., к сентябрю 2006 г. оно выросло до 111 тыс. Это главным образом – сравнительно крупные хозяйства. Однако тех, кто применяет химикаты в ограниченном количестве, намного больше. В 2003 г. их было 30–40%³¹. Цены на экологически чистую продукцию достаточно высокие (на 10–30% выше, чем на произведенные традиционным способом), но они в большинстве хозяйств не перекрывают более высокие издержки на ее производство (более высокий уровень трудозатрат, меньшая урожайность, неустойчивое качество). В объеме всего внутреннего продовольственного рынка доля органической продукции составляет ничтожную величину – менее 1% (в 2006 г. примерно 300 млрд. иен)³².

В Новом основном сельскохозяйственном законе отмечается многофункциональное значение аграрного сектора, который является не только источником обеспечения страны продовольствием, но и способствует сохранению окружающей среды. В Японии именно технология выращивания риса на затопляемых полях, которой придерживается большинство японских производителей, положительно сказывается на экологии. Прежде всего, надо сказать, что рис – это единственная культура, которая при постоянном выращивании на затопляемых полях не ведет к оскудению почвы. Такие поля, кроме того, играют определенную роль в поддержании экологического баланса. Они предотвращают наводнения, почвенную эрозию и оползни, функционируют в

³¹ Annual Report... 2004, p.4; 2006, p.47; Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. 2004, с. 81.

³² The Nikkei Weekly. 12.08.2007.

качестве временных резервуаров, в том числе для пополнения грунтовых вод, смягчают климат.

По подсчетам министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, вклад сельскохозяйственной земли в сохранение окружающей среды лишь в два раза уступает вкладу лесных массивов³³, хотя площадь последних в пять раз больше, чем обрабатываемых угодий. Кроме того, и это не менее важно в условиях современной модернизированной Японии, рисовые поля создают красивые пригородные пейзажи, что является немаловажным фактором качества жизни. Нельзя в этой связи не согласиться с мнением бывшего министра сельского, лесного и рыбного хозяйства Ц. Хата, что «рис можно импортировать, а окружающую среду – нельзя»³⁴.

Важным направлением реализации «концепции устойчивого развития» является разработка и распространение экологически ориентированных технологий. Это, например, использование возобновляемых источников энергии (ветра, воды, солнечной энергии, геотермальных вод и др.) с целью сокращения потребления нефтепродуктов, соответственно снижения издержек производства и выбросов в атмосферу продуктов их переработки. Следуя общемировой тенденции, Япония начинает постепенно включаться в переработку биомассы, производство биотоплива и сокращение выбросов углекислого газа в атмосферу.

В соответствии с Киотским протоколом (1997 г.) Япония обязалась снизить объем выбросов углекислого газа за 2008–2012 гг. на 6% по сравнению с уровнем 1990 г. Однако, по имеющимся данным, в 2005 г. они выросли за счет обогрева теплиц на 8%. Поэтому в настоящее время стоит задача принять серьезные меры для предотвращения глобального потепления (в Японии каждые 100 лет годовая температура повышается на 1,07°C.).

Утилизация биомассы стала постепенно увеличиваться после принятия «Японской стратегии по вопросу о биомассе», сформулированной в декабре 2002 г. и в обновленной редакции – в марте 2006 г. Эта стратегия предусматривает поощрение использования биотоплива на транспорте, ускорение реализации «программы рециклирования биомассы в городах», сотрудничество с другими странами по вопросу о человеческих ресурсах.

На пути широкого использования биомассы стоит много проблем, в том числе финансовых, технологических, организационных. Но все же постепенно ее утилизация растет. В наибольшей степени используются экскременты животных, которые перерабатывают на компост

³³ Сякай мондай гэнпо. 1988, № 311, с. 11.

³⁴ Liberal Star. 10.09.1987, p. 15.

(в 2006 г. соответственно – до 95%). Несъедобные части сельскохозяйственных культур утилизируются на 30% (из них делают удобрения, корма и подстилки для скота), отходы от еды – на 20% (они идут на удобрения и корма). Немногим больше половины отходов пищевой промышленности подвергаются рециклированию для производства удобрений и кормов для скота (2005/06 фин.г.)³⁵

В настоящее время в связи с повышением цен на нефть и потеплением климата во многих странах прилагают усилия для производства и использования биотоплива – биоэтанола и биодизельного. Особенно преуспевают в этом отношении США и Бразилия, намного отстают от них Китай и Индия. Во всех этих странах приняты уже определенные меры по поддержке такого производства – пересмотрена система налогообложения и финансирования. В Японии лишь приступают к решению этой проблемы. В ноябре 2006 г. премьер-министр предложил заинтересованным министерствам и агентствам предпринять меры к значительному увеличению производства биотоплива в стране. Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства составило план по увеличению производства биотоплива на перспективу до 2030 г. Предлагается поэтапная программа: создание эффективных технологий, необходимого оборудования, проведение его испытаний, подбор наиболее производительных сельскохозяйственных культур (например, сахарного тростника) и т. п. Предполагается, что в качестве сырья для производства биотоплива будут использоваться рисовая солома, древесные опилки и сельскохозяйственные культуры, которые будут выращиваться на заброшенной сейчас земле, отходы от производства продовольствия (например, использованное растительное масло) и т. п.

Представители министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства полагают, что уже к 2011/12 фин. г. страна сможет производить до 50 тыс. кл биотоплива в год. Все это должно привести к сохранению биоразнообразия и защите экосистемы³⁶. Пока что в шести районах страны (в частности, на Хоккайдо, в районе Токати, на Окинаве, в г. Миякодзима) в настоящее время идет проверка возможностей производства и использования этанола для заправки, например, автомобилей. Власти на местах, некоммерческие организации и предприятия частного сектора также прилагают определенные усилия для использования биотоплива, но пока что их достижения весьма ограничены³⁷.

В то же время над этой проблемой в стране начали задумываться достаточно серьезно. Как источник биотоплива, кроме уже известных,

³⁵ Annual Report... 2003, p. 66; 2006, p. 27, 43.

³⁶ Annual Report... 2006, p. 4, 43, 44.

³⁷ Ногё то кэйдзай. 2006, №10, с. 208.

предлагают использовать, в частности, водоросли, которые могут быть в избытке выращены с помощью простейших приспособлений, сделанных из сетей и веревки, на мелководье Яматотай, находящемся в середине Японского моря, и рис, традиции производства которого глубоко укоренились в стране. Предполагают, что за счет водорослей Япония сможет получать 20 млн. кл биотоплива в год, что составляет третью часть спроса на бензин. Пока это только концепция, но в этом направлении проводят исследования Токийский университет морских наук и технологий и Исследовательский институт Мицубиси. В конце июня 2007 г. институт Мицубиси уже подал заявку на исследовательский грант в Организацию по развитию новых энергий и технологий. Что касается выращивания риса для этих целей, то отделение Национального сельскохозяйственного исследовательского центра в районе Хокурику уже сейчас ведет работу по созданию новых специальных линий высокоурожайного риса для посева непосредственно в грунт. Уже есть экспериментальные посадки. Выращенный таким образом рис должен стоить в десять раз дешевле, чем рис для еды³⁸.

В условиях глобализации **социокультурная сфера** любой страны все в большей степени пополняется различными элементами зарубежных культур. Япония не является исключением. Наряду с тем, что японцы быстро осваивают что-то новое, они продолжают поддерживать свои многовековые традиции. В сохранении самобытности народа важную роль играет именно деревня, поскольку здесь находятся истоки большинства традиций и именно здесь они живы. Государство, со своей стороны, прилагает определенные усилия, поддерживая движения за возрождение сельских районов и принимая различные программы, направленные на их выживание.

Серьезные изменения в деревне произошли уже в послевоенный период, после создания системы мелкотоварного производителя-собственника. Важную роль в размывании прежних социальных связей сыграли процессы урбанизации, индустриализации сельскохозяйственного производства и размещение промышленных предприятий в сельской местности.

Модернизация сельскохозяйственного производства, внедрение новых техники и технологий не только облегчили труд крестьянина и повысили его производительность, но и значительно изменили облик самой деревни. Хотя такими же красивыми остались разделенные межами изумрудные рисовые поля, в целом сельский пейзаж серьезно изменился. Повсюду видны рассадопосадочные машины, а в другие сезоны – тракторы, дождевальные установки, комбайны, сушилки,

³⁸ Nikkei Business Daily. 10.07.2007.

молотилки. Непременным атрибутом этого пейзажа являются пленочные теплицы и тоннели, силосные башни и многое, многое другое. Из-за строительства современных ирригационных сооружений исчез своеобразный колорит рисовых полей. Раньше здесь кипела жизнь, в каналах для орошения плавали пескари и гольцы, которые метали икру на рисовых полях (до того, как воду спускали, появившиеся мальки успевали вернуться в канал). По дну рва медленно передвигались улитки, по краям ползали речные раки и прыгали лягушки. Все это, столь привычное глазу, приятное сердцу и слуху японца, исчезает по мере того, как старые каналы забирают в бетон.

Постепенно сокращается число деревень, где фермеры составляют основную часть (до 80%) населения – за 1970–2000 гг. с 51% до 9,4%, и уже почти в пятой части деревень их насчитывается менее 10%³⁹. Процесс старения населения особенно заметен в деревне. Старшие возрастные слои (от 65 лет) составляют больше половины занятых в отрасли. Молодые люди после окончания школы предпочитают работать в городе, а на полях появляются лишь вечерами (если продолжают жить в деревне) или в выходные и праздничные дни, когда приезжают к родным («фермеры выходного дня»). Резко сократилось число больших семей – с девятью и более членами, а число семей, состоящих из одного-двух человек, возросло.

В последние десятилетия значительно изменился быт сельских жителей. Хотя в сельской местности (включены деревни и города с населением менее 50 тыс. жителей) социальная инфраструктура постепенно улучшается и, в частности, водопроводом оснащены свыше 93% домов, до сих пор (2005 г.) лишь немногим более половины дорог имеют твердое покрытие, а канализацией обеспечено 47% домов⁴⁰. Но в целом условия жизни здесь постепенно становятся достаточно комфортными. Калорийность питания в сельских семьях даже выше, чем в городских, но структура все же несколько иная – уровень крахмалистых веществ выше.

Техника вошла и в повседневный быт крестьянской семьи, значительно изменив образ ее жизни. Практически все семьи имеют автомобили, холодильники, стиральные машины, пылесосы, цветные телевизоры. Кондиционерами и видеоманитофонами пользуются примерно 70% семей, персональными компьютерами – около 50%. Почти 30% семей имеют пианино. Если в 1999 г. Интернетом пользовались только 6,3% семей, то в 2004 г. – уже 84%. Примерно у половины семей в

депопуляционных сельских районах имеются мобильные телефоны, в остальных районах – у 74,4%⁴¹. По данным на март 2006 г., 60% фермеров связывались с рынком с помощью персонального компьютера, более половины использовали его при производстве продукции. Через Интернет 45% хозяйств получали информацию о положении на рынке и погодных условиях, 34% – о новых технологиях, вспышках болезней и появлении вредителей, 24% – о новостях в аграрной политике, около 14% совершали через Интернет различные покупки⁴².

Влияют на образ жизни крестьянских семей и так называемые «новые фермеры», которые приходят на работу в отрасль из других сфер народного хозяйства, и «фермеры выходного дня». Наблюдается рост индивидуалистических тенденций, но многие мероприятия, как на производстве, так и в быту, проводятся здесь все еще сообща.

Хотя благодаря внедрению технических новшеств сельскохозяйственные работы сейчас могут осуществляться членами одной семьи, борьба с вредителями и болезнями растений, например, требуют согласованных действий. Все еще достаточно развита взаимопомощь во время страды. И хотя число дней, проработанных в хозяйствах друг друга, резко сократилось, расширилась практика оказания безвозмездной помощи пожилым людям, появились группы, объединяющие крепких хозяев и фермы стариков, которые выполняют лишь легкую работу.

Сохранению конформизма в деревне, ее сплоченности способствуют не только экономические факторы, но и взаимопомощь в повседневной жизни – во время свадеб, похорон, стихийных бедствий, пожаров, а также прежняя практика очередности выполнения общественных обязанностей каждой семьей, своего рода ротация во время соблюдения религиозных ритуалов, проведения праздников, уборки храмов.

Несмотря на огромные изменения, деревня продолжает сохранять многие черты прежней социальной жизни и традиций. Связи здесь по-прежнему осуществляются на уровне дворов, а не индивидуумов. На деревенских сборах, собраниях кооператива человек выступает не от себя лично, а от семьи. В местной администрации деревню представляет староста. Достаточно часто устраиваются в сельских поселениях собрания жителей: как правило, в 80% деревень не менее 5 раз в году, примерно в 10% – даже до 16 раз. Причем, если речь идет о переуплотнении производства, то собираются главным образом представители крестьян. Если же ставятся вопросы сельских дорог или ирри-

³⁹ Сёкурё ногё носон хакусё санко ткэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни). Токио, 2001, с.92.

⁴⁰ Annual Report... 2006, p.51.

⁴¹ Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas. Tokyo. FY 2004, p.7; www.maff.go/toukei/abstract/

⁴² Annual Report... 2006, p.51.

гационных сооружений, то примерно в 40% поселков в собраниях участвуют все их жители. В большинстве деревень на собрания приходят все население и тогда, когда обсуждаются вопросы, касающиеся общественного имущества, или решаются такие проблемы, как использование или улучшение предприятий быта, организация праздников, митингов и других мероприятий, а также вопросы, связанные с экологией⁴³.

Центром жизни в сельских поселениях является сельскохозяйственный кооператив, в котором состоят не только все крестьянские дворы, но и другие жители, права которых постепенно расширяются. Кооперативы обслуживают своих членов не только в области производства, но и на бытовом уровне. Они играют важную роль по сплочению жителей района, устраивая различные церемонии, туристические поездки. При них работают молодежные и женские организации, разнообразные кружки, например кулинарные или по обучению аранжировки цветов.

В деревне по-прежнему сохраняются и передаются из поколения в поколение произведения традиционного искусства, старинные сельскохозяйственные орудия, постройки, дамбы, плотины и другие ирригационные сооружения. Некоторые из перечисленных объектов зарегистрированы как «мировое наследие». Их сохранность имеет и большое историческое значение. Этим активно занимаются все жители района. Особого внимания заслуживают земледельческие обряды и праздники, связанные с высадкой рассады, мольбой о хорошем урожае, благодарностью за обильный урожай. Многие из них в соответствии с Законом об охране культурного наследия внесены в список «важных нематериальных культурных ценностей»⁴⁴.

Сохранению национальных ценностей в последние годы способствует и кампания за комплексное развитие сельских районов, возрождение традиционных ремесел и промыслов, за активизацию жизни локальных обществ. Она направлена на то, чтобы выявить все, что есть уникального, своеобразного, притягательного в каждом районе, городе, деревне, укрепить связи между городскими и сельскими жителями. Это движение активно поддерживается центральными и местными властями. В стране развернулась кампания за производство продукции местных марок – «одна деревня – один продукт». Это и продукты питания, и разного рода ремесленные поделки. Широко известны, на-

⁴³ Хэйсэй 12 нэндо сёкурё ногё носон-но доко-ни кансуру нэндзи хококу (Ежегодный доклад о положении с продовольствием, в сельском хозяйстве и в деревне за 2000/01 фин.г.). Токио, с.227–228.

⁴⁴ См.: там же, с.234.

пример грибы сиитакэ, производимые в преф.Ойта, или овощи под маркой «Кёясай» (преф.Киото⁴⁵), апельсины «Фудзи», виноград «Кё-хо», огурцы из Коти, хурма из преф.Фукуока и т. д.

Связь между городом и деревней становится все теснее. Причем это не только снабжение городов свежей продукцией, в том числе экологически чистой. Развиваются непосредственные связи между сельскохозяйственными и потребительскими кооперативами или другими организациями. Организована доставка товаров на дом или продажи с арендованных производителями прилавков в крупных супермаркетах (например, в «Такасима», «Сэйю» или «Токю»), или на фермерских рынках. Кооперативные перерабатывающие предприятия в зонах потребления поддерживают деловые отношения с пищевыми компаниями в городе и т. п.

Кроме того, значительная часть занятых в сельском хозяйстве и членов их семей живет в деревне, а работает в городе. В последние годы в деревне появились, как уже упоминалось, «новые фермеры» – бывшие городские жители, которые переехали жить в деревню и занялись сельским хозяйством. Причем это не только пенсионеры и близкие к ним по возрасту люди, которым было трудно найти работу в городе в связи с плохой конъюнктурой в 90-е годы, но и достаточно молодые люди до 40 лет. Теперь молодежь приезжает работать в отрасли, использующие высокие технологии, например, на овощефабрики, где выращивают продукцию методом гидропоники и где производство полностью компьютеризировано. Поскольку несельскохозяйственные компании получили право аренды сельскохозяйственных земель (2005 г.), эта тенденция, видимо, продолжится.

Но при всем при том деревня остается местом притяжения ее бывших обитателей и их детей. Деревня – это истоки японской цивилизации, это колыбель социальных связей, основа образа жизни, «малая родина» японцев. Когда японца спрашивают, где она находится, он называет не город, в котором родился, а сельскую местность, откуда пришли его родители или где жили предки. Достаточно упомянуть массовое паломничество жителей больших городов в сельскую местность во время таких важных для японцев праздников, как Новый год

⁴⁵ Речь идет об овощах, выращенных в пригороде древней столицы; здесь возделывают до 40 видов разных овощных культур. Культура питания в районе имеет свою древнюю историю, связанную как с духовной, очищенной пищей (*харэ*), появившейся под влиянием буддизма, так и с повседневной (*кэ*). Сейчас, в условиях гурманного бума, эти традиции возрождаются. Создаются общества любителей киотской культуры питания, имеется совет производителей таких овощей, общество их потребителей, возрождается система торговли овощами уличными торговцами.

или День поминовения усопших, когда считается, что семьи как бы воссоединяются. В этот период улицы больших городов пустеют, а в деревнях, где обычно безлюдно и очень тихо, под окнами домов стоит множество машин, играет музыка, все – и местные, и приезжие участвуют в ритуальных танцах.

Надо сказать также, что городских жителей притягивает деревня не только как малая родина, но и как частичка природы, так почитаемой японцами. Многие едут в деревню в выходные и праздничные дни, чтобы побыть на природе, подышать свежим воздухом, приобщиться к сельскохозяйственному труду, поработать в поле, почувствовать дух взаимопомощи, насладиться «духовным богатством». Именно с этой целью на природу часто вывозят школьников. И здесь уместно привести слова американского репортера Ясона Кона (Jason Cohn), живущего в Японии с конца 80-х годов: «Япония – одна из наиболее урбанизированных стран мира и ее города создали потрясающую экономику – автомобили, электронику и пр., но душа японцев все еще на рисовых полях и в рыболовецких деревнях»⁴⁶.

Немаловажную роль в укреплении связей между городом и деревней и сохранении национальной культуры постепенно начинает играть заимствованный из Европы так называемый «зеленый туризм» (green tourism). Городские жители во время отпуска или на выходные дни поселяются в сельской местности в частных домах или в специально созданных гостиницах (farm inn), живут деревенской жизнью, готовят местную пищу, учатся делать различные поделки из бамбука, ездят верхом, осуществляют пешие прогулки вдоль маленьких рек, посещают местные музеи, на практике познают, что собой представляет сельскохозяйственный труд. В отличие от Европы японцы (как правило, с детьми или с друзьями) приезжают в сельскую местность в основном на очень короткий срок на несколько дней, или даже на один день. Как правило, для них – это приобретение какого-то нового опыта, который они не могут получить в обычной, городской жизни. В Европе же люди в основном приезжают на гораздо более длительное время, и их главная цель – отдых, релаксация. Этот пример наглядно демонстрирует, как западная идея отдыха превращается в умах японских прагматиков в традиционное освоение чего-то нового.

В Японии – это сравнительно недавнее явление. Слова «*гурин цури-зуму*» появились в печати в 1992 г.⁴⁷ В 1995 г. был издан соответствующий закон, а в 1998 г. «зеленый туризм» уже присутствует в программе

⁴⁶ http://www.pbs.org/frontlineworld/rough/2005/11/japan_the_slowint.html

⁴⁷ В странах Западной Европы это туристическое направление существует с 50–60-х годов прошлого века.

реформирования аграрной политики как гражданское движение и одна из целей новой политики, направленной на укрепление связей между городом и деревней, на лучшее понимание городскими жителями проблем деревни, с одной стороны, и предоставление им возможности почувствовать всю красоту и здоровую атмосферу сельской местности – с другой. Для сельских же районов туризм, как и везде, приносит экономические выгоды, является одним из путей диверсификации экономики сельских районов.

Ряд муниципалитетов разработали у себя программу «Учебная ферма», которая призвана рассказывать жителям о пользе национальной пищи и об основах сельскохозяйственного труда. А в г. Судзака (преф. Нагано) создан филиал сельскохозяйственной начальной школы: дважды в месяц ученики по субботам заняты какой-нибудь сельскохозяйственной работой в зависимости от сезона и на собственном опыте получают знания, что собой представляет традиционная культура и традиционная пища, а также приобретают опыт общения в работе со старшим поколением, что укрепляет связи в местной общине⁴⁸.

Таким образом, Япония, будучи высокоразвитой страной, естественно вовлечена в орбиту глобализации и в своей политике действует в соответствии с требованиями современности, идет в ногу со временем. Однако в новых условиях она старается, как и другие страны, по мере возможности учитывать свои национальные интересы, в том числе прилагать усилия для сохранения своей идентичности. Принимая во внимание низкий уровень конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства, Япония упорно добивается отсрочки принятия в международных организациях негативных для этой отрасли решений. И это будет продолжаться до того времени, когда она сможет в какой-то мере противостоять натиску своих внешнеторговых партнеров и сохранить «малую родину» японцев.

⁴⁸ Annual Report...2006, p.23.

Специально для проекта

Симотомаи Нобуо

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПРОБЛЕМА «СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»

В настоящей статье рассматривается история «проблемы северных территорий» (далее – ПСТ) в контексте холодной войны в Азии. Особое внимание уделяется причинам, по которым данный вопрос не был решен.

История возникновения проблемы хорошо известна. Япония приняла условия Потсдамской декларации и сдалась союзникам в августе 1945 г. Декларация ограничивала суверенитет Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и меньшими островами, которые определены союзниками. Проблема заключалась в том, чтобы, исходя из новых политических реалий, провести государственную границу между Японией и Советским Союзом, а также закрепить ее в мирном договоре.

Однако союзники по коалиции уже начали втягиваться в холодную войну, и первые столкновения между США и СССР произошли в Восточной Азии вокруг Кореи и Японии. Таким образом, международное урегулирование японского вопроса оказалось затруднено, и не было доведено до конца. Согласно 2-й статье Мирного договора, заключенного 8 сентября 1951 г., Япония отказывалась от всех прав, титула и претензий на Курильские острова и Южный Сахалин, однако в договоре не указывалось, в чью пользу был осуществлен этот отказ. Советский Союз принял участие в Мирной конференции, но от подписания договора отказался. В ходе конференции бывший в то время премьер-министром Ёсида Сигэру подчеркнул, что Российская Империя признавала Кунашир и Итуруп японской территорией, а острова Шикотан и Хабомаи являлись частью Хоккайдо и соответственно – Японии¹. С тех пор прошло более 50 лет, однако мирный договор между Россией и Японией до сих пор не заключен.

¹ Сан-Франциско кайги гидзироку (Стенограмма конференции в Сан-Франциско). МИД Японии. Токио, 1951, с. 302–303.

Естественно, стороны неоднократно предпринимали попытки договориться. Помимо прочего, премьер-министр Хатояма Итиро вел переговоры с генеральным секретарем ЦК КПСС Н. Хрущевым в 1955–1956 гг. Однако прийти к согласию по вопросу Мирного договора они так и не смогли, ограничившись подписанием Совместной декларации, по которой два меньших острова, гряда Хабомаи и Шикотан, должны были перейти к Японии вместе с подписанием Мирного договора. В 1960 г. Советский Союз в одностороннем порядке отказался от Совместной декларации, после того как Япония подписала новый Договор безопасности с США.

С тех пор комплекс Курильских островов стал предметом спора между двумя столицами, при этом японская сторона настаивала на том, что «северные территории» не являлись частью уступленных Курильских островов. ПСТ в целом воспринимается в Японии, как «проблема четырех островов», в соответствии с Токийской декларацией, подписанной президентом Борисом Ельциным и премьер-министром Хосокава Морихиро в октябре 1993 г.

ПСТ стала объектом серьезных исследований многих ученых². Однако большинство из них сосредоточились на рассмотрении двусторонних отношений Японии и СССР (с 1991 г. – Российской Федерации), в то время как позициям США и Великобритании, которые являлись основными инициаторами Сан-Францисского мирного договора, в лучшем случае уделялось совсем немного внимания. Таким образом, ПСТ до сих пор воспринимается как предмет двустороннего геополитического диалога.

Холодная война, безусловно, не сбрасывается со счетов и продолжает играть важную роль, однако считается периферийным фактором, который воспринимается большинством аналитиков, как идеологическое и геополитическое противостояние между США и СССР, центром которого была Европа, в то время как Азия занимала второстепенное место. ПСТ не обязана своим появлением холодной войне, но в значительной степени испытала на себе ее влияние и во многом определялась ее событиями. Без понимания сути холодной войны в Азии и ее последствий для ПСТ нельзя понять происхождение, эволюцию и возможное решение указанной проблемы.

² Кимура Хирочи. Далекие соседи: Японо-российские отношения при Брежневе и Андропове. – Японо-российские отношения при Горбачеве и Ельцине (Далекие соседи). М., 2001; Вада Харуки. Хоппо рёдо мондай (Проблема северных территорий). Токио, 1999; Хасэгава Цуёси. Хоппо рёдо мондай то нитиро канкэй (Проблема северных территорий и японо-российские отношения). Токио, 2000; Ивасита Акихиро. Хоппо рёдо – 4 демо 0 демо 2 демо нау (ни 4, ни 0, ни 2). Токио, 2005.

Холодной войне в Азии присущи специфические черты. В отличие от Европы, где после возникновения НАТО в 1949 г. и Варшавского блока в 1956 г. сложилась биполярная система, Азия прошла через ряд резких трансформаций, в рамках которых имели место национально-освободительные движения, деколонизация, гражданские войны и даже революции, а их апогеем стало создание Китайской Народной Республики (КНР) в октябре 1949 г. и вторжение коммунистической Северной Кореи в Южную в июне 1950 г. Корейская война стала поводом, по которому Япония не подписала Мирный договор со всеми заинтересованными сторонами.

Сан-Францисский мирный договор оставил нерешенными территориальные споры между Китаем, СССР и обеими Кореями. Завершение Корейской войны и новая доктрина «мирного сосуществования» Хрущева способствовали смягчению азиатского политического климата. Тем не менее, на смену активным боевым действиям пришла настоящая холодная война, как внутри самих государств, так и на международном уровне. В Японии внутренняя холодная война была не менее жесткой, чем в других странах, этот вопрос расколол новую Либерально-демократическую партию (ЛДП) и министерство иностранных дел. В Москве, как это будет показано ниже, мнения также разделились, хотя и в меньшей степени. Таким образом, согласование мирного договора с СССР было прекращено, и он до сих пор не заключен.

Происхождение ПСТ в послевоенной Азии

Как принято считать, ПСТ берет свое начало с Ялтинской конференции союзников в январе-феврале 1945 г., и последующей военной оккупации Курильских островов Советами, когда Рузвельт и Черчилль пошли на уступки Сталину в обмен на вступление СССР в войну против Японии. Однако более тщательное исследование показывает, что данная проблема на самом деле является гораздо более сложным и глубоким вопросом, который появился на свет еще до того, как сложилась коалиция США–Великобритания–СССР, беря свое начало с довоенных геополитических игр Москвы и Токио 1939–1941 гг. Начало того периода ознаменовалось заменой министра иностранных дел СССР М. Литвинова на В. Молотова, чье геополитическое мышление хорошо иллюстрирует пакт Молотова–Риббентропа, заключенный в августе 1939 г.

Именно Молотов поднял вопрос о Курильских островах в 1940 г., намекнув на их возможную передачу Советскому Союзу в ходе переговоров с Японией по Пакту о ненападении, которые впоследствии

были свернуты³. В своих комментариях к японской редакции этого документа, он привязал заключение Пакта о ненападении к «возврату ранее утраченных территорий Южного Сахалина и Курил»⁴. Замечание Молотова показывает, что он не знал или предпочел забыть о том, что «северные территории» никогда не принадлежали России. Такое предложение, естественно, было отвергнуто Японией, и вместо этого в апреле 1941 г. был подписан Пакт о нейтралитете. Курилы превратились в латентную проблему во взаимоотношениях Токио и Москвы.

Советская внешняя политика была основана не только на идеологии, но и на геополитическом мышлении, которое исповедовал не только «несгибаемый» Молотов, но также такие «прозападные» дипломаты, как заместители министра иностранных дел И. Лозовский и И. Майский. В декабре 1941 г., сразу после нападения на Пёрл-Харбор, Лозовский отметил возможность пересмотра всей советской границы после победы над странами оси. Он особенно подчеркнул, что СССР не должен допустить возникновения после войны такой ситуации, в которой «японские военные суда отрежут нам выход в Тихий океан», упомянув, в частности, о Курильских проливах⁵. В январе 1944 г., заместитель министра Майский выступил с докладом «О предпочтительном будущем мироустройстве», который в основном был посвящен Европе, а Азия упоминалась в нем лишь мимоходом. В докладе Советскому Союзу рекомендовалось воздержаться от участия в войне с Японией, однако в нем содержались настоячивые призывы «вернуть» Южный Сахалин (отторгнутый у России в 1905 г.) и «передать нам» Курильские острова (уступленные Японии по Договору 1875 г.)⁶. Таким образом, «ялтинское решение» вынашивалось в Москве еще за год до проведения соответствующей конференции.

Японская сторона также занималась геополитическими расчетами. Столкнувшись с поражением Германии, японское руководство прибегло к посредничеству Советского Союза. Пакт о нейтралитете все еще действовал до апреля 1946 г., хотя Молотов и предупредил посла Японии Сато 5 апреля 1945 г. о том, что пакт не будет продлен⁷.

³ Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994, с. 54. Агентов описывает этот подход, как «щичинный торг с классовыми врагами».

⁴ Тихвинский С. Л. Век стремительных перемен. М., 2005, с. 269.

⁵ Идея Лозовского была озвучена Сталину и Молотову перед приездом министра иностранных дел Великобритании Идена. К началу 1942 г. советское Политбюро создало две комиссии для работы над мирным договором и конфигурацией послевоенного мироустройства (Документы русской истории. 1995, № 4, с. 114–115).

⁶ Там же, с. 125, 133; Советский фактор в Восточной Европе в 1944–1953. Т. 1, 1944–1948. Документы, М., 1999, с. 20, 35.

⁷ Славинский Б. Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995, с. 304.

Японские власти были готовы уступить «Северные Курилы», желая, чтобы Сталин пошел им навстречу⁸. Однако этот маневр оказался тщетным. Советский Союз объявил Японии войну в соответствии с Ялтинским соглашением.

Противоречия во взглядах на оккупацию Японии заметны уже по директиве № 1 президента Трумэна от 15 августа, согласно которой США должны были оккупировать основную часть Японии, а Советский Союз – только Южный Сахалин; Курильские острова в ней даже не упоминались. На следующий день Сталин захотел получить оккупационную зону на Северном Хоккайдо и натолкнулся на твердый отказ. Таким образом, между бывшими союзниками начались конфликты по вопросам оккупации Японии, особенно – Курильских островов. Современный российский историк также считает, что конфликты между бывшими союзниками по поводу Японии и Китая берут свое начало в тот период⁹. К октябрю 1945 г. Сталин стал занимать враждебную позицию в отношении Соединенных Штатов по таким вопросам, как контроль над Японией и Кореей. Встреча трех министров иностранных дел в Москве в декабре 1945 г. ознаменовалась переходом от союзнических отношений к конфронтации.

Корейская война, Сан-Францисский договор и ПСТ

Заключение Мирного договора с Японией проходило в сентябре 1951 г. в Сан-Франциско в атмосфере растущего напряжения холодной войны и боевых действий в Корее. Советский Союз направил делегацию в Сан-Франциско, однако от подписания договора, как уже говорилось, отказался – в основном по причине того, что на конференцию не были приглашены представители Китайской Народной Республики¹⁰. В условиях ухудшения военной обстановки, Коммунистическая партия Японии также обратилась к Советскому Союзу с просьбой не подписывать договор¹¹.

Некоторые особенности договора также связаны с позицией государств Восточного блока, отрицательно относившихся к нему. Во 2-й статье, например, Япония отказалась от прав на шесть территорий, включая Курильские острова, однако не указывалось, в пользу каких государств осуществлялся отказ. Этот вопрос изучался профессором

⁸ 20 сэйки-но нака-но Адзия Тайхэйё сэнсо (Азиатско-Тихоокеанская война XX в.) Т. 8, 2006, с. 70; *Хасэгава Цуёси*. Хоппо рёдо мондай то нитиро канкэй (Проблема северных территорий и японо-российские отношения). Токио, 2000, с. 42.

⁹ Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. 2, М., 2002, с. 333.

¹⁰ *Капица М.* На разных параллелях. М., 1996, с. 125.

¹¹ *Симотомай Нобуо*. Адзия рэйсэнси (История холодной войны в Азии). Токио, 2004.

Хара Кимизэ и другими исследователями¹². Некоторые видят в этом «ловушку», расставленную основным автором договора и архитектором конференции Джоном Фостером Даллесом с целью продлить зависимость безопасности Японии от США путем сохранения ее разногласий с соседями, особенно с Советским Союзом.

Мнения по тайваньскому вопросу также разделились, поскольку Великобритания признавала коммунистическое правительство Китая, а США поддерживали гоминдановское правительство Чан Кайши. В результате начала Корейской войны 25 июня 1950 г. Япония в глазах США быстро превратилась из побежденного врага в важного регионального союзника. Договоренности, достигнутые на конференции в Сан-Франциско, включая Договор безопасности, были достаточно благоприятны для Японии в экономическом отношении, чтобы она могла сосредоточиться на восстановлении своей экономики. Тем временем, Сталин увяз в Корейской войне, которая продолжалась вплоть до его смерти в марте 1953 г.

Переговоры в условиях биполярности (1955–1972 гг.)

В период холодной войны ПСТ стала частью острого соперничества, игры с «нулевой суммой». Тем не менее, был предпринят ряд попыток урегулирования данного вопроса. С исторической точки зрения, наступившая после смерти Сталина разрядка открыла возможность изменения позиции, особенно для советского руководства.

Руководители, которые пришли на смену Сталину, в основном Хрущев, исповедовали другой подход к внешнему миру. Существовали ожидания того, что и Восточная Азия окажется под влиянием хрущевской политики «мирного сосуществования». Эта политика пришла на смену вере Сталина в неизбежность войны между коммунистическим и капиталистическим мирами.

Биполярность также породила внутренние разногласия во взглядах на отношения с СССР, что было особенно заметно в Японии, где в декабре 1955 г. в Либерально-демократической партии (ЛДП) сформировалась фракция под руководством С. Ёсида, которая противилась новому подходу фракции Хатояма–Коно к урегулированию отношений с СССР.

В октябре 1954 г. Хрущев посетил Пекин с целью обсудить с Мао Цзэдуном новую политику «мирного сосуществования» в Азии, и они

¹² *Хара Кимизэ*. Санфурансисуко хэйва дзёяку-но мотэн: Адзия Тайхэйё тики но рэйсэн то «сэнго микайкэцу-но сёмондай» (Белые пятна Сан-Францисского мирного договора: холодная война в Азиатско-тихоокеанском регионе и «нерешенные проблемы второй мировой войны»). Токио, 2005.

опубликовали совместную декларацию, в которой оба продемонстрировали намерение нормализовать отношения с Японией.

В январе 1955 г. малоизвестный советский чиновник А. Домницкий лично встретился с премьер-министром И. Хатояма. Вслед за этим событием азиатские социалистические государства хором заявили о стремлении к нормализации отношений с Японией. Даже министр иностранных дел КНДР Нам Ир, советский кореец по происхождению, выразил подобное намерение в своем заявлении от 25 февраля 1955 г.¹³

Профессор Танака Такахико и другие ученые тщательно запротоколировали процесс переговоров. Он также описывается в мемуарах посла Мацумото Сюнъити и журналиста Кубота Масааки¹⁴. Хрущев впервые намекнул на возможность возвращения Японии небольших островов Хабомаи и Шикотан в августе 1955 г. На переговорах, которые проходили в Лондоне¹⁵, позиция Японии была достаточно гибкой. Сам Мацумото склонялся к заключению мирного договора на указанных выше условиях. Однако за этим последовала цепная реакция внутри японской элиты, и Токио начал повышать планку, что представляло собой обычное явление внутренней политики периода холодной войны.

Термин «проблема северных территорий», который до этого несколько лет пребывал в забвении, неожиданно вновь вернулся в оборот. Руководитель договорного департамента министерства иностранных дел Японии Симода Такэдзо использовал его в своем выступлении в парламенте 10 марта 1956 г.¹⁶ На фоне усилившегося внутривластного давления бывший в то время министром иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору стремился взять переговорный процесс под свой контроль. Он начал новый раунд обсуждения в 1956 г., потребовав от Москвы решения вопроса на основе возвращения всех четырех островов. Столкнувшись с жестким сопротивлением советских властей, Сигэмицу изменил позицию и в августе 1956 г. уже склонялся к заключению мирного договора на условиях возврата только Хабомаи и Шикотана. Однако японский кабинет министров отверг его предложение.

Тут в дело вмешалась логика холодной войны. 7 сентября 1956 г. Даллес сообщил Сигэмицу о том, что если Япония пойдет на подпи-

¹³ *Симотомаи Нобуо*. Мосукува то Ким Ниссэй (Москва и Ким Ир Сен). Токио, 2006, с. 159.

¹⁴ *Танака Такахико*. Ниссо кокко кайфуку но ситэки кэнкю (Историческое исследование восстановления японо-советских государственных отношений). Токио, 1995.

¹⁵ *Кубота Масаки*. Курэмуруин-э-но сисэцу – хоппо рёдо косё 1955–1983 (Переговоры о проблеме северных территорий 1955–1983 – послание в Кремль). Токио, 1983, с. 32–34.

¹⁶ Симода Такэдзо сыграл, возможно, ключевую роль в формулировании термина ПСТ под руководством Сигэмицу. Впоследствии он занимал должности министра иностранных дел, посла Японии в США и судьи Верховного суда.

сание мирного договора с СССР на условиях возврата ей лишь двух островов, то США могут не вернуть Японии Окинаву¹⁷.

Согласно рассекреченному документу КПСС о политике в отношении Японии, за неделю до визита премьер-министра Хатояма в октябре 1956 г. министерство иностранных дел СССР сообщило, что группа членов парламента во главе с Х. Икэда сопротивляется попыткам сближения с Москвой. И это несмотря на то, что некоторые круги, включая предпринимательские круги района Кансай, благоприятно относятся к улучшению отношений с коммунистическим блоком¹⁸. Холодная война и игра с «нулевой суммой» достигли своего апогея, и Хатояма решил ехать в Москву, чтобы подписать только Совместную декларацию. Об этом свидетельствует ряд документов, опубликованных как в Японии, так и в России. Помимо прочего, часть документов, посвященных переговорам октября 1956 г., была опубликована в Москве в 1996 г. Существует различие между российской версией, где отсутствует фраза «включая территориальный вопрос» после слов «переговоры по мирному договору», в то время как упомянутая фраза содержится в японской версии документа, которая была опубликована в марте 2005 г. Т. Исикава, бывшим секретарем Коно Итиро, из его личного архива¹⁹. Существовала заметная разница во мнениях между премьер-министром Булганиным и министром иностранных дел А. Громыко, которые включили в текст указанную формулировку, с одной стороны, и Хрущевым, настаивавшим на ее исключении – с другой.

Действительно, разногласия мнений внутри советской элиты была слишком очевидной. В своих мемуарах Хрущев критикует Сталина за «неспособность» заключить мирный договор. Громыко также критикует Молотова на пленуме ЦК КПСС 1957 г. за препятствование сближению позиций с Японией²⁰. Возможно, реформаторские намерения Хрущева натолкнулись на скрытое сопротивление номенклатурной элиты. Один из переговорщиков тех лет, академик С. Тихвинский до

¹⁷ *Танака Такахико*. Ниссо кокко кайфуку но ситэки кэнкю, с. 266. В то время власти Великобритании поддерживали позицию Советского Союза, однако не вмешивались.

¹⁸ Российский государственный архив Российской Федерации. Ф. 5, оп. 28, д. 414, с. 91–216. Доклад членам Президиума ЦК КПСС, подготовленный департаментом информации министерства иностранных дел, 8 октября 1956.

¹⁹ Первоначально подготовленный официальным японским переводчиком Ногутти для Коно Итиро. – Асахи симбун, 15. 03. 2005.

²⁰ *Молотов, Маленков, Каганович*. 1957, стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998, с. 231. Молотов опроверг это заявление. Представители министерства иностранных дел в ЦК КПСС, включая послов СССР в КНР (Юдин) и КНДР (Пузанов) заявили, что «классовые враги, какими являются Молотов, Каганович и Маленков» были против примирения с Германией и Японией (с. 595), хотя Маленков казался реформистом.

сих пор критикует «волонтаризм» Хрущева²¹. Я склонен относить различия во мнениях к тому, что в октябре 1956 г. Хрущев столкнулся с последствиями своей кампании по развенчиванию культа личности Сталина в виде массовых беспорядков в Польше и Венгрии, а также северокорейского кризиса, возникшего из-за стиля руководства и культа личности Ким Ир Сена. В. Ковыженко, заведующий в то время японским сектором международного отдела КПСС, также был занят отслеживанием ситуации в Северной Корее²².

Отсутствие упомянутых выше лиц на церемонии подписания Совместной декларации 19 октября дало Японии возможность сыграть на различиях мнений между Хрущевым и Булганиным-Громыко²³. Посол Мацумото заручился согласием Булганина, чтобы одновременно с Декларацией опубликовать письмо Громыко-Мацумото, где содержалась формулировка «мирные переговоры, включая территориальный вопрос (курсив наш. – Н. С.)».²⁴

В 1960 г. премьер-министр Киси Нобусукэ взял курс на сближение с США на основе пересмотренного Договора безопасности. Тогда СССР в одностороннем порядке отказался от Совместной декларации, тем самым еще больше отдалившись от Японии.

Под руководством проамериканского правительства Икэда в 1961 г. была сформулирована новая концепция, суть которой сводилась к тому, что спорные острова не являлись частью Курильской гряды. Иными словами, из дипломатического решения ПСТ превратилась в инструмент пропаганды для провоцирования антисоветских настроений среди японского народа²⁵.

Переговоры по ПСТ в период «разрядки»

Лишь коренные сдвиги в конфигурации на мировой арене могли изменить «соотношение сил» между Токио и Москвой. К 70-м годам биполярная система, сложившаяся во время холодной войны, по мере

²¹ Тихвинский С. Л. Дипломатия: исследования и воспоминания. М., 2001, с.155. Тихвинский был визави Мацумото в Лондоне. Он охарактеризовал новый курс Хрущева на лондонских переговорах, как «волонтаризм». Однако он несколько изменил свою точку зрения в 2006 г., когда раскритиковал Хрущева не за то, что тот не поднял вопроса о двух меньших островах, а за то, что он в 1960 г. денонсировал Декларацию 1956 г. (интервью в Киодо цусин и др., 18 октября 2006). Очевидно, изменение позиции было обусловлено новой политикой президента Путина.

²² Симотомай Нобуо. Мосукува то Ким Ниссэй; *Lankov A. From Stalin to Kim Il Sung*. Rutgers, 2002, p.154–193.

²³ *Shimotomai Nobuo. Moscow under Stalinist rule (1931–1934)*. MacMillan, 1991.

²⁴ *Танака Такахико*. Ниссо кокко кайфуку но сигэки кэнкю, с. 302; *Мацумото Сюнъити*. Мосукува-ни каэру хаши (Мост ведущий в Москву). Токио, 1966, с. 150.

²⁵ *Вада Харуки*. Хоппо рёдо мондай, с. 275.

экономического подъема Японии и Европейского сообщества начала все больше приобретать многосторонний характер. В азиатском контексте она проявила новый динамизм, когда «разрядка» в отношениях США и Китая в 1972 г. перевела холодную войну в Азии в новое измерение. Такой сдвиг привел всю советскую элиту в шоковое состояние, и она приступила к переоценке своих отношений с Японией. Повышение статуса Китая и последовавшее за этим его соперничество с СССР открыли еще раз окно возможностей для нового подхода к ПСТ.

Москва стремилась противопоставить американо-китайскому сближению свое признание Японии в качестве новой экономической державы. Профессор С. Василюк полагает, что Япония и СССР имели общие интересы – Китай и нефть²⁶. Кроме этого, после «нефтяного шока» Японии были крайне необходимы энергетические ресурсы Сибири. Москва и Токио провели серию переговоров, которые начались с визита Громыко в Токио в январе 1972 г., за месяц до поездки Никсона в Китай. Кульминацией переговоров стал визит премьер-министра Танака Какуэй в Москву в октябре 1973 г.

Во время своего визита Громыко не только улыбался, но и не стал вести себя в обычной манере советского руководства, которое относилось к ПСТ как к «решенной проблеме». Во время переговоров с премьер-министром Сато Эйсаку 27 января он намекнул на возможный возврат к «формуле 1956 г.». Если верить мемуарам М. Капицы, премьер Э. Сато ничего не ответил на это, однако в свою очередь намекнул на возможность помощи Японии в проекте строительства трубопровода от Иркутска до Находки.

Китайский премьер-министр Чжоу Эньлай также поддержал «справедливое» требование Японии вернуть «северные территории», и Китай продолжал придерживаться этой линии на протяжении 70-х годов. Москва не смогла предотвратить нормализацию отношений между Японией и Китаем в октябре 1972 г., но советские дипломаты видели, что Япония не желала продвигаться дальше в этом вопросе. Министр иностранных дел Охира Масаёси в ходе своего визита в Москву в октябре 1973 г. дал понять, что Япония и Китай не ведут секретных переговоров, а их отношения не оказывают влияния на связи между СССР и Китаем.

Апогей «разрядки» в отношениях между СССР и Японией наступил, когда Генеральный секретарь Леонид Брежнев и премьер-министр Танака подтвердили, что «после окончания войны остались нерешен-

²⁶ *Василюк С.* Энергетическая политика в японо-советских/российских отношениях: от сотрудничества в 1970-х к осторожным договоренностям в 1990-х. Диссертация, представленная на рассмотрение в университете Хосэй. 28 сентября 2005.

ные вопросы». По утверждению Капицы, они договорились продолжить работу, чтобы заключить Мирный договор в 1974 г. Однако из этого ничего не вышло, и впоследствии недопонимание даже усилилось: Танака настаивал, что «нерешенная проблема» охватывает четыре острова, а Брежнев и его окружение придерживались противоположного мнения.

В 1974 г. Танака был вынужден уйти в отставку в связи со скандалом вокруг компании «Локхид», и его сменил Мики Такэо, который также стремился найти решение ПСТ. Однако его правительство оказалось слабым и разобщенным. В декабре 1976 г. новым премьером стал Фукуда Такэо.

Новый курс Фукуда получил название «многостороннего», что означало отсутствие ориентации на четко определенные силы. Он стремился использовать экономические рычаги для достижения внешнеполитических целей. Китай и АСЕАН, а также СССР были «естественными мишенями» его усилий. Несмотря на расширение экономического сотрудничества, политические отношения топтались на месте. К 1978 г. китайско-советские отношения были настолько испорчены, что Китай настаивал на включении в свой договор с Японией условия о противодействии гегемонии (которое было направлено против Советского Союза). СССР, в свою очередь, вместо мирного договора предлагал заключить Договор о дружбе и сотрудничестве.

Япония склонялась к подписанию договора с динамичным и реформаторским Китаем, а не с геронтократичным и стагнирующим СССР. Японских бизнесменов в большей степени интересовал китайский, а не советский рынок, а их экономические успехи сократили потребность в поставках советских энергоресурсов. Таким образом, даже столь небольшой шанс для урегулирования был упущен, и осторожный оптимизм начала 70-х годов к концу десятилетия сменился пессимизмом. Советское вторжение в Афганистан в 1979 г. окончательно испортило советско-японские отношения.

Начиная с 1981 г., в Японии стали отмечать 7 февраля (день подписания Симодского договора 1855 г.) как «День северных территорий», напоминая японцам о русской оккупации. Это еще дальше отодвинуло решение вопроса.

Перестройка и распад СССР

Новый шанс на улучшение советско-японских отношений преподнесла перестройка 1985–1991 гг. Ее инициатор, Михаил Горбачев, пользовался у японцев большей популярностью, чем у своих собственных соотечественников. Взаимовосприятие изменилось коренным

образом. Отношения с Советским Союзом стали широко и открыто обсуждаться в Японии. Тем не менее, обе стороны так и не смогли договориться об урегулировании «нерешенного вопроса»²⁷.

До 80-х годов советские лидеры воспринимали территориальный вопрос как часть отдельных геополитических игр, в которые могли играть только Генеральный секретарь и его советники. В период холодной войны «территориальный вопрос» мог быть решен относительно легко при условии принятия решения со стороны Генерального секретаря, поскольку внутривластическое сопротивление было маловероятным. Однако к 1991 г. стало казаться, что даже самому популярному и могущественному руководителю страны было не под силу решить этот вопрос. С одной стороны, перестройка предоставила беспрецедентный шанс, но, с другой – ограничила возможности его реализации²⁸.

На первом этапе, в 1985–1988 гг., начало перестройки сильно повлияло на японо-советские отношения, однако за этим последовало молчание с обеих сторон. На второй стадии, в 1989–1991 гг., обе стороны возлагали большие надежды на готовившийся первый официальный визит Президента СССР Михаила Горбачева в Японию, но на самом деле Горбачеву было уже слишком поздно вплотную ввязываться в решение этого вопроса.

Период «стагнации» советско-японских отношений оставил тяжелое наследство обоим государствам. После визита Танака в 1973 г., на протяжении почти 25 лет Москву не посетил ни один из ведущих японских руководителей, которые могли принимать решения. Лишь в 1998 г. в Россию приехал с официальным визитом премьер-министр Обути Кэйдзо. В период с 1985 по 1991 г. единственным председателем правительства Японии, у которого были хоть какие-нибудь понимание и опыт контактов с Советским Союзом, был Накасонэ Ясухиро.

При Уно Сосукэ, который занимал пост министра иностранных дел в правительстве Такэсита Нобору, в японском МИДе родилась новая концепция «продленного равновесия».

Министры иностранных дел Японии не имели большого влияния на внешнюю политику страны по причине своего, как правило, недолгого пребывания на этом посту. Все важные решения фактически готовились и принимались аппаратом МИДа. Влияние Абэ Синтаро после того, как он покинул пост министра иностранных дел, даже воз-

²⁷ Панов А. От недоверия к доверию (японское издание). Саймару, 1992, с.16; Эдамурэ Сумио. Тэйкоку хокай дзэнго (До и после распада империи). Токио, 1997.

²⁸ Rozman G. The Japanese Response to Gorbachev's Challenge. Princeton, 1992.

росло и продолжало оставаться таковым вплоть до тех пор, пока болезнь не ограничила его возможности²⁹.

Первоначальной реакцией на Горбачева, как на нового советского лидера, было безразличие. Приезд премьер-министра Накасонэ в марте 1985 г. на похороны предшественника Горбачева Константина Черненко был исключением. В ходе визита министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе в Токио в январе 1986 г. наметились некоторые изменения. В тот период Горбачев внес несколько существенных коррективов во внутреннюю и внешнюю политику и произнес свою историческую речь во Владивостоке в июле 1986 г. За кулисами Шеварднадзе смело предлагал «вернуться к 1956 г.», признав тем самым существование территориального вопроса и возможность возвращения Хабомаи и Шикотана. Однако Громыко раскритиковал позицию Шеварднадзе, и Горбачев также ее не поддержал.

В 1987 г. пропасть, разделяющая два государства, стала еще шире. Готовившийся приезд Горбачева в Японию был отложен, и даже визиты министра иностранных дел СССР стали редкими событиями. В результате японский МИД начал исповедовать подход «подождем и посмотрим». Бывший сотрудник японского МИДа Того Кадзухико в своей недавней работе ссылается на противодействие некоторых сил, сопротивлявшихся расширению японо-советских отношений³⁰.

В 1989–1991 гг. в обеих странах начался новый этап. Несмотря на то, что на высшем уровне отношения зашли в тупик, инициатива стала исходить из научных кругов, что представляло собой новое явление в советской политике. В июне-июле 1988 г. ряд ученых выступили с новыми идеями и свежими взглядами на двусторонние отношения. К 1990 г. их позиция приобрела более обнадеживающий характер, ими были сформулированы арифметические теории от «двух плюс альфа» (Г. Кунадзе) до трех (В. Зайцев) и, в конечном счете, четырех островов (А. Загорский).

Поражает рост числа исследователей в обеих странах, которые стали дополнять ведущую роль внешнеполитических ведомств, хотя и не могли подменить ее. Концепции и формулировки также изменились. К концу 1989 г. обе стороны продвинулись в сторону достижения позитивного результата. Это было отложенной реакцией на радикальный сдвиг в восприятии на Западе и падение коммунистических режимов в государствах Восточной Европы, ознаменовавшее собой начало завершения холодной войны.

²⁹ Goodby J., Ivanov V. and Shimotomai N. «Northern Territories» and Beyond. Praeger, 1995, p. 83–91.

³⁰ Того Кадзухико. Нитиро канкэй то хэйва дзэяку косэ (Японо-российские отношения переговоров о мирном договоре). Рукопись.

С подачи Шеварднадзе, который в январе 1989 г. предложил Генеральному секретарю ЛДП С. Абэ контакты на уровне партий, со стороны Японии в игру вступила правящая партия в лице ЛДП. Новой политикой Абэ стало понижение роли «территориального вопроса» и расширение масштаба советско-японских отношений. В ходе своего разговора с Горбачевым в январе 1990 г. Абэ даже не упомянул слова «территориальный вопрос» и предложил решать «проблемы, вызывающие головную боль, с мудростью», что получило высокую оценку со стороны Горбачева.

Такое разнообразие действующих лиц в японской политике совпало с появлением новых политических деятелей в Советском Союзе. Борис Ельцин, возглавивший радикальную оппозицию в Верховном Совете, посетил Японию в январе 1990 г. и предложил «пятиэтапное решение». Хотя это предложение и воспринималось как тактический маневр, по сути, оно стало манифестом новых политических сил, которые быстро набирали силу и к началу 1991 г. стали представлять реальную угрозу Горбачеву и советскому руководству.

Несмотря на неожиданную кончину Абэ, его преемник на посту генерального секретаря ЛДП Одзава Итиро, унаследовал его подход к отношению с Советским Союзом. В апреле 1990 г. его наставник, Канэмару Син, осмелился вести речь о возврате только двух островов. Одзава увязал территориальный вопрос с другими пунктами, такими, как экономическое сотрудничество. Его идея не была наивной, как ее позднее охарактеризовали критики, которые назвали это «экономическим способом купить острова»³¹. В целом, данный план заключался в «экономическом сотрудничестве с Японией в ответ на политические инициативы советской стороны». Такой подход нашел прямое отражение в программе экономических реформ «500 дней» академика Шаталина, опубликованной летом 1990 г. К середине 1990 г. обе стороны начали выражать осторожный оптимизм.

Тем временем холодная война в Азии стала сходиться на нет. Об этом свидетельствовало не только потепление в отношениях между Пекином и Москвой, но даже в большей степени признание СССР Южной Кореи после Олимпиады в Сеуле в 1988 г., которое помогло существенно ослабить напряженность на Корейском полуострове³².

Однако к осени 1990 г. политический климат в Москве вновь изменился. Горбачев утратил свое влияние. Эпоха КПСС закончилась,

³¹ Горбачев М. Жизнь и реформы. М., Кн. 2, 1995, с. 264; Козырев А. Преображение, с. 295.

³² КНДР была недовольна взаимным признанием Южной Кореи и СССР и два года спустя Пекином. Ким Ён Нам, министр иностранных дел КНДР, в ответ на стремление Шеварднадзе признать Южную Корею, намекнул на возможную поддержку КНДР Японии в ее попытке вернуть себе «северные территории» (Симотомай Нобуо. Адзиа рэйсэн си, с. 160).

однако пришедшая ей на смену президентская система не функционировала должным образом. Аналогичная тенденция прослеживалась и во внешней политике. К 90-м годам на смену когда-то могущественному и единому Политбюро пришли аморфные структуры³³. Их взаимодействие и *modus operandi* менялись от случая к случаю и были плохо скоординированы. Бывший министр иностранных дел Козырев в своих мемуарах подчеркивал этот феномен в связи с «японской проблемой» в 1990–1993 гг.

По мере того, как «суверенные республики» объявляли о своей независимости, крах СССР становился все более возможным, а отношения Горбачева с Ельциным – все более сложными. Горбачеву приходилось бороться с двумя оппозиционными силами: растущей «советской чиновничьей» оппозицией из его собственного окружения и «республиканской демократической» оппозицией. Несмотря на то, что Горбачев называл свою политику «центристской», к февралю 1991 г. он находился в прямом конфликте с радикальным подходом Ельцина. В команде Горбачева усилились реакционно-консервативные настроения, и это не давало ему принимать решения от имени советского руководства. Такие эксперты по внешней политике России, как Козырев и Кунадзе, открыто выступали против инициатив Горбачева в отношении Японии.

С японской стороны наиболее характерным примером увеличения числа действующих лиц являлся визит Одзава в Москву в марте 1991 г. В ходе поездки Одзава напрямую предложил «внушительную экономическую помощь в обмен на острова», что вызвало прямо-таки противоположный эффект.

Официальный визит Горбачева в Японию в апреле был важным, но менее значимым, чем ожидалось. Горбачев действительно обратился к истории государств. Он передал списки японских военнопленных и других узников, которые умерли в Сибири, а также пообещал ввести безвизовый режим посещения северных территорий их бывшими жителями. Стороны договорились продолжить переговоры по мирному договору с использованием «позитивных элементов предыдущих договоренностей», а также открыто обсудили применимость Декларации 1956 г. и соотношение между Курилами и «четырьмя островами». Таково было положение дел до того, как после неудавшейся попытки переворота в августе 1991 г., президенты России, Украины и Белоруссии в декабре 1991 г. в одностороннем порядке объявили о роспуске Советского Союза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Алпатов Владимир Михайлович</i>	член-корреспондент РАН, профессор, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Денисов Юрий Дмитриевич</i>	кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Катасонова Елена Леонидовна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Куланов Александр Евгеньевич</i>	Директор Центра восточно-азиатских исследований и консалтинга Академии имиджологии
<i>Лебедева Ирина Павловна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Маркарьян Седя Багдасаровна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Молодяков Василий Элинархович</i>	доктор политических наук, доктор философии, университет Такусёку (Япония)
<i>Молодякова Эльгена Васильевна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, профессор МГИМО(У) МИД России
<i>Симотомаи Нобуо</i>	профессор университета Хосэй (Япония)
<i>Стрельцов Дмитрий Викторович</i>	доктор исторических наук, МГИМО(У) МИД России
<i>Тимонина Ирина Львовна</i>	доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова
<i>Чугров Сергей Владиславович</i>	доктор социологических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, главный редактор журнала «Полис» («Политические исследования»)

³³ Лигачев Е. Загадка Горбачева. М., 1992, с. 4.; В. Крючков. Личное дело. М., 1996.

CONTRIBUTORS

- Alpatov Vladimir Mikhailovich* Prof. (Philology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Chugrov Sergei Vladislavovich* Prof. (Sociology), Moscow State Institute of International Relations, Russian Ministry of foreign affairs, Chief editor of the «Polis» magazine («Political Studies»)
- Denisov Yuri Dmitrievich* Ph. D. (Technology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Katasonova Yelena Leonidovna* Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Kulanov Aleksandr Evgenyevich* Director of the Center of East Asia Studies and Consulting
- Lebedeva Irina Pavlovna* Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Markarian Seda Bagdasarovna* Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- Molodyakov Vasily Elinarkhovich* Prof. (Philosophy, Political Science), Takushoku University
- Molodyakova Elgena Vasilyevna* Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Prof., Moscow State Institute of International Relations, Russian Ministry of foreign affairs
- Shimotomai Nobuo* Prof., Hosei University, (Japan)
- Streltsov Dmitry Viktorovich* Prof. (History), Moscow State Institute of International Relations, Russian Ministry of foreign affairs
- Timonina Irina Lvovna* Prof. (Economics), Institute of Afro-Asian Studies, Lomonosov Moscow State University

Центром японских исследований Института востоковедения РАН

изданы в 1995–2007 гг.
индивидуальные и коллективные монографии:

- Лебедева И. П.* Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995
- Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.* Японское общество: книга перемен. М., 1996
- Япония: конец XX века. М., 1996
- Японский феномен. М., 1996
- Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998
- Япония 90-х: кризис системы или временные сбои. М., 1998
- Япония: мифы и реальность. М., 1999
- Матрусова Т. Н.* Организация профессиональной подготовки в Японии. М., 1999
- Япония: консерватизм и традиционализм. М., 2000
- Япония и современный мировой порядок. М., 2002
- Тимонина И. Л.* Япония: региональная экономика и политика. М., 2002
- Герасимова М. П.* Киотоский альбом. М., 2002
- Стрельцов Д. В.* Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002
- Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003
- Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003
- Лебедева И. П.* Малый бизнес в Японии. М., 2004
- Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004
- Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.* Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004
- Катасонова Е. Л.* Последние пленники второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005
- Портрет современного японского общества. М., 2006
- Япония, открытая миру. М., 2007.
- Продолжается издание ежегодника «Япония».
-

Центр изучения современной Японии
The Center for Contemporary Japanese Studies
Японский фонд
The Japan Foundation

Глобальные вызовы – японский ответ

Руководитель проекта *Э. В. Молодякова.*
редактор *Н. П. Дмитриевская*

Ответственный за выпуск А. Г. Макаров

Дизайн обложки *К. Струков*

технический редактор М. А. Кононов
корректор С. В. Виноградов

Подписано в печать с оригинал-макета 01. 08. 2008.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офс. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18. Тираж 600 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: (095) 466-16-35. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
